

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

2
1966

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ —
О ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

М Е Ч Т Ы
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА
ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
Д Е Л А

**Я верю, что вечно бессмертен
И борется в первом ряду
Парнишка, родившийся в третьем,
Погибший в двадцатом году!**

Р. Рождественский

ОРЛЯТА

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Даже еще не возмужавшая молодость, а лишь горячая юность «в шестнадцать мальчишеских лет» ставила вчерашних ребятишек в красноармейский строй.

В лихой буденовке, в не по росту длиннополой шинели, с шашкой, доходившей чуть не до плеча, вместе с отцами они сражались за Советскую власть.

Ветераны 225 полка 4-й Уральской дивизии тепло вспоминают 13-летнего конного разведчика Рявкина. Любимец полка, хрупкий мальчишка с живыми озорными глазами, он не раз выручал их в боях с белогвардейцами.

...Одна из улиц в Нижних Сергах носит имя Дмитрия Бажукова. Четырнадцатилетний ученик 3-го класса Нижне-Сергинского училища, в 1918 году он пришел в военный комиссариат и стал работать секретарем. Во время боев

у станции Атиг Митя вызвался разведать обстановку у станции Дружинино. Но был схвачен колчаковцами и зверски замучен.

...В прикамском поселке Камбарка в братской могиле павших в боях за власть Советов похоронен одиннадцатилетний мальчик Шура Бабилов. В сентябре 1918 года он был схвачен кулацкой бандой вместе с группой красногвардейцев и советских работников и расстрелян.

Белогвардейцы расстреляли чусовских ребят — 13-летнего Вахрушева и 14-летнего Никитина. Имена героев пока не известны.

...Бывшие чапаевцы, вспоминая «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они», непременно помянут своих юных соратников «чапаенков - башкиренков», как звали их в знаменитой 25-й дивизии. И среди них — 14-летнего Яхила Сайфуомулюкова, порученца ко-

миссара отряда Г. Давлетшина. Яхил погиб, спасая комиссара в уличном бою в городе Пугачеве.

...А славное имя героя-пионера Павлика Морозова, погибшего в годы боев с классовыми врагами, боев, не отмеченных ни на каких штабных картах.

Сколько их, юных героев, детей уральских рабочих и крестьян, в грозные годы рождения Советского государства отдавших жизнь во имя светлого будущего!

4-й слет следопытсв Урала, состоявшийся в августе прошлого года близ столицы Башкирии — Уфы, задумал доброе дело: восстановить в памяти потомков имена юных героев гражданской войны и классовых боев на Урале и воздвигнуть им памятник.

Памятник уже заложен в пионерском парке имени Якутова в Уфе. Мы мечтаем открыть его в дни полувекowego юбилея Советской власти.

Что же должны сделать следопыты за эти два неполных года? Прежде всего нужно узнать имена юных героев, погибших в те огненные годы. Надо опросить ветеранов гражданской войны, старых жителей своего района, тща-

тельно изучить архивные документы той поры и собрать все, вплоть до маленькой крупички, сведения о мальчишках и девчонках, о подростках школьного возраста, участвовавших в боях с белогвардейцами. Все эти материалы следует посылать в редакцию «Уральского следопыта». По мере поступления мы будем публиковать их и составлять список фамилий героев для памятной доски.

Мы надеемся, что ветераны гражданской войны, историки, краеведы, музейные работники окажут следопытам и редакции журнала свою помощь.

Памятник предполагается воздвигнуть на средства, собранные самими следопытами.

Мы ждем от скульпторов, архитекторов и художников, от всех читателей журнала проекты и предложения о будущем памятнике. Эскизы будут публиковаться в журнале. При редакции создается художественный совет по созданию проекта памятника. Он отберет лучшие предложения и на основе их утвердит окончательный проект.

В создании памятника орлятам должны принять участие все следопыты Урала, все читатели нашего журнала!

ТАМ, ГДЕ БУДЕТ ПАМЯТНИК

Над местом закладки памятника взяли шефство пионеры восьмилетней школы № 91 города Уфы. Здесь, на одной из торжественных линеек, командиры отрядов получили от совета дружины боевое задание по розыскам неизвестных героев, погибших за счастье людей в годы гражданской войны, а также по сбору документов и реликвий.

Склонилось пионерское знамя. Минутой молчания ребята почтили память юных борцов.

На снимке: командир отряда получает задание.

К. МОМАТ

ПАРНИШКИ СО СТЕКОЛЬНОГО

Семья у богоявленского стеклодува Ивана Васильевича Калмыкова была большая: одних детей девять человек. Шла империалистическая война. Двух старших сыновей взяли в армию, и третий, Петя, остался главным помощником у родителей. Он нянчил ребят, мыл полы, даже научился вязать и вышивать. А в пятнадцать лет поступил на завод.

...В смрадном, удушливом мареве с трудом угадываются фигуры рабочих, стоит сплошной треск и звон стекла. Петя пробирается к своему рабочему месту, ставит в угол жестяной бидон с водой. Потом раздевается и натягивает на голое тело загрубевшую, просоленную спецовку.

Появляются напарники — гамай¹ и суфлер².

— Начинай! — хрипло кричит суфлер.

Петя набирает на длинную трубку расплавленное стекло и передает гамаю. Тот берет конец трубки в рот и начинает дуть. Лицо у гамаи краснеет, глаза от напряжения вылезают из орбит. Потом наступает очередь суфлера: он завершает выдувание стекла.

Пот застилает глаза, спецовки липнут к телу. Все чаще и чаще рабочие жадно пьют воду, но это не приносит облегчения.

— Давай, давай! — в исступлении бросает суфлер.

Петя хватает трубку.

Так всю смену, которая кажется бесконечной.

Летом семнадцатого года к Ивану Василье-

вичу из армии приехал брат Михаил. Бывший стеклодув носил теперь погоны с лычками старшего унтер-офицера. Петя любил слушать его рассказы о фронтовой жизни.

Однажды спросил:

— Скажи, дядя Миша, ты в какой партии состоишь?

— В партии большевиков, — ответил Калмыков с нескрываемой гордостью.

— А самого Ленина видел?

— Не доводилось.

— Большой он, должно быть, высокий — высокий и сильный, как богатырь? — мечтательно произнес подросток.

— Нет, Петя, Ленин совсем не высокий. А силен он действительно необычайно, потому что поддерживает его весь трудовой народ.

...В июле Богоявленский Совет конфисковал у заводчиков Пашковых землю и посевы. Рабочие — мужчины, женщины, подростки — вышли убирать хлеб. Работали дружно.

Председатель Совета Калашников, проходя по полю, увидел, как Петя жнет серпом. Похвалил:

— Молодец. Старательно работаешь!

Недели через две душистое зерно наполнило заводские амбары. Рабочим начали выдавать хлеб. Старики довольно толковали:

— Вот что значит народная сила!

— Миром и черта поборешь!

Михаил Калмыков объявил запись добровольцев в Красную гвардию. Вместе со взрослыми шли подростки.

— Меня запишите, дядя Миша!

¹ Гамай — помощник мастера.

² Суфлер — мастер.

Николай Калмыков. Фото 1921 года.

— Прошу принять в добровольцы!
Из подростков приняли лишь двоих — Петю Калмыкова и Николая Мичурину. Остальные вслух выражали обиду.

И вот сорок пять человек выстроены в шеренгу. Слушают своего командира.

— Служить будем, — говорит Калмыков, — рабочему классу. Служба бесплатная. Обучаться после работы. Порядок строгий: командиром и товарищам не грубить, водку не пить, оружие беречь, в бою не трусить. Кому все это не под силу, говорите сразу, отчислю в момент.

Желающих уйти из отряда не оказалось.

Шестого ноября Богоявленский Совет взял власть в поселке и волости в свои руки. Через месяц пришла весть, что казачий атаман Дутов арестовал членов Оренбургского Совета и угрожает челябинцам и троичанам. В январе 1918 года рабочие отряды выбили дутовцев из Оренбурга, и те отступили в район Верхне-Уральска.

Богоявленские красногвардейцы стали спешно готовиться к походу. Днем Петья забежал домой, подозвал четырнадцатилетнего братишку.

— Вот что, Коля, завтра я уезжаю на фронт.

От зависти и удивления Коля раскрыл рот.

— Далекое?

— Под Верхне-Уральск. Идем бить Дутова. Тебе придется поступить на завод. На мое место.

— Ладно.

— Помогай маме.

— Все сделаю, не беспокойся.

В полночь протяжно загудел заводской гудок. Рабочие спешили на окраину поселка. В сапогах и шинелях, с винтовками и подсумками стояли шеренгами добровольцы.

Командир отряда Никита Опарин басовито командовал:

— Смирна-а!

Смолкли разговоры. Молодежный хор пел:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе...

Отряд дал в воздух несколько залпов и тронулся в путь. Провожавшие шли рядом с красногвардейцами. Наконец они остановились и стали махать фуражками, платками.

Вслед рабочим бойцам неслось:

На бой кровавый,
Святой и правый
Марш, марш вперед,
Рабочий народ...

Через неделю богоявленцы прибыли в Верхне-Уральск. Здесь они объединились с суфимскими красногвардейцами. Командиром отряда выбрали Опарина, его заместителями — Салманова и Федора Калмыкова.

Рано утром отряд вышел из города. Задача — занять станицу Кассельскую.

Вперед выслали пешую разведку. С нею отправился Петя. Взошло солнце. Подросток напряженно всматривается в степь, но там ни души. Когда разведчики были в трех-четыре километра от станицы, показались казаки.

— Приготовиться! В цепь бегом! Ложись! — крикнул Салманов.

Пете не верилось, что начинается бой.

— Взвод, по казакам — огонь!

При первых же выстрелах казаки скрылись.

У самой станицы снова вспыхнул бой. Когда подтянулся весь отряд, на него бросилась сотня конников. Петя лежал рядом с товарищами. Страшны казаки на конях. Шашки и пики делают их необыкновенно высокими и грозными. Кажется, вот-вот они раздавят красногвардейцев.

— По дутовцам — пли! — раздалась команда Опарина.

Прогремело несколько дружных залпов. Казаки, теряя убитых и раненых, стали поворачивать назад. Но вскоре они повели наступление в пешем строю.

Разгорелась перестрелка. Бьют винтовки, яростно строчит пулемет Салманова. Вдруг из-за сопки вылетела конница и устремилась на правый фланг красногвардейцев.

Кто-то крикнул:

— Обошли!

Опарин и Федор Калмыков восстановили порядок, построили ошетинившийся штыками треугольник, поставили пулеметы. Белоказаки не решились атаковать красногвардейцев, и отряд вырвался из кольца.

Среди отошедших Пети не оказалось.

Через три дня отряд начал новое наступление на Кассельскую и занял ее. Здесь был обнаружен изуродованный труп юного красногвардейца. Очевидцы рассказали о его последнем часе.

Казаки привели окровавленного Петю и стали допрашивать. Но он молчал. Тогда белые пустили в ход шомпола и нагайки. Петя с презрением бросил палачам:

— Лучше смерть, чем предательство!

В бессильной ярости белогвардейцы кололи его штыками. Потом потащили к столбу и повесили вниз головой.

...Далеко за поселком богоявленцы встречали возвращающихся красногвардейцев. Перед прахом Пети обнажили головы.

Поплыла печальная мелодия:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу...

Юный герой с воинскими почестями был похоронен в заводском парке.

...Через несколько месяцев начался новый поход против Советов. Белогвардейцы расстреливали рабочих, жгли дома.

Богоявленский поселок стал крепостью рабочих. Два месяца богоявленцы мужественно отбивались от наседавшего врага. Во главе полка, сформированного из рабочих и деревенской бедноты, стоял стеклодуд Михаил Калмыков.

В середине августа 1918 года на помощь осажденным пришел отряд Василия Блюхера и братьев Кашириных. На митинге, обращаясь к богоявленцам, Калмыков сказал:

— Товарищи, станем все на защиту Советской власти и под руководством Блюхера будем громить заклятых врагов!

Коля подошел к Калмыкову.

— Дядя Миша, возьми меня в отряд.

Михаил Васильевич ласково посмотрел на племянника.

— Годков тебе мало-вато.

— Петя много ли старше меня был?..

— Ну что ж, так и быть!

Так Коля стал бойцом.

Он участвовал в ожесточенных боях с белыми на реке Сим, за Иглино, на Уфе. Позже прошел с полком от Вятки до Иркутска.

Весной 1920 года красноармеец 269 Богоявленско-Архангельского полка Николай Калмыков демобилизовался и продолжал службу в роте при Стерлитамакском военкомате.

В начале Великой Отечественной войны Николай Иванович снова взялся за оружие. В мае 1943 года он пал смертью храбрых в бою с фашистами.

М. ГОЛУБЫХ,
бывший начальник оперативного отдела штаба партизанского отряда Блюхера

Еще не совсем ладно сидит гимнастерка, пальцы плохо слушаются, и поэтому уставное приветствие «к козырьку» выглядит неуклюже, тотчас выдавая новичка, новобранца,— как говорили в старину. Но молодежь уже понемногу осваивается. И первое, с чем знакомят новичков их командиры, это традиции части.

Младший сержант В. Панев, как заправский гид, показывает первогодкам экспонаты музея боевой славы. Вот она, та меткая винтовка, из которой снайпер комсомолец Касимулла Зайнутдинов уничтожил 226 гитлеровцев. Это было 20 с лишним лет назад.

А сегодня пришел черед сыновей героев. Так же беззаветно они будут выполнять свой самый священный долг перед Родиной, зорко стоять на страже ее мирного труда.

Фото В. Вохмина

ПАКЕТ ЧАПАЕВУ

1.

Было это в незабываемом девятьсот девя-
надцатом.

В тот год весна выдалась ранняя, теплая. У шлагбаума при въезде в Уфу стоял полицейский и сонно щурил глаза. Увидев двух подростков, девочку и паренька, в лаптях и с котомками за плечами, сердито спросил:

— Кто такие?

— Сироты мы, дяденька,— ответила девочка.

— Куда идете?

— К родне. Тетка у нас в городе живет.

— Ну проходи, проходи, не задерживай!

Очутившись за шлагбаумом, девочка, поправляя на голове дырявый платок, из-под которого виднелся грязный бинт, зашептала над ухом подростка:

— Видал? «Кто, куда идете?..»

— погоди, скоро наши хвоста им накрутят! — коротко отозвался паренек.

У железнодорожных мастерских дети остановились. В воротах показались рабочие в замасленной одежде. Девочка шагнула к одному из них.

— Позовите нам дядю Максима.

Рабочий вернулся за ворота и крикнул:

— Максим! Тебя тут спрашивают.

Вскоре вышел высокий сутулый мужчина и направился к ребятам.

— А-а, Дуняша...

— Здравствуйте, дядя Максим!

— Здравствуй! А это кто с тобой?

— Женька. Вместе мы теперь ходим.

— Ладно... Идемте...

Все трое пересекли дорогу и стали подниматься в гору по деревянной лестнице. На верхней площадке рабочий осмотрелся.

— Переночуете у дяди Васи, вон в том домике. Завтра я найду за вами.

2.

Поеживаясь от утренней прохлады, Дуняша и Женя спешили за широко шагавшим дядей Максимом. Наконец тот проговорил:

— Давайте присядем,— и первый опустился на влажную от росы землю. Ребята расположились рядом и приготовились слушать. Поблизости не было ни души. Внизу, под горой, сновал маленький паровозик, выпуская белые облачка, вслед за которыми доносились требовательные нетерпеливые гудки.

— Вот что, ребята,— начал дядя Максим, пристально вглядываясь в лица подростков.— Красная Армия идет в наступление от Самары. Надо помочь нашим. И тут, можно сказать, многое будет зависеть от вас. Ничего, что малы еще... Одним словом, задание вам такое: доедете на поезде до фронта, а дальше проберетесь к нашим пешком.— Дядя Максим достал из кармана сверточек величиной со спичечную коробку.— Передайте вот это...

— Кому? — Не вытерпела Дуняша.

— Не перебивай. Все скажу. Так вот, вы попадете в двадцать пятую дивизию. Она в тех местах. Командиром у них Чапаев Василий Иванович. Может, слышали такого?

— Я слышал! — отозвался Женя.— Белые его здорово боятся!

— Вот, вот. Слушайте дальше. Когда попадете в дивизию Чапаева, спросите Шульгу.

— Дядю Филиппа?! — обрадовалась Дуняша.

— Верно, ты его знаешь.— Максим протянул сверток Дуняше.— Возьми. Передадите лично Чапаеву. В случае опасности — уничтожить.

— Знаем,— деловито ответила Дуняша.

3.

Через сутки машинист высадил ребят на разъезде и показал им дальнейший путь. К вечеру Дуняша и Женя добрались до леса и, никого не встретив, заночевали в стоге сена. Рано утром они двинулись снова. Неожиданно, пересекая лесную поляну, наткнулись на всадников.

— Стой!

— Вы отколь? — спросил молодой веснушчатый конник в папахе.

— Из деревни, дяденька,— ответила девочка.

— Чего бродите?

Дуняша посмотрела на Женю.

— Лошадь у нас потерялась,— ответил подросток.

— Гм, лошадь потерялась,— усмехнулся конник.

— А почему с пустыми руками?

Ребята переглянулись.

— Где говорю, уздечка?

— А мы без уздечки. Лошадь у нас смирная.

Конник посуровел.

— Смирная? Ну вот что, айда в штаб.

— Дяденька, да вы же наши! — закричал Женя, только сейчас разглядев на груди у конников красные банты.

— Шагай. Там разберемся, чьи да откуда.

Ребят привели в большое село. В просторной избе за столом сидели военные с загорелыми, обветренными лицами. На лавках — седла, вещи, мешки, оружие.

— Вот ребят задержали в лесу,— доложил веснушчатый.— Лошадь, говорят, потеряли...

Дуняша шагнула к столу.

— Дяденьки командиры, нам очень нужно дядю Шульгу.

— Какого Шульгу? — спросил один, вероятно, старший.

— Он у вас, у красных.

— А ты почему знаешь, что мы красные?

— А ленты-то! Что я, слепая? Шульгу нам надо.

— Не знаем такого...

— Погоди, не морочь ребятам голову,— проговорил другой, усатый.— А ты, девочка, знаешь, как зовут-то Шульгу?

— Филиппом, дядей Филиппом.

Усатый высунулся в окно, крикнул:

— Эй, Семен! Позови Шульгу. Да быстро!

В избу вошел, согнувшись под притолокой, широколицый рябой военный лет тридцати, перетянутый ремнем поверх телогрейки. Дуняша бросилась к нему.

— Дядя Филипп!

— Вы как сюда попали? — удивился Шульга.

— У нас письмо к вам,— сказал Женя.

— Так давай...

Дуняша незаметно ущипнула Женю за руку.

— Путает он. Пакет не вам, а самому Чапаю.

— Что ж, Василий Иванович как раз у себя.

На улице сновали конные, пешие. Вдруг Дуняша увидела, что навстречу им через дорогу идет быстрой походкой сухощавый усатый человек. Лихо заломлена папаха, на лбу тонкое кольцо волос, левая рука на рукоятке серебряной шашки, а в правой нагайка.

— Что за ребята? — спросил он у Шульги.

— Разрешите, товарищ комдив, доложить... Наши связные из Уфы. Пакет привезли.

Чапаев шагнул к ребятам. Взгляд у него открытый, глаза синие-синие, с зелеными искорками.

— Ну, айда ко мне. Там поговорим...— И, круто повернувшись, зашагал обратно через дорогу.

Вошли в светлую просторную горницу. Дуняша протянула сверток Чапаеву. Взял он его, развернул на столе. Не торопясь прочел. Потом потребовал карту, циркуль. Сел на табурет. Сидит, что-то выписывает и по карте отмечает.

— Задумали генералы с высоты уфимского берега из пушек нас расстрелять! — Голос у Чапаева стал веселым, высоким, словно петь собирается.— Что ж, посмотрим, кто кого...— И повернулся к ребятам: — Ну, спасибо вам. Одним словом — молодцы! А сейчас отдыхать идите.

4.

Так Дуняша и Женя стали чапаевцами. Не раз по заданию командования ходили они в тыл к колчаковцам.

После взятия Уфы Чапаевскую дивизию перебросили опять в уральские степи.

Шел август 1919 года. Дивизия с боями продвигалась на помощь городу Уральску, осажденному казаками.

У одной из станиц разгорелся жаркий бой. Ребята обычно находились в обозе, им строжайше было запрещено лезть под огонь. Но разве усидишь, когда в цепь ушли почти все обозники! Женя и Дуняша набрали из ящика грзнат — ребристых, круглых, величиной с гусиное яйцо, и огородами выбрались за станицу, в цепь к чапаевцам. Глянула Дуняша в степь, и от волнения

Евдокия Афанасьевна Кузнецова.

дух захватило: по золотистому жнивью ряд за рядом шли белоказачьи цепи. «Что же наши не стреляют?!».

Когда над казачьей цепью понеслось из конца в конец «А-а-а!» и она устремилась к окопам, раздалась команда:

— По белякам — огонь!

Затрещали выстрелы. Цепи казаков редели, но продолжали лезть вперед. Дуняша и Женя тоже стали бросать гранаты. С фланга ударил вражеский пулемет. Дуняша упала на землю.

— Женька... Помоги встать... Слышишь?..

Но Женька не отозвался. Его еще раньше скосила пулеметная очередь.

Очнулась Дуняша в госпитале. Вместе с другими ранеными ее отвезли в Москву.

5.

В маленькой палате на три койки было холодно. Дуняша лежала у огромного заледневшего окна и прислушивалась к голосам, доносившимся из коридора. В палату вбежала радостно возбужденная молоденькая сестра и проговорила:

— Ленин, Ленин приехал!.. И Крупская!

Некоторое время было слышно шарканье ног у двери. Потом на пороге показался главный врач. За врачом вошла немолодая женщина в длинной черной юбке и близоруко осмотрелась. Увидев Дуняшу, улыбнулась и негромко сказала:

— Здравствуйте,

ВОИНУ-ОСВОБОДИТЕЛЮ

Как-то зимой, в феврале, я был в городе Ухта, центре нефтяной промышленности Коми АССР. Здесь на центральной площади я увидел необычную скульптуру советского Воина-Освободителя.

Это участники кружка изобразительных искусств при Центральном Доме культуры нефтяников создали точную копию монументальной статуи Е. В. Вучетича из... снега.

Так ухтинцы отметили День Советской Армии.

К. КОСТРИН

Почти одновременно от дверей донеслось более звучное и какое-то по-особенному бодрое:

— Здравствуйте, товарищи!

В дверях в наброшенном на плечи халате стоял коренастый человек с удивительно живыми глазами. Он сделал несколько шагов вперед.

— Поздравляю вас с праздником Красной Армии и желаю скорейшего выздоровления!

«Да ведь это Ленин! — догадалась Дуняша. — А рядом с ним — Крупская».

Сестры стали раскладывать по тумбочкам подарки — писчую бумагу, карандаши, конверты.

— В этой палате — раненые девушки, — говорил главный врач. — Самой старшей — шестнадцать лет.

— Позвольте, а как попал сюда мальчик? — спросил Ленин, подойдя к койке Дуняши.

Врач ответил:

— Вас ввела в заблуждение короткая стрижка, Владимир Ильич. Это девочка, с уральского фронта.

Крупская осторожно присела на край Дуняшиной койки.

— Как зовут тебя?

— Дуняша... Дуня Кузнецова...

— Тебя ранило?

— Посекло... Грудь и ноги посекло.

Крупская подняла глаза на Ленина, и тот, повернувшись к врачу, спросил:

— Как ее состояние?

— Теперь вне опасности. Но положение было очень серьезным.

Когда главный врач и Владимир Ильич подошли к следующей койке, Крупская, помолчав, тихо спросила:

— Ты знаешь, что Чапаев погиб?

— Да, знаю... Письмо мне прислали... — И Дуняша заплакала.

— Не надо, милая, не надо, успокойся, — по-матерински приговаривала Надежда Константиновна, ласково поглаживая Дуняшину руку.

— А куда... — пересиливая слезы, спросила девушка, — куда я потом пойду? У меня же никого не осталось...

Крупская достала блокнот, что-то написала и вырвала страничку.

— Вот, возьми. Выздоровеешь — приходи ко мне в Наркомпрос. — И встала. — Ну, поправляйся.

Дуняша посмотрела на Ленина. Он стоял с главным врачом у выхода. В его прищуренных глазах светилась печаль.

— Молоды... Очень молоды! — произнес Владимир Ильич. — Нелегкая у них юность... — И, как бы с кем-то споря, добавил: — И все-таки им будут завидовать. Да, да. Ведь они принимают участие в работе изумительной по своей исторической значительности!

* * *

Весной 1920 года Дуня Кузнецова выписалась из госпиталя. Надежда Константиновна помогла ей поступить учиться в 4-ю Калужскую военную окружную школу инструкторов физического воспитания. Окончив ее, Евдокия Афанасьевна стала учительницей. И в какой бы школе она ни работала — в Бирске, Славгороде или в Уфе, — всюду ее уважали, как человека отзывчивого, искреннего, прямого.

Сейчас Евдокия Афанасьевна на пенсии.

В. КАШИЦ

СЛЕДОПЫТ

ПАВКА

БРОННИКОВ

В Чердынском краеведческом музее имени Пушкина хранятся редкие образцы уральских камней, подаренных следопытом Павкой Бронниковым.

Этот паренек исходил северные отроги Урала. Он открыл в отвесной восьмиметровой толще скалы небольшой пласт известняка с обильным вкраплением вымерших ракушек.

В 1939 году Павка побывал в верховьях Вишеры. Вместе с учителем рисования Г. Г. Давыдовым он добрался до Кутима, вместе они осмотрели следы старых разработок по добыче железной руды, познакомились с извилистой речушкой «Пропашая», где в старину золотоискатели занимались промыслом. Вместе бродили по тайге, пересекали торфяные болота, исследовали месторождение свинцово-рудных пород. С каждым шагом пополнялся их вещевой мешок. Когда груз достиг предела, они тронулись в обратный путь.

Перед войной Павка работал на одном из заводов в Перми. А очень скоро я получил письмо.

«Сообщаю, что нахожусь в Риге, но не сегодня-завтра уезжаю на фронт бить зарвавшегося, оголтелого врага. Не пощажду сил для того, чтобы победить фашистов. Пишу на сторожевом посту. Настроение

боевое. До свидания. 23 июня 1941 года. Павка».

Следующее письмо с фронта. *«Участвую в боях против фашистских бандитов в Псковском направлении».*

Потом, от 17 августа 1941, — из Ленинграда.

«14 июля меня сильно ранило. Пуля прошла через грудь и вышла в правый бок. Трудно дышать, но ничего. Поправлюсь и снова пойду бить фашистов. Я и весь народ наполнены великим гневом. Я участвовал в пяти боях, и вот в последнем меня сразило. Возможно, отправят в другой город, но когда, не знаю. Какие у вас новости? Все меня очень интересует. Павка».

Почти на год Павка исчез. Летом 1942 года пришло последнее письмо, из Ярославля.

«Теперь сообщу, где я был и почему не писал. В прошлом году, когда я вылезился, из госпиталя поехал на Ленинградский фронт. Шли упорные бои. Я попал в окружение и был взят в плен. Убежал и стал пробираться на свою сторону, но немцы снова схватили меня в лесу. Привели в штаб, допросили, а затем один немец повел меня на окраину леса. Заставил копать яму. Он стоял очень близко около ямы и наблюдал за мной. Но я, выбрав удачный момент, стук-

нул его лопатой. Он свалился, а я в лес. После этого долго ходил и опять попал к немцам. Отправили в лагерь в город Поросов. Решил снова убежать и ушел под проволоку... Долго скитался по деревням Калининской области. Крестьяне кормили, но ночевать не пускали: немцы установили полицию, которая беспощадно расправлялась с красноармейцами, попавшими в окружение. К своим добрался 15 февраля вместе с другими товарищами.

Нас хорошо приняли и повезли на формировку. Дорогой заболел. Но ничего, поправлюсь. Поправлюсь и снова буду бить немцев-извергов. Злоба ужасная. Вы, конечно, знаете, как они издеваются над мирным населением. Я видел собственными глазами. Буду мстить и мстить!»

Павка дрался за наш Ленинград. Во время вражеского обстрела он погиб в блиндаже вместе со своими боевыми друзьями. Это я уже узнал из письма командира.

...Теперь в музее Чердыни вместе с коллекцией минералов следопыта Павки Бронникова хранятся его фронтовые письма — драгоценная реликвия.

И. ЛУНЕГОВ

НА ВЫСШИХ ОБОРОТАХ

Тысяча двести — тысяча триста оборотов! — это было критической чертой. Двигатель с маркой Уральского турбомоторного завода на таких режимах не дотягивал и до ста часов.

Представьте себе, что машинист какой-нибудь нефтебуровой установки принимает но-вехонкий двигатель. Но вместе с ним поступает инструкция: «Работа на 1200—1300 оборотах запрещена — район резонанса!» Как пройти опасный район и вывести машину разом на высшие обороты до...? Инструкция советовала: «сделайте это с максимальной скоростью».

Очень трудно было на практике придерживаться такого совета, потому-то на завод и шли рекламация за рекламацией. А конструкторы, выезжая на места аварий, беспомощно разводили руками: коленчатый вал не выдержал...

Чем погасить крутильные колебания вала в момент резонанса? Есть, существует гаситель-демпфер. И много лет мотористы завода бились над конструктивным решением такого устройства.

Если взглянуть на готовый чертеж — ничего хитрого вроде бы нет. Состоит демпфер из трех основных деталей: корпуса, маховика и крышки. Зазоры между корпусом и маховиком заполняются высоковязкой жидкостью. Но те, кому приходится доводить этот узел, недаром называют его «хитрым».

...Проблемы вставали одна за другой. Как крепить демпфер на коленчатом валу? Как осуществить герметизацию его внутренней полости? Как качественно заполнить его высоковязкой жидкостью? Как выдержать зазоры между маховиком и корпусом в несколько десятых долей миллиметра на большой поверхности? И самое скверное то, что неполадки обнаруживались лишь после того, когда двигатель наработывал тысячи и больше моточасов.

Для решения проблемы потребовалось много усилий и времени. На прозрачной модели из органического стекла авторы-конструкторы бесконечно меняли форму и расположение каналов, канавок, заглушек. И в конце концов пришли к одному неожиданному решению. И конструкция оказалась так проста, что авторы долгое время сами не подозревали о своем приоритете. Но это подтвердил Госкомитет изобретений. Двенадцать мотористов, среди них много молодежи, и руководитель Юлий Арсеньевич Васильев, — заместитель главного конструктора — получили авторские свидетельства.

С большим удовольствием они внесли изменение в существующую инструкцию: «На двигателе марки «ТМЗ» можно развивать любые обороты, не опасаясь попасть в зону резонанса».

Новая конструкция — подарок заводских следопытов съезду КПСС.

Т. ЕФИМОВА

БИОГРАФИЯ

«При испытании скважины Р-3, что расположена на Заполярной структуре, с глубины 1310—1330 метров ударил мощный газовый фонтан».

Из рапорта тазовских геологоразведчиков.

Биография месторождения... Она начинается задолго до победных реляций об открытии. За короткими строчками радиogramмы — годы труда и исканий, надежды и мечты многих сотен людей...

Тазовское, осень 1963 года. Только организовалась экспедиция, и небольшой пока коллектив ее разрывался на десятки самых неотложных и самых необходимых дел. Прибывали многотонные лихтеры с грузами на весь год. Бурилась новая скважина. Выходила в поле геофизическая партия. Закладывались первые фундаменты домов будущего поселка. Ох, непростая эта работа — развернуть в необжитой тундре новую экспедицию!

В маленькой комнатухе мы жили втроем: главный геолог экспедиции Геннадий Быстров, приезжающий «с поля» начальник сейсмопартии Аркадий Краев и автор этих строк. Три раскладушки, тумбочка и три пары заляпанных грязью пудовых сапог — вот и все, что могло разместиться в нашем, роскошном по тому времени жилье. Но уже тогда, словно воочию, мы видели будущий промысел и поселок.

Мы называли его Новой Мангазеей. Три с половиной века назад старинный сибирский город Мангазея, ровесник Тюмени и Тобольска, торговал со всем миром «мягкой рухлядью» — пушниной. Около древнего города будет открыто новое богатство края. Это волновало, протягивало незримую тропку от прошлого к настоящему. Правда, Мангазея была не совсем рядом, километров двести на юго-восток от наших буровых.

— Двести туда, двести сюда — для тундры не расстояние, — утверждал Гена Быстров, напористый, подвижный — вот уж действительно оправдывает фамилию! — с поседлыми висками на молодом лице. — Считаю, что земляки.

— А потом еще ближе будем, — добавлял Аркадий Краев, протирая по привычке массивные очки, которые еще больше оттеняли юношески густой, кирпичный румянец щек. — Вот на Заполярную выйдем, а там — всего ничего,

ОТКРЫТИЯ

Так я впервые услышал о Заполярной площади. Нет, ее тогда еще не было. Не отмечалась она ни на одной карте, не тянулись к ней маршруты разведчиков, ретивые завхозы не спешили завозить туда грузы.

И все-таки Заполярная существовала — пока в планах, в задумках. И, естественно, об этом мы узнали значительно позже — в «натуре», под землей. Впрочем, именно для этого и понадобились те самые инженерные задумки.

Говорят, первое место работы для молодого инженера — все равно, что первая любовь. Зинаида и Аркадий Краевы, окончив Свердловский горный институт, попали на работу в Заполярье. Летом на катерах с сейсмостанциями они плавали по рекам — Тазу и Пуру. Выюжными морозными зимами трактора возили их по немеряной тундре. Результат — Тазовская газоносная площадь, бурение которой только начиналось.

Но были и другие, отдаленные результаты. Несколькими годами раньше весь район был закрыт мелкомасштабной магнитной и гравиметрической съемкой, — ее проводили то ли новосибирские, то ли красноярские геофизики. Они не искали структур — мыслили в основном крупными геологическими категориями, так называемыми регионами.

Когда уже была открыта Тазовская площадь, молодые инженеры-геофизики Краевы, изучая старые карты, обратили внимание на удивительную схожесть гравитационных аномалий Тазовской структуры и более южного района, около полузаброшенной фактории Нямбойто. «Значит, здесь должна быть такая же структура», — решили они.

И назвали ее для себя Заполярной.

Но как проверить эту загадку? Летом не доберешься, река обошла стороной предполагаемую газовую залежь. Вся надежда на зиму.

А зима началась трудно. Бурение Тазовской площади обнаружило солидные изъяны сейсмической разведки. То и дело буровая, заложенная, казалось, в верном месте, неожиданно оказывалась «пустой». Сказался недостаток опыта — пришлось срочно ставить дополнительную разведку, чтобы очертить точный контур месторождения.

«Как же с Заполярной? Неужели опять зиму пропустим?» — мучительно раздумывал начальник партии. Однажды он пригласил к себе обоих операторов.

Они вошли вместе, словно специально созданные для контраста: маленький, говорливый Слава Антипин и высокий, хмуроватый Валентин Михайленко.

Аркадий сразу поставил вопрос ребром:

— Разрываемся на части. И Тазовскую структуру доработать надо, и на Заполярную выходить. Ваше мнение?

Договорились быстро: Антипин берет на себя всю Тазовскую, поработать изрядно придется.

Зато высвобождается Михайленко — и сразу на Заполярную.

— Ты сейчас, Валя, на юг, а я летом на курорт, — подшучивал по обыкновению Слава Антипин.

Вскоре трактора отряда Михайленко покинули стоянку партии — поселок Тибей-Сале. На буксире тянулось громоздкое странноватое сооружение, похожее на стального удава с шарнирами-изгибами. Это был сухопутный сейсморазведочный бон, сконструированный и разработанный инженерами-геофизиками Александром Шмелевым, Вадимом Бованенко и Аркадием Красвым. Он как бы продолжил жизнь речного бона, сыгравшего важную роль в сейсмической разведке недр тюменской тайги. Михайленке была поручена его проверка в тундре.

Это была грудная проверка. Как всегда при «доводке» нового прибора, случалось множество непредвиденных задержек. То внутри металлического бона обрывалась проводка, то выходили из строя сейсмоприемники. Остановка, поиск неисправности, ремонт — уходило драгоценное время. Все-таки сухопутный бон проутюжил крестнакрест намеченный район. И подтвердил: да, здесь должна быть еще одна структура — подземное поднятие, в котором могут скапливаться газ или нефть.

Лето 1964 года прошло стремительно. Заполярная площадь уже чертилась пунктиром на картах. Но чтобы заменить эти пунктиры уверенными линиями, нужно было еще много поработать. Аркадий Краев, ставший к тому времени главным геофизиком Тазовской экспедиции, направил на новую площадь всю партию. Ее начальником стал уже знакомый нам Валентин Михайленко.

Весь сезон ушел на разведку нового месторождения. День за днем, месяц за месяцем, в пургу и мороз сейсмические отряды «прощупывали» землю.

К весне структура была подготовлена. Пошла пора приступать к бурению глубоких скважин.

Во второй половине мая главный геолог экспедиции Быстров и техник-топограф Иван Смирнов отправились в тундру. Она уже уступала приближающемуся теплу. На вершинах холмов чернели проплешины талой земли, снег становился мокрым и рыхлым. Куропатки еще не сбросили снежного наряда, но голова с шеей стали темные, и кажется, что прыгают по тундре огромные запятые.

Вот и нужное место. С помощью приборов точно определились на карте и на местности. Здесь будет заложена первая буровая.

Возвращались к вездеходу усталые. Смирнов спросил:

— Геннадий Петрович, как ваше мнение — найдем здесь что-нибудь?

Быстров продолжал шагать молча, словно не расслышал вопроса. Что сказать этому парню? Конечно, все решит бурение. Но разве не строят они здесь, около поселка, который назвали все-таки попроще — Газ-Сале, свою Мангазею, «златокипящую вотчину» новой Сибири? Разве не это держит его, волжанина, здесь, в прохваченном стильными ветрами краю? Разве может он не верить в то, что составляет основу его труда, труда геолога?

Обо всем этом подумал главный геолог, пока шел к вездеходу. А ответил коротко:

— Конечно, найдем. Даром, что ли, тундру своими шагами меряем.

Вскоре туда, где шагали геолог с топографом, отправился необычный для тундры караван. Вместо оленей шли тяжелые вездеходы и трактора, ковчеги чумы заменили передвижные вагоны-домики. В кузовах машин и на сделанных из отработанных буровых труб тракторных санях лежали тяжелые насосы, дизеля, швеллерные переплетения вышки. Буровая установка БУ-75 начала перебазировку на новую, Заполярную площадку.

Караваном командовал заместитель начальника экспедиции Александр Аристов. Маленький и полный, почти квадратный, он колющим перекачивался от машины к машине — кого-то торопил, на кого-то наседавал, где-то организовывал очередную помощь.

А помощь была необходима — тракторный поезд вышел поздно. Каждый день что-нибудь случалось. То вездеход провалится в совсем уж никчемном озере, — приходится лебедкой вытаскивать. То занесет в протоку тяжелые сани. И главное — караван нельзя разрывать, иначе совсем не дойдешь.

Восемьдесят километров тракторный поезд прошел за три дня. И вернулся назад за новыми грузами. Каждая машина сделала по три рейса. Когда возвращались в последний раз, было уже совсем тепло. Пели ручьи, на Тазу стояли широкие заборы. Идти было страшновато. Четыре трактора так и не сумели вернуться на базу, — весновали на необитаемом острове около Тибей-Сале. «Железные Робинзоны», — в шутку говорили о них механизаторы.

К лету забуриться все-таки не пришлось. Дизельное топливо, трубы, цемент остались на базе. Трактора до зимы бессильны. Реки нет. Помощь может прийти только с воздуха.

Одна надежда, на «Мишу», тяжелый вертолет МИ-6.

И новая загвоздка: для МИ-6 нужна нормальная посадочная площадка на базе. Времени в обрез, работали в три смены. Вахта механизаторов, вахта такелажников, вахты строителей и инженерно-технических работников — вся экспедиция строила «Мишину площадку». Зато удалась она надежная и в срок.

Коротко лето на Севере. Казалось, совсем недавно ползли по реке острые льдины, солнце не покидало горизонта, и многоцветье трав ласкало настывшую тундру. Не успел оглянуться, а уже опять плывет по реке осенняя шуга, исчезли тучи комаров, и холодные ветры все раньше загоняют солнце в свою зимнюю берлогу. Прилетел, перевез трубы, цемент и улетел МИ-6. Ушли на новые структуры геофизики. Зашумели дизеля новой буровой.

Бригада бурового мастера Павла Кожевникова давно завоевала на Севере добрую славу. Но пока мало кто знает, что мастер там уже другой. Ветеран тюменской нефтеразведки передал свой коллектив молодому инженеру Владимиру Невмиру, только в прошлом году окончившему Грозненский нефтяной институт.

...Их было трое, три южанина, пожелавших уехать за Полярный круг. Вместе прибыли на трест «Ямалнефтегеология», попросились вместе и дальше. Но интересы дела потребовали иного. Рафаил Татевосов полетел в Тарко-Сале, Анатолий Рябченков — в Новый Порт, Владимир Невмира — в Тазовское.

Всего год работы (помните, «первая работа — первая любовь?»), а сколько событий, впечатлений! Рафик Татевосов участвовал в борьбе со знаменитым Пурпейским огненным фонтаном; Толя Рябчиков забрался аж на полуостров Ямал, с которым они прежде лишь в кроссоверах встречались; Володя Невмира открыл первое в жизни газовое месторождение, — пусть немало их еще будет на пути молодых...

Скважину прошли уверенно. Когда долото турбобура взяло полуторакилометровый рубеж, бурение закончилось. Пришли каротажники. Не знаю, кто именно был среди них, наверное, Леша Филиппов, удивительно дружелюбный, улыбочивый крепыш, который, кажется, вообще не умеет сердиться. Старожил этих краев, Леша исследовал первые подземные стволы Тазовского месторождения. И вот, новая площадка...

Результаты огорошили каротажников. На диаграммах электрических сопротивлений отчетливо выделялся пласт, обещающий нефть или газ. Но какой пласт — мощностью в 200 метров! Такого в Тюменской области еще не бывало.

Геологи начали лихорадочные подсчеты. Примерная площадь Заполярной структуры около 800 квадратных километров. И на всем этом пространстве — гигантская, высотой в 150—200 метров, газовая губка. Голова кружилась от колоссальных цифр — что-то в районе триллиона кубометров природного газа. Но ведь это — два знаменитых Газли, самое богатое месторождение Советского Союза.

В Тюмень все новости прилетают мгновенно. В коридорах и кабинетах геологического управления, на квартирах инженеров и в номерах гостиницы, где живут многочисленные «командировочные» из разных экспедиций, обсуждалась каждая строка радиограмм с Заполярной: «Провели цементаж скважины», «Отбивка цементного кольца», «Разбуривание цементного стакана»...

Напряжение нарастало. И хотя все геологические материалы, все аналогии говорили за то, что здесь должен быть газ, волнение не покидало разведчиков: а вдруг?.. Заместитель главного геофизика управления Вадим Бованенко — мы помним эту фамилию в связи с сухопутным боном, но не лишнее будет заметить, что разведка Заполярной структуры велась во время его работы на Ямале, — еще и еще раз брался за каротажные диаграммы. Как там сейчас, на буровой?..

В один из этих дней я встретился с главным геофизиком Тюменской комплексной экспедиции Аркадием Краевым — да-да, тем самым Краевым, от которого впервые услышал о Заполярной. Он совсем недавно стал тюменцем и до сих пор говорит о Тазовском: «у нас». И очки так же протирает, и румянец такой же кирпичный. Только лицо стало пожестче, да улыбка пореже, да морщин прибавилось: дают себя знать годы на Крайнем Севере.

Мы вспоминали тазовское житье-бытье, поговорили о товарищах: небось, Кирилл Кавалеров у себя в Салехарде тоже ждет-не дождется весточки о Заполярной; Вася Подшибякин наверняка на буровой торчит; Слава Антипин — помнишь говорливого Славу? — с повышением: начальник Ямбургской партии. На глазах ребятники растут.

— Ну, про свою Мангазею не забыл? — спрашивает вдруг Аркадий. — Вот самый раз так похлопать и назвать. Впрочем, у нас сейчас много таких Мангазей будет.

Карандаш Аркадия гуляет по карте севера Тюменской области, показывая новые и новые «подозрительные» структуры.

И я вдруг, сидя в своем коммунальном рае, чувствую себя там, далеко-далеко... У нас только пробивается снежок и горбится у новых домов застывшая старая грязь, а там прошли уже первые бураны, медленно, смерзаясь перед ледоставом, ползет непреклонная шуга, и походный балбл освистывает колючий ветер. Может быть, в это время бурильщик бригады испытаний Петро Дудка, мой товарищ по вахте и балку, неумный весельчак Петро упрямо пробивает дорогу могучему газовому потоку.... Ни пуха, ни пера тебе, Петро Дудка!..

Свершилось! Взмыл к небу огромный газовый фонтан. Яркое пламя тундры, словно искусственное солнце, распугивает темную полярную ночь. Геологи ведут исследования, определяют точный дебит газа, давление. А потом надежно закрывают задвижки фонтанной арматуры до будущей эксплуатации. Самое крупное в стране Заполярное месторождение «огненного воздуха» вступило в жизнь.

Тюменские геологи принесли свой подарок XXIII съезду нашей партии.

Биография месторождения... Она только начинается. Еще не одну скважину пробурят Владимир Невмира со своими товарищами, очерчивая точный контур гигантской газовой залежи. Скоро будет защищать свой отчет инженер-геофизик Зинаида Краева, — в суховатых цифрах и схемах профилей разместятся мечты, поиски, беды и радости многих искателей недр. Еще глубже уйдут в землю бурильные трубы — в нижних горизонтах геологи ожидают и газ и нефть. Придут в тундру добытчики «огненного воздуха». Протянутся многокилометровые трубопроводы — стальные реки, созданные человеком. Вырастет Новая Мангазея; спустя три с половиной века она принесет этому суровому краю новую, индустриальную славу.

Биография месторождения... Это и биография людей, отдающих ему жар своих сердец. Я знаю, начальника Тазовской экспедиции Василия Подшибякина уже одолевают следующие заботы: как ускорить монтаж буровых или вывезти станок на новую структуру, — он надеется к съезду партии открыть еще одно месторождение. И Гена Быстров колдует над сеткой бурения. И молодой ученый бьется над закономерностями распространения газовых залежей — здесь еще много неясного. И буровой мастер Володя Макаровский, земляк Владимира Невмиры, приглядывается к нижним горизонтам — может быть, ему придется бурить трех-или четырехкилометровую скважину. И бурильщики Павлик Агаев, Петро Дудка, Евгений Иванов-Годунов примеряются к иным, особым условиям. И какой-нибудь замороженный вертолетом вихрастый мальчуган, хотя бы тот же Витька Цыганков или семиклассник Сашка Подшибякин, с кем мы два года назад спешили на Тазовский фонтан, через несколько лет сам станет за рычаг лебедки, или экран сейсмостанции, или пульт газокompрессорной установки.

Биография месторождения... Где они, те, что пришли сюда первыми? Слава Антипин, Валентин Михайленко, кто-то еще, совсем молодой и безвестный, уже работает на новых площадях. Где? На соседней с Заполярной безымянной структуре, которую Аркадий Краев назвал «для себя» Юре-

Первыми на будущее месторождение приходят сейсморазведчики...

Фото И. Сапожкова

дейской? В Ямбурге или Красноселькупске? На Русской Речке — там ведется разведка, скоро начнется бурение? И снова полетят победные радиogramмы. И снова будут радоваться, мечтать, вспоминать прошлое и заглядывать в будущее те же, а может быть, и иные люди.

Впрочем, это будут уже биографии других месторождений. Такие же трудовые, шумные. Рабочие.

г. Тюмень — Тазовское

Евгений АНАНЬЕВ

ЮРИЙ БОГАТЫРЕВ

Дороги

У меня за спиной, словно крылья,
Дороги, дороги,
Кутерьма,
деревенек огни,
городов толчея.
Я удачи искал, что сегодня была бы дороже
Мне той самой удачи,
меня посетившей вчера.
Я без усталости шел на удачу,
встречая удары
Неудач, неурядиц угрюмо-усталых
людей,
И опять от меня уходили куда-то удачи,
Те, что завтра бы стали сегодняшних
много нужней.
От покоя, от тихого счастья
Над правдой и ложью
Я иду по дорогам
Сквозь песни, и смехи, и плач.

Я совсем неудачником не был
И все же, и все же,
Ох как много на свете еще
Неудачных удач!

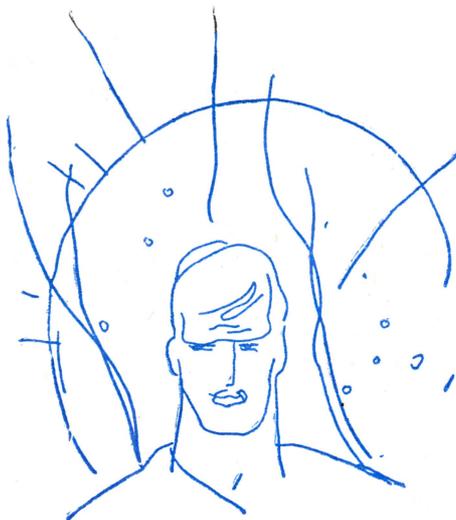
Шофер

Он целый день крутил баранку —
Иначе поступить не мог,
Вывертывая наизнанку
Клубок проселочных дорог.

Мерцали сонные кошары,
Как отраженья звезд в пруду.
И резко упирались фары
Пучками света в темноту.

И вдоль обочины хромали
Столбы,
на снег швыряя тень,
И возникали за холмами
Огни знакомых деревень.

Но об одном он помнил твердо,
Что в дальней дали, у реки,
Лежал палаточный наш город,
Где были тоже огоньки,

Что нам в дорогу спозаранку,
А без него не мыслим путь,
И он сжимал, вертел баранку,
Всю ночь не смея отдохнуть.

Глаза — заботе и тревоге —
Бессонно щурились во тьму.
Всю подноготную дороги
Он знал.
Мы верили ему.

* * *

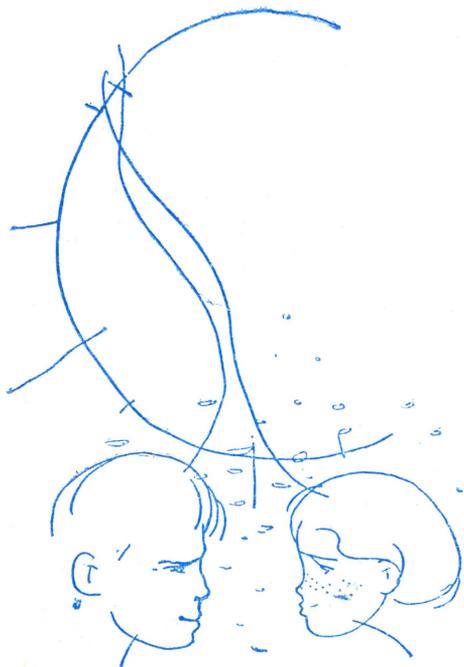
Когда ей трудно и обидно,
Она, забыв, что есть покой,
Уводит нас из мира быта
Своею властною рукой.

И, не оглядываясь нервно,
Тоску глубокую храня,
Она всегда нас
Самой первой
Приводит в ясные края.

И нам становится вольнее,
И мир мы видим без прикрас,
И в добрый час она с волнением
К любимым возвращает
Нас!

Иначе нельзя

Крепки мои руки. И мышцы — буграми.
Играю кувалдой, как в теннис играют,
Легко и красиво.

...Здесь будет дорога.

И надо дорогу построить до срока.

И крошится камень.

Удары, как залпы.

И сердца удары — в удары кувалды:

Работать,

работать,

работать до пота,

На самом высоком накале работать!

Работать, чтоб сыпались искры

фонтаном,

Чтоб зной покорялся и дня не хватало.

О, как ты, усталость, горька и коварна!

В руках тяжелеет, вздымаясь, кувалда.

Но сердце велит, и нельзя мне иначе:

Работать,

работать

До полной отдачи!

МАГНИТОГОРЕЦ

НАВЕЧНО

Три года минуло с тех пор, как староста самодеятельного хора магнитогорских «Трудовых резервов» Павел Попович совершил свой исторический полет на корабле «Восток-4». Он успел за это время объездить чуть не весь свет. Но каждый день его ждала Магнитка.

И вот телеграмма:
«Встречайте пятнадцатого 217 рейс в 14-00.
Павел Попович».

Пожалуй, больше всего не терпелось повидаться с космонавтом его «однокашникам» — тем, с кем он учился в магнитогорских «Трудовых резервах», с кем впервые поднимался в воздух с аэродрома ДОСААФ. Последние минуты ожидания, и самолет коснулся травы. За штурвалом Павел Романович. Ну как он мог утерпеть, чтобы не посадить машину там, где он впервые постигал летное мастерство!

Космонавт среди друзей, магнитогорцев. «Помните?», «Помните?» — слышится отовсюду.

— Помните, Таисия Федоровна, — обращается Павел Попович к бессменному руководителю хора «Трудовых резервов» Мухачевой, — как мы ездили в Челябинск на смотры? Ведь здорово было! А наш девиз? Ошарашим противника! Песню хорошую споем с огоньком, дружно — и наша взяла... А на Банное озеро ездили... Машина, помните, сломалась? Чтобы доехать, пришлось кому-то из ребят лежать на крыле и горячее из бутылки подливать в мотор. Доехали-таки...

Спустя час начались встречи.

Не успели мы войти в диспетчерскую Магнитогорского металлургического комбината, как Попович уже бросился обнимать диспетчера.

— Так ты уже таким хозяйством управляешь? Молодец!

Валентин Андреевич Косихин учился вместе с Павлом Романовичем в техникуме. Сейчас его место занял космонавт и... растерялся.

— Таким «кораблем» я, наверное, не смогу управлять.

В первый же вечер Павел Романович забежал на репетицию хора в Дом культуры профтехобразования, а потом побывал во многих училищах Магнитогорска, знакомился с тем, как учатся, живут и трудятся будущие рабочие и строители. В техникуме профтехобразования космонавт зашел в класс, где четырнадцать лет назад сидел за последним в левом ряду столом. Его столом. Может быть, в эти минуты он вспомнил, как «гоняла» его по математике А. П. Бурдылева или строго спрашивал сопромат

М. Ф. Цигилов.

Пазел Попович с интересом знакомился с делами магнитогорских металлургов.

В газовой будке самой мощной на Магнитке домы металлурги попросили космонавта оставить автограф. Он взглянул на суточный рапорт.

— Дела, кажется, хороши?

И размашисто написал: «Рапорт утверждаю. Молодцы!»

Рядом с действующей печью — строительная площадка. Возводится новая домна. Подошли монтажники-верхолазы из «Уралстальконструкции» Владимир Лозинских и Владимир Грибачев.

— На вашей высоте, наверное, работать не легче, чем в космосе? — спросил Павел Романович.

Два Владимира дружно ответили:

— Ничего, справляемся!

Попович заметил неподалеку юркого парнишку.

— А ты что делаешь?

— На практике из 67-го училища...

— И здесь «Трудовые резервы!» — весело воскликнул космонавт и натянул фуражку на нос Володе Меркееву.

...Вечером молодежь горда собралась на встречу со своим земляком в Доме культуры профтехобразования, на сцене которого раньше выступал Павел Попович. Решением горисполкома и горкома КПСС космонавт-4 зачислен почетным гражданином Магнитогорска на вечные времена. А по решению бюро обкома КПСС в честь 25-летия «Трудовых резервов» группа ветеранов этого коллектива награждена именными часами. Памятный подарок секретарь обкома КПСС Е. М. Тяжельников вручил и Павлу Романовичу Поповичу.

Показывая на свои часы, космонавт сказал:

— Они летали в космос дважды — с Юрием Гагариным и со мной. У меня давно просит их музей. Теперь я сдам их. Буду носить подаренные в Магнитке. Очень хочется испытать, как они будут показывать время на Луне...

Е. ТКАЧЕНКО
Фото автора

Д В Л О

Документальная повесть

Ю. ХАЗАНОВИЧ

Рисунки Н. Мооса

ВСТРЕЧА

За воротами ожидали стражники. Вмиг они взяли Николая в кольцо, и все двинулись по середине заснеженной безлюдной улицы.

С севера дул колючий, знобкий ветер. Он порывисто наваливался на спину, подгонял, будто был заодно со стражниками.

Перед глазами стояло лицо матери.

Как он ждал этого дня, и на тебе: такая неудача! А если не одного его взяли?

Справа остался сине-белый Кафедральный собор. Пересекают Главный проспект. Если бы в тюрьму, свернули направо. Ведут на Уктусскую. Наверно, в полицейскую часть. Может, еще обойдется?

В полицейской части, на втором этаже, — длинный полутемный коридор. Справа и слева комнаты, двери раскрыты. В одной увидел Леонида Вайнера, в другой Петра Ермакова, дальше Прокопьяча, «Семена». Возле каждого по стражнику.

Бог ты мой, да тут почти вся конференция! А внизу не перестают хлопать двери, в коридоре не затихают шаги — ведут и ведут новых. Провал. Полный провал. Но как могло получиться такое? Как?

Весь день жандармы сортировали богатый ночной «улов». Вечером арестованных вывели на улицу, построили и под усиленной конной охраной повели на Покровский проспект. Теперь уже ясно: тюрьма...

За высокой каменной стеной, за окованными железом тяжелыми воротами еще раз обыскали. Потом загнали в тюремный зал, построили в две шеренги.

— Раздевайсь!

Нехотя снимали с себя одежду, бросали на пол, к ногам. Остались в нижнем белье.

— Догола раздевайсь!

Надо подчиняться. Скинули последнее. Стоят нагишом, ждут, что будет дальше. А бородатые надзиратели нагло оглядывают их, перебиваются.

— По морозцу неохота прогуляться? Кто смелый?

— Может, кому жарко?

— А на политических-то харчах, видать, мясо не шибко наростишь!

Молодой парень, судя по рукам служа-

щий, — может, из приезжих делегатов, — проворчал:

— Дубины...

Двое надзирателей, мгновенно перестав смеяться, подбежали к нему, скрутили руки и поволокли куда-то.

В зале холодно, изо рта идет пар. Издеваются тюремщики, а ничего не сделаешь...

Наконец притащили одежду, свалили в кучу.

— Оболокайсь!

Белье, сшитое когда-то из серой парусины, было грязное, твердое, изорванное. Прокопьяч, стоявший через человека от Николая, осмотрел брезгливо рубашку и отшвырнул ее.

— Ремки-то вшивые. Зараза это!

Надзиратель ухмыльнулся.

— Зато занятие будет...

Прокопьяч пнул ногой рубашку подальше от себя.

— Ну-ну! В карцер пойдешь в чем мать родила, — рявкнул надзиратель. — Одевайсь...

Прокопьяч с молчаливой ненавистью взглянул на занесенный над ним литой надзирательский кулак и медленно нагнулся за серым тряпьем.

Все в Николае клокотало. Он искусал губы, но сдержался. Противно и тошно было брать в руки вонючее тряпье, да еще тошнее было от сознания, что ты пленник, что с тобою могут сделать все, что захотят.

Морщась, напялил на себя это рубище, и сразу неумолимый, докучливый зуд пробежал по всему телу. Но, увидев Петра Ермакова, рассмеялся совсем по-вольному. Одна штанина волочится по полу, другая чуть прикрывает колени. У рубашки одного рукава вовсе нет, вместо пуговиц веревочки с деревяшками на концах.

— Чего заливаешься? — в свою очередь хохотал Ермаков. — На себя поглядел бы.

В холодном тюремном зале грохнуло:

— Стройся, «политика»!

Камера, куда завели их, человек около двадцати, была, наверно, обычная тюремная камера — длинная и не очень широкая, с серыми стенами, серым полом и тяжелым воздухом, пропитанным запахом дезинфекции. Только на нарах не было ни тюфяков, ни подушек.

Арестованные зашумели:

— Не ляжем на голые нары!

— Хватит измываться!

— Может, вам пуховые перинки? — огрызнулся надзиратель.

¹ Начало в № 1, 1966 г.

Прокопич подошел к нему, спокойно сказал:

— Тут наверняка должен быть староста политических заключенных. Вызывай сюда.

Надзиратель окинул его безразлично-тупым взглядом, ничего не ответил и вышел. Щелкнул замок в железной двери с волчком.

В углу камеры, под высоким овальным окошком, от которого падал слабый свет, стояли Вайнер, Ермаков и Давыдов. Прокопич подошел к ним.

— Как же вышло такое? — с угрюмой растерянностью спрашивал Николай.

Прокопич сжал губы.

— Кто-то продал. Не впервые это, к сожалению... — покашливая, сказал Вайнер.

— Узнать бы и удавить паскудину... — Николай до христа сжал кулаки.

— Узнаешь... — безнадежно вздохнул Ермаков.

Заскрежетал замок, ржаво и тягуче скрипнув, открылась дверь. В камеру вошел человек невысокого роста, в пенсне, в черной блузе и сапогах.

Ермаков и Прокопич почти одновременно подались вперед, словно их ветром качнуло.

— Товарищ Андрей...

Прокопич толкнул Николая.

— Свердлов это... Яков Михайлыч. Я тебе рассказывал...

Староста оглядел сквозь пенсне камеру и повернулся к надзирателю.

— Вызовите сюда начальника тюрьмы. — Голос у него был звучный и властный.

Надзиратель переступил с ноги на ногу, хотел возразить, но не решился, пожал плечами и ушел.

Николай не отрывал от Свердлова глаз. Все-все, что он слышал об этом человеке еще в Нижнем от Родиона Ивановича и здесь — от Прокопича и других людей, мгновенно пронеслось в его голове. Ему хотелось подойти к товарищу Андрею, сказать, что он давно знает его, что он тоже из Нижнего, рассказать о Родионе Ивановиче Никитине...

— Сколько знакомых! — воскликнул Свердлов и протянул к Прокопичу руки. — Какая досада: встретились в таком неподходящем месте. Завод Ятеса... Припоминую. Кафедральная площадь, девятнадцатое октября пятого года. Помню, помню...

От Якова Павловича Николай знал, что в девятьсот пятом Прокопич с дружинниками уберegli товарища Андрея от налетевших на демонстрацию погромщиков и казаков.

А Свердлов уже поздоровался с Вайнером и тискал улыбающегося Ермакова.

— Хороший митинг получился тогда в листовом цехе. И, как всегда, — полиция. Помните, это ваш братец нарядил меня в рабочую одежду, подмазал сажей и вывел через задний двор... Да, вот и встретились.

— Товарищ Андрей, — сказал Прокопич, — мы слышали, вас в Перми забрали. А срок-то какой?

— Два года крепости отбываю. Да не обо мне сейчас речь. Вы-то зачем сюда пожаловали?

Вайнер и Прокопич рассказали о готовившейся конференции, о том, что почти всех взяли накануне. Свердлов слушал, теребя черную бородку.

— Провокатор, конечно, — проговорил он с досадой. — Обидно. Очень обидно.

Поднял голову, увидел Николая, подошел к нему.

— Кто такой? — за овальными стеклами пенсне живо и тепло поблескивали черные глаза.

Николай как-то сразу успокоился, сказал, что он слесарь с Ятесовского завода.

— Так, так. Хорошо. В тюрьме впервые?

Николай кивнул с чувством какой-то неловкости.

— Родом откуда?

— Из Нижнего я...

— Земляк! — радостно воскликнул Свердлов. — В Екатеринбургской тюрьме встретитесь земляк! Примечательно.

Он стал расспрашивать, когда Николай из Нижнего, где жил там. И Николай, торопясь, рассказал о себе, о Родионе Ивановиче.

— Родион... Хороший товарищ, — сказал Свердлов, задумавшись. — Скоро уже выйдет. А на заводе Ятеса была самая сильная организация.

Николай ответил с достоинством, что она и сейчас не потеряла свою силу.

Вошел начальник тюрьмы, толстый и рыхлый, с квадратным обрюзгшим лицом, в черной помятой форме. Надзиратель остался стоять у двери.

Свердлов поправил пенсне, вышел на середину камеры.

— Господин начальник, вы можете относиться к политическим заключенным как вам угодно. Но издеваться над ними никто не дал вам права... — В голосе Свердлова, сильным и красивым, появились железные нотки.

— В чем вы усматриваете?.. — Начальник тюрьмы словно дремал, положив руки на живот.

— Эти грязные, отвратительные тряпки, эти голые нары — откровенное издевательство. Извольте приказать, чтобы арестованным немедленно выдали матрацы, подушки и нормальную одежду вместо лохмотьев. Это позор, господин начальник. Я надеюсь, нам не придется возвращаться к этому вопросу и вызывать господина прокурора для демонстрации безобразий, творимых в вашей тюрьме над политическими заключенными...

Николай не представлял себе, что можно так разговаривать с тюремным начальством. Впрочем, не только он. Многие арестованные с удивлением наблюдали эту сцену.

Между тем начальник тюрьмы сонно взглянул на старосту и медленно направился из камеры. Надзиратель уже открыл перед ним дверь. Голос Свердлова достиг его у порога:

— Вы не изволили ответить, господин начальник.

Рыхлая округлая спина, перетянутая портупеей, дернулась.

— Будет улажено, — буркнул тюремщик и вышел из камеры.

Прокопич засмеялся.

— Ну, товарищ Андрей, здорово же вы... Даже не поймешь, кто из вас тут начальство. Свердлов слегка улыбнулся.

— Иначе с ними нельзя, с этими господами-скотами. Итак, друзья, вы уже узнали, что я — староста камер политических заключенных. Во все такие камеры имею право заходить. Обязательно воспользуюсь этим, буду надоедать вам, учтите. Со всякими вопросами,

просьбами прошу сначала ко мне. Я же и библиотечкарь. Книги выдаю без записи. Удостоверения личности не требую...

УНИВЕРСИТЕТ

На первых порах казалось, что в камере не сегодня-завтра появится товарищ «Семен». Как только скрежетал замок, Николай быстро поворачивался к двери, ожидая, что сейчас увидит высокую сутулую фигуру, черную жестковатую шевелюру, пышные усы. Но потом стало известно, что «Семена» отправили в Пермь, в губернскую тюрьму.

А вскоре пришлось расстаться с Вайнером: «разлютовался» туберкулез, началось кровохарканье, и Леонида, исхудавшего, совсем обессиленного, перевели в тюремную больницу.

— Бывай... Поправляйся... — говорил Николай, глядя в его землисто-желтое лицо. — До скорой встречи. — Щемящее чувство, что им уже не встретиться, что он видит товарища в последний раз, перехватило горло.

А Вайнер молча кивал, и в темных, лихорадочно блестящих глазах его чередовалось то рассеянное, то виноватое выражение.

Прошло три недели, а Николай не мог отделаться от того гнетущего чувства; глаза Вайнера стояли перед ним, он все еще ощущал в своей ладони мягкую понеживому холодную руку Леонида.

Целыми днями Николай лежал на нарах, на соломенном тюфяке, подолгу смотрел в потолок, дремал, прислушивался к разговорам, сам в разговоры вступал очень редко. Оживлялся он только с появлением Свердлова. Этот человек умел разогнать темные мысли, развеселить прибауткой. Но вот уже два дня его почему-то не было. Неужто и сегодня не придет?

По соседству разговаривали Бахарев и Проккопич.

В просторной тюремной одежде Бахарев выглядел еще короче и круглее. Розовые пухлые щеки его чуть обвисли, потускнели, постоянно сонные маленькие глазки словно спрятались еще глубже, и теперь не было никакой надежды выяснить их цвет.

На собраниях организации массажист Бахарев обычно пристраивался где-нибудь в уголке и большей частью молчал. А в тюрьме вдруг разговорился.

— Вы исключительно верно сказали, Яков Павлович: выстрел в спину... — Голос у Бахарева был тоненький, со смешными, совсем полудночными визгливыми нотками. — Это, знаете ли, самое страшное — не ведать, кто с тобою рядом. Лежишь в одном окопе с человеком, что называется, делишь все пополам, одни и те же вши вас едят. А начинается бой, ты вылезашь из окопа, бросаешься вперед, и твой недавний товарищ посылает пулю тебе меж лопаток... Разве у нас не тот же бой?

— Еще какой...

— Особенно, знаете ли, горько мне из-за «Семена». Ленин послал его помочь уральцам — и такой провал... Ведь «Семен» с поезда прямо ко мне. На конспирации он зубы съел, навряд его выследили. Я же у господ жандармов как будто вне подозрений. По крайней мере, так мне казалось. Революция и массаж — как-то,

знаете, не вяжется... И вот теперь грызет меня червь сомнения: может быть, подвела моя самонадеянность, может, все-таки выследили?..

Прокопич шумно вздохнул.

— Если б одних вас выследили. А то червяк, видишь, под корень взял.

— Да... Под самый корень, — скорбным голосом согласился Бахарев. — И самое тревожное — как все это отразится на молодых душах... — Он замолчал на секунду. Николай краешком глаза увидел, что Бахарев кивнул в его сторону. — Не всякая душа, знаете ли, способна выдержать такое. Удар за ударом. Ой, не всякая...

— Зато которая выдержит, станет крепче...

«Верно, Прокопич, верно, дорогой!» — мысленно выкрикнул Николай.

К Бахареву он всегда испытывал какое-то смешанное чувство. То, что Бахарев, сын владельца большой мануфактурной лавки, ушел в революцию, рождало уважение и симпатию к нему. Но в характере Бахарева, по мнению Николая, было очень мало того, что отвечало

понятиям: революционер, большевик, борец. Вот Ермаков, Прокопич, Вайнер, Сима, — думал Николай, — это настоящие борцы. А в Бахареве нет того огня, который горит в этих людях, но есть что-то больно мирное, барское и беззащитное... К тому же, Николай никак не мог уважительно относиться к бахаревскому занятию. Массажист! Что-то было в этом несерьезное... Но разве можно так судить о людях? — тут же возражал он себе. — Если рядом с Ермаковым, Симой, Прокопичем идут такие, как Бахарев, — пусть они массажисты, аптекари, хоть кто, — наверно для революции все равно хорошо...

Бахаревские рассуждения о душах, его кивок оскорбили Николая, и все, что таилось где-то в дне души, вдруг взбаламутилось, поднялось кверху. Этот колобок с чистенькими толстыми ручками тревожится о его душе — еще чего не хватало!

Но Николай поднялся на нарах не раньше, чем успокоился.

— О, с пробуждением, Давыдов! — пискливо приветствовал его Бахарев.

Николай потянулся, откинул назад волосы.

— А я не сплю давно. Вы тут о душах заговорили, я и проснулся. Тоже забеспокоился. А массажем нельзя душе пособить?

Сонные глазки Бахарева неожиданно остро блеснули, щеки зарумянились, он улыбнулся одним только ртом.

— К величайшему сожалению! Человек вы, Давыдов, молодой, с лекарями дела не имели, это извиняет вас... Массаж, видите ли, — система механического воздействия на части человеческого тела. А душа, как говорят, бестелесна... Давайте-ка, я лучше покажу вам, что такое массаж... — Он поднялся, воинственно засучил рукава тюремной куртки, обнажив до локтей толстые белые руки, и стал похож на мясника.

— Спасибо, обойдемся, — улыбнулся Давыдов, встал с нар, подошел к Ермакову, который стоял в глубине камеры, проворчал негромко: — Душеспаситель нашелся!..

В этот момент в замке проскрежетал ключ. Надзиратель пропустил в камеру Свердловца.

Он поздоровался, спросил, как житье-бытье, сказал, что простудился и куда не ходил, чтоб не заразить товарищей; говорил он немного в нос и покашливал.

Юношески легкой и быстрой своей походкой подошел к Давыдову и Ермакову, взглянул на одного, потом на другого и раскинул руки.

— По-моему, скучно живете, друзья, — сказал он вдруг.

— Тюрьма, — повел плечами Ермаков. — Какое тут веселье.

— Я не о веселье. Я о смысле. В тюрьме тоже надо жить со смыслом... — Он присел на табурет, вскинув голову, внимательно и усмешливо поглядел на парней. — Делом надо заниматься, друзья мои. Учиться надо.

— Когда ж учиться, Яков Михайлыч? — недоуменно приподнял плечи Ермаков.

— Когда? — Свердлов шлепнул себя по коленям, расхохотался, придержал пенсне. — Видали, у него нет времени! А сегодня, а завтра, а послезавтра? Думаешь, так скоро перед тобой раскроют эти двери? Увы, здесь не торопятся. Сидеть придется месяцы, может быть, не меньше года... Вот ты, Давыдов, ты, Ермаков. Преданные революции люди. Большевики. Преданность — это прекрасно. Но главное ору-

жие большевика — знание революционной теории. А у вас есть такие знания? Увы. Конечно, вы слышали, что был Маркс и есть наука — марксизм. Но этого мало. Вот и пользуйтесь случаем, учитеесь, вгрызайтесь. Готовьтесь для дальнейшей работы.

Прокопич робко кашлянул, глядя на Свердлов.

— Вы хотели что-то сказать?

— В одна тысяча девятьсот пятом, Яков Михайлыч, я учился у вас на голубятенке. Мозги мои ровно еще не заржавели с той поры. Попробую и я...

— Это разговор! — обрадовался Свердлов. — В воспоминаниях одного старого революционера сказано примерно следующее. В таких странах, как Россия, тюрьма не есть только одно из зол. Тюрьма — это также наш храм, где мы поневоле углубляемся в самих себя и воспитываем самих себя. Я бы сказал, что для нас, большевиков, тюрьма — университет. Сейчас, пожалуй, только здесь можно получить серьезное марксистское образование. Литература имеется, времени свободного хоть отбавляй. Итак, от слов к делу!..

Спустя несколько минут, он принес из своей камеры книги, бумагу, карандаши. Николаю досталась тоненькая брошюра — К. Маркс «Труд и капитал».

Свердлов сказал, что изучать — это значит не только прочесть, но — проштудировать, понять, законспектировать, суметь передать своими словами. И предупредил, что учитель он строгий, требовательный и на поблажки с его стороны рассчитывать не следует.

Уже подойдя к двери, он обернулся к новоселам.

— А гимнастику кто из вас делает? Никто? Ай-яй-яй...

Новоселы молча посмотрели друг на друга. Николай насмешливо хмыкнул.

— Совершенно напрасно ухмыляетесь, друзья мои, — снова воспламенился Свердлов. — Подыгрываете самодержавию. Да, да. Поймите: нас хотят выключить из жизни, расслабить и духовно, и физически. Но дудки! Мы должны сохранить себя. Не знаю ничего для здоровья более благотворного, чем гимнастика. Особенно в тюрьме. Поверьте мне...

И тут же показал несколько упражнений, обнаружив и ловкость, и силу, и сноровку.

— Все чрезвычайно просто, как видите. Если хотите, физическая культура — тоже оружие борьбы с самодержавием...

ТОЛЬКО «НЕТ»

— Почему такой обалделый вид?

Свердлов смотрел на Ермакова: взгляд у Петра был рассеянный, почти отсутствующий. Отложил книгу и Николай, кулаками протер глаза.

— Тяжело, Яков Михайлыч. Куда легче слесарным молотком десять часов отмахать.

Свердлов засмеялся, откинув назад голову, сказал серьезно и сочувственно:

— С непривычки, наверно, действительно трудно. Но что вам посоветовать? Привыкайте, друзья мои. Завтра побеседуем, посмотрим, что вы усвоили. Сейчас беспокоит меня другое. Скоро потащат вас на допросы. А вы, двое, —

новички. От того, как будете держаться, многое зависит.

— А как держаться? — простодушно спросил Ермаков.

Свердлов придвинул табурет, сел, закинул ногу на ногу.

— Ну-ка, выкладывайте, что у вас нашли при обыске. Давыдов — два паспорта. Все? Ермаков — нарезанная бумага для гектографа, часть гектографической массы... У вас, Яков Павлович? «Введение в политическую экономию» Богданова, нелегальные листовочки на чердаке. Много? Порядочно. Так... В девятьсот пятом вас, кажется, приглашали ненадолго?

— Так точно, Яков Михайлыч.

— Давайте, Яков Павлович, покажем молодым людям, как надо объяснения давать. Значит, книга Богданова, нелегальные листовочки... Свердлов угрожающе направил на Прокопьева свое пенсне, проговорил неожиданно казенным голосом:

— Отвечайте, Прокопьев. К какой принадлежите партии? Зачем хранили у себя запрещенную литературу?

Николай вдруг не узнал Прокопья. Безобидная, до глупости наивная улыбочка, добрые, честные глаза, благонаравно сложенные на груди жилистые темные руки и голос — тихий, проникновенный, какой, наверно, бывает только у ангелов. Совсем другой человек!

— К партиям сроду не принадлежал. Ни с какими такими людьми не явшаюсь. В квартире моей, кроме сродственников, никто не бывает. А то, что на чердаке, извините: ни сном, ни духом не знаю. Прошлый год студент у меня квартировал, может, это его. И еще я скажу: чердак-то открытый, кто надумал, тот и мог положить. А мне эти бумажки вовсе ни к чему, потому как я человек малограмотный...

Свердлов захохотал, вскочил, прихлопнул руками.

— Слыхали? Черт знает что! Какие-то нахалы подсут на твой чердак листовки, а ты отвечаешь! Ах, молодец, Яков Павлович! — Он снял пенсне, протер стекла платком. — Учтите, друзья, правительству все-таки важно открыть действительно опасных лиц. И тут главное — что эти лица сами о себе скажут следователю-жандарму... Хочешь что-то спросить? — обратился он к Николаю.

— Яков Михайлыч, если выдал провокатор, надо полагать, он все, что нужно было, рассказал самым точным образом?

— А шпики? — поддержал Ермаков. — Небось, каждый шаг наш по минутам расписали.

— Совершенно верно, — согласился Свердлов, и в глазах у него заиграла хитринка. — Но следователь-то знает, что шпионы часто врут или из желания выслужиться, или по ошибке. Сведения провокатора — это неприятная для нас штука, козел попал в огород. Что можно сделать? Только одно: уклоняться от дачи показаний.

— Уклоняться, — задумчиво, с ноткой сомнения повторил Николай.

— Именно. Пока сведения, сообщенные провокатором, не подтвердятся, следователь не может придавать им значение. Ясно или неясно?

— Не совсем, — признался Ермаков. — Если они знают про какой-то факт, так отрицай-не отрицай — бесполезно. Все равно жандарм провокатору скорее поверит, чем мне.

— Вздор, друг мой, — терпеливо, с мето-

дической настойчивостью продолжал Свердлов. — Провокатор наверняка сообщил, что ты, Ермаков, — «член преступного сообщества, именуемого Российской социал-демократической рабочей партией». Но чем доказана твоя принадлежность к партии? Да ничем. Но если ты признаешься: да, я член партии! — больше ничего им не надо, а ты получаешь каторгу. Поимите, друзья, если бы жандармы могли обойтись только сведениями шпииков и провокаторов, разве стали бы они возиться с нами? А ведь они ой как возятся...

Николай уперся локтями в колени, запустил пальцы в густые, волнистые волосы. Свердлов неторопливо прошагал по камере, потрогал мизинцем серую, шершавую штукатурку, подошел к Давыдову.

— О чем задумался, детина?

Николай медленно поднял голову.

— И все-таки не укладывается у меня... Почему же я должен отказываться от своих убеждений? Достоинство это?

— А исповедываться большевику перед жандармом, пускаться с ним в откровения — достойно? — глубоко своим басом проговорил Свердлов. — Недостойно и глупо. И, если хотите, — равносильно политическому самоубийству. Я знал одного горе-революционера. Вместе с товарищами его посадили в тюрьму. Все сидят, а он — прошение на высочайшее имя. Царь его помиловал, а товарищи осудили, отвернулись. Отсутствие самолюбия так же опасно, как и избыток его... Только «нет», «не знаю», «не слышал», «не был». И для следователя — ни одного крючка, ни одной зацепки. А попробуй согласишься, подтверди — и все у жандарма пошло, как по маслу... Итак, ни слова пусть не услышат наши враги сверх того, что им известно без допроса. И ни слова в подтверждение того, что им известно. Ни слова!..

ДОПРОС

У ротмистра Ральцевича были черные, тщательно причесанные холеные волосы, гладко выбритые тугие щеки и большие серые, точно картечины, глаза.

На синем щегольском мундире вишнево-красной выпуклой эмалью горел крест. Николай подумал, что крест этот повесили ротмистру на грудь, наверно, за десятки, а может за сотни деревянных крестов, которые его стараниями выросли над могилами революционеров...

Ральцевич закурил, сладко затаился, положил перед собой кирпично-красный лист бумаги — бланк протокола допроса — и сдунул с рукава какую-то пылинку. Некоторое время он пристально, изучающе разглядывал Николая, стоявшего перед ним.

А Николай почувствовал на себе еще чей-то взгляд. Из-за спины ротмистра, с большого портрета, такими же, как у Ральцевича, серыми картечинами в упор смотрел на него царь.

— Садитесь. Что вы можете сказать о недавних у вас паспортах?

Николай стал охотно рассказывать... Месяц назад, когда он вышел из завода, к нему подошел чернявый, небольшого роста человек и спросил, нельзя ли ему, токаря по металлу, пристроиться на заводе Ятеса. Николай ответил, что не знает, нужны ли токари, но завтра

может спросить. Человек обрадовался, сказал, что завтра в это же время будет ждать его, назвался Иваном Коноваловым и предложил в честь такого приятного знакомства выпить по кружке пива. Питейное заведение оказалось под боком, в подвальчике на Арсеньевском проспекте. Коновалов велел Николаю занять место за столиком, а сам — к стойке. Вскоро-сти принес две кружки, поставил, но не успел ни выпить, ни даже присесть. Должно быть, заметил кого-то, переменялся в лице, засуетился, сунул Николаю в карман тужурки какую-то хрусткую бумагу и — за дверь. Николай глянул, а это паспорта. Один — на Ивана Коновалова, другой чистый. Не понравился ему, понятно, этот фортель, да что станешь делать? Выпил он свое пиво, а Коновалов не идет. Тогда опорожнил и вторую кружку, поскольку за нее заплачено, поскучал еще малость и — домой. Две недели — каждый день после смены — торчал около завода, но Коновалов так и не появился...

Тонкое быстрое перо оторвалось от бумаги. Ральцевич уставился на Николая.

— И вы, стало быть, хранили паспорта. С какой целью?

— Да не хранил я. Просто положил в деревянную шкатулку, а шкатулку в комод — и все. Коновалов этот, думаю, — жулик, прохвост. Попался, наверно, а когда выйдет, станет спрашивать с меня свои документы...

— Кто еще знал об этих паспортах?

— Никто.

Еще минуту назад Николаю казалось, что ротмистр верит ему. Но Ральцевич с откровенным ехидством прижмурил глаза.

— А у вас не появлялась мысль сдать их в полицию?

Николай глубоко вздохнул, изображая огорчение.

— Теперь вижу: надо было сдать и забыть про этого Коновалова, лешак его возьми...

Ральцевич всем телом подался вперед.

— Вы, Давыдов, давно принадлежите к социал-демократической партии?

Николай внутренне вздрогнул. Но, глядя на ротмистра, спокойно сказал:

— Никогда не принадлежал.

— Вот как! — Ральцевич изящным движением стряхнул с папиросы пепел. — Разве не член сообщества может быть членом комитета этого сообщества?

— Про какой комитет вы говорите, не пойму.

— О Екатеринбургском комитете РСДРП, членом которого, как нам известно, вы являетесь.

— В первый раз слышу, — изумленно улыбнулся Николай. — Вы верно сказали: если человек не принадлежит к сообществу, то он не может быть членом комитета...

— Где собирался ваш комитет?

Николай рассердился: ротмистр считает его дурачком, что ли?

— Я вам уже сказал: не знаю я ни про какой комитет.

— У Прокопьева дома часто бывали?

Николаю вспомнилось, как Прокопьевич изображал себя на допросе. И, хотя он был сейчас крайне напряжен, сосредоточен, невольная улыбка шевельнула его губы.

— Не приходилось. Работаем, правда, вместе, а дома не бывал. Не зазывал он меня.

— Вайнера с какого времени знаете?

— Кого? Как вы изволили сказать?
— Леонида Вайнера... — четким резким голосом повторил Ральцевич.
— Никогда раньше не слышал.
— Могу вам напомнить: он тоже член Екатеринбургского комитета.
— Тогда тем более... Откуда же мне его знать?
— Между прочим, вы и в тюрьме были вместе, в одной камере. Пока его не пришлось перевести умирать в лазарет.
— Вон вы о ком! Желтый такой, все его кашель донимал. Видал я его в камере. Только мы не знакомы.
На гладко выбритых, поблескивающих щеках Ральцевича прыгали желваки. Он злобно откусил кусочек мундштука папиросы и выплюнул его на пол.
— Надо полагать, Петра Ермакова тоже не знаете?
— В камере познакомились, — с готовностью ответил Николай.
— Странно, — будто про себя проговорил ротмистр. — Столько раз встречались на собраниях, а познакомились только в камере.
— Только в камере, — повторил Николай. — Раньше никогда не видались. Не хожу я ни на какие собрания...

Не сводя с Давыдова холодных, едких глаз, Ральцевич раздавил в пепельнице папиросу, вложив в это движение весь свой скрытый гнев. Он испачкал пальцы пеплом, подул на них, потом вытер носовым платком.

— Хорошо... — процедил он. — Какие директивы центра привез «Семен»?

— Семен? — переспросил Николай и пожал плечами.

— Я спрашиваю о Семене Шварце, — чеканно выговорил ротмистр.

— Не знаю такого человека... — Николай смотрел ему прямо в лицо.

— Какие вопросы должна была обсудить конференция?

— Не пойму, про что вы изволите спрашивать...

Серые картечины ротмистровских глаз нацелились в Николая. Щеки у Ральцевича налились жаркой краской. Николай ждал, что ротмистр сейчас взорвется, разразится криком. Но Ральцевич сдержался.

— Должен предупредить вас, Давыдов: при творство может завести вас на каторгу. Нам известны все ваши преступные дела, — он положил руку на папку: — Это каторга.

Ротмистр помолчал, давая возможность Николаю подумать, и, наклонясь в его сторону, заговорил негромко, доверительно:

— Я думал, вы признаетесь во всем и тем спасете себя. Человек вы молодой, только вступаете в жизнь. В таком возрасте немудрено и ошибиться, пойти не той стезей. Мы тоже люди, понимаем это. Чистосердечное признание — и я обещаю вам немедленную свободу.

— Так ведь я сказал вам все, как оно есть. Ральцевич словно не услышал этих слов.

— Идите и подумайте. Хорошенько подумайте о себе, о своем будущем. Оно в ваших руках. Вахмистр! — крикнул Ральцевич. — Уведите арестованного.

Николай пошевелил плечами — рубашка прилипла к спине и сковывала, жгла тело. Сколько он просидел тут? Кажется, долго, ужасно долго. Десятичасовая смена на заводе не выматывала его так, как этот жандарм. Сейчас бы лечь, заснуть. Хотя бы даже тут, в коридоре, на этом деревянном обшарпанном диване...

«ПОЧТА»

Ржаво взвизгнула железная дверь.

— Давыдов, на свидание!

Пожилый надзиратель с бородой, скатавшей как войлок, едва поспевал за ним.

Дважды Николаю приносили в камеру передачи из дома. В небольшой, сплетенной из широкой дранки корзине были пирожки, жареное мясо, несколько луковиц, сахар и даже конфеты. А свидание разрешили впервые. Когда же кончится этот полутемный, затхлый коридор!

Наконец-то надзиратель отпирает дверь — комната для свиданий... Здесь уже есть несколько человек.

— Мама!..

Перед Николаем — густая решетка, перед матерью — захватанный деревянный барьер. А между решеткой и барьером — коридор шириной больше аршина, по которому маятником взад-вперед прохаживается надзиратель.

Екатерина Логиновна навалилась на барьер, но решетка мешала ей разглядеть сына.

Николай, молча глядя на мать, подумал, что она совсем старенькая: тонкие сухие морщинки елочкой около глаз, две совсем старушечьи складки в углах рта. Он не мог вспомнить, были раньше эти складки или появились недавно? Никогда так внимательно он не разглядывал лицо матери. И глаза... Влажные, беспокойные, страшно усталые. Он подчитал в уме, — оказалось, ей всего сорок три. Сорок три — ведь это же, наверно, еще не старость...

— Ты о плохом не думай, мама, — сказал он, стараясь улыбнуться. — Люди со мной хорошие... Ты ничего такого не думай...

— С лица спал сильно, — дрожащими губами проговорила Екатерина Логиновна. — Кожа да кости. И бледный...

— Это тебе кажется, — уверял он. — Чувствую себя хорошо.

— Кормят-то как?

Он вспомнил пустую баланду, в которой изредка попадались кусочек легкого или картофеля, черный хлеб, прованский за свои свойства «динамитом», и почти беспечно сказал:

— Жить можно. От себя только не отрывайте. Ртов хватает. Как там все?

— Ребята — они ребята и есть. А отец гоует.

Николай промолчал.

Гулко стуча сапогами по каменному полу, прошел надзиратель. Екатерина Логиновна выждала, когда он уйдет подальше.

— Соседи косятся, Николаша. Мефодьевна так и сказала: сын, мол, «политический».

— Ну и что? Да, политический. Не конокрад какой...

Екатерина Логиновна вытерла глаза, тихо спросила:

— Допрашивали?

Он кивнул.

— Что могут вырешить?

— Ничего страшного. Нет у них ничего, чтоб упечь...

Екатерина Логиновна смотрела на него, стараясь угадать, правду он говорит ей или просто успокаивает. И поверила. Даже чуточку просветлела.

— Принесла тебе немного домашнего. Скажи, чего бы хотел?

— Что принесешь, то и ладно.

Екатерина Логиновна проследила за надзирателем, и, когда он отошел к двери, заговорщицки шепнула:

— Там, под одной драночкой... — и приподняла корзину над барьером.

Николай закивал, глядя на мать восхищенно и радостно.

— Свидание окончено, — приближаясь, сказал надзиратель.

— Привет всем...

Екатерина Логиновна помахала сыну рукой.

— Храни тебя бог...

Топая вверх по лестнице, надзиратель сопел еще громче, удивлялся: и чего этот чудака так торопится в камеру?

Николай поставил корзину на табурет и, когда надзиратель запер дверь, сказал весело:

— В коммуну...

Пока товарищи по-братски, поровну на всех делили продукты, он осмотрел корзину. Под одной дранкой нашел тоненькую гильзовую бумажку. Всего несколько слов, но Николай, всегда спокойный, сдержанный, громко рассмеялся, подбежал к Прокопичу.

— Михайлов-то уцелел! Пишет приветы от Коршуна, Зайца, Крючка. Значит, Коршунова, Зайцева, Крючкова тоже не тронули. «Ждем вас», — пишет. Вот новость!

Прокопич прочитал записку, широко улыбаясь.

— Жив курилка! Нет, ничего им, видать, с нами не поделать.

Вечером Николай рассказал Свердлову о письме. Яков Михайлович попросил показать, где хранилась записка.

— Толково, — похвалил он. — Матушка у тебя молодчина. Что думаешь делать дальше?

— Таким же путем ответ послать.

— Правильно. Это очень важно...

Николай написал на папиросной бумаге ответ Михайлову. Записку спрятал под той же дранкой. На свидании через надзирателя вернул матери корзину, показал глазами. Екатерина Логиновна опустила и тут же подняла веки.

Спустя две недели, надзиратель принес Давыдову передачу. Николай обрадовался: корзина та же. Под заветной драночкой лежала половинка этикетки от спичечного коробка. На обратной стороне ее рукой матери было нацарапано: «Доставила».

— Совершенно неожиданный интерес! — весело сказал Свердлов. — Свяжемся с волей. Просто чудесно! А надзиратель не так уж загружен, пускай пока потрудится у нас почтальноном...

«Почта» работала.

В конце июня, через три месяца после ареста, с последнего допроса не вернулся Семен Бахарев.

Камера забеспокоилась. Только и говорили, что о Бахареве, строили всякие предположения. Выяснить удалось одно: в тюрьму с допроса в жандармском управлении его не привозили.

А еще через две недели в записке, которую Николай получил вместе с передачей, были такие слова: «Есть сведения — выдал Сем. Бах. Вчера ночью видел на улице эту шкуру...».

— По делу соскучился. Сплю — и за тисами себя вижу. Вчера даже с мастером во сне поругался...

— Я вчера тоже, вроде, на воле побывал, — застенчиво улыбнулся Ермаков. — Занимаемся, значит, кружком. Как обыкновенно, в моей баньке. Занятия Сима ведет. И вот спрашивает она у меня, когда, мол, была Парижская Коммуна. А я забыл. И до того стыдно мне стало, что проснулся. Проснулся — оказывается, помню, когда Коммуна была...

— А тебе что снится, земляк? — Свердлов повернулся к Николаю.

— Как назло, ничего.

— Спишь, брат, крепко. — Свердлов подсел к нему и положил руку на плечо. — Молодость. Иным молодым в твоём положении снится, как они бегут из ссылки.

НА КРАЙ СВЕТА

В первые дни, бывало, поглядишь в окно и забудешься ненадолго, хотя кругом белое безмолвие, вдоль и поперек перечеркнутое железной решеткой. Сейчас оконное стекло обросло мохнатым инеем.

А дорога, даже страшно подумать, какая длинная: Екатеринбург, Пермь, Вятка, Вологда, Архангельск — больше двух тысяч верст. Опытные люди говорят, что с пересадками, пересыльными тюрьмами дорога займет больше двух недель. И куда еще погонят из Архангельска — это даже господу богу неизвестно, один губернатор знает.

Вспоминались товарищи по тюрьме, и становилось тоскливо. Все-таки восемь месяцев, двести сорок шесть дней прожили вместе. И хоть было тяжело в тюрьме, но расставаться еще тяжелее...

Судебный процесс над подпольной группой социал-демократов у жандармов не получился. Ральцевичу не удалось выполнить своего обещания насчет каторги. Жандармам пришлось ограничиться административными мерами. Давыдов высылался на три года в Архангельскую губернию, Ермаков — на два года в Вологодскую, Прокопьев — на три года в Туруханский край. Таков был окончательный приговор министра внутренних дел.

Николай решил: приедет на место ссылки, осмотрится, шапку в охапку — и поминай, как звали. Сколько он слышался рассказов, как бегут из ссылки! Будет жить, как «Семен», как живут многие...

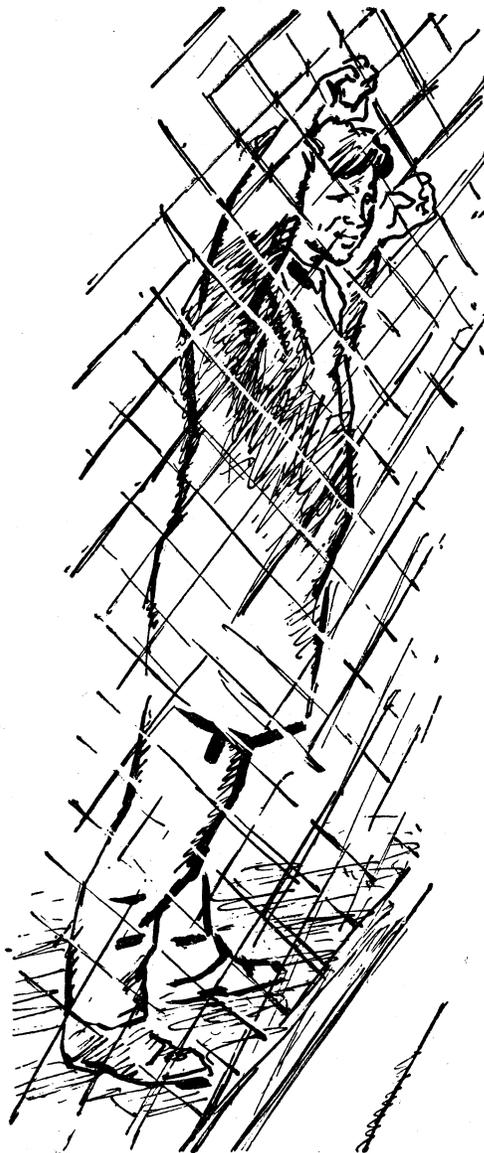
Началась подготовка к этапу. Арестованных фотографировали, каждого в трех видах. Заполняли арестантские карты, снимали отпечатки гальцев, измеряли рост, величину носа, ушей, ног, записывали особые приметы, — все делалось для того, чтобы, если ссылный сбежит, легче было поймать.

Но мысль о побеге все же не оставляла Николая.

В один из этих дней в камеру зашел Свердлов. Против обыкновения, взгляд у него был очень веселый.

— Вот и пришло время расставаться, друзья... Что думаете о будущем своем? Какие планы строите?

Прокопич посмотрел на свои руки.

Николай удивленно вскинул голову.

— Откуда вы знаете?

— Просто, многие рассказывали мне свои сны...

— Бежать лучше наяву, чем во сне.

— Глупее такого намерения, скажу тебе, придумать трудно.

— Почему, Яков Михайлыч?

— Да потому, что жить на нелегальном положении, когда реакция так бесится, под силу только весьма опытному человеку. Быстренько изловят, прибавят срок — и вся песня. Вот как оно будет.

— А вдруг не быстро?

Придерживая пенсне, Свердлов посмотрел на Николая внимательно и как будто несколько отчужденно.

— Разве можно на таком «вдруг» жизнь

строить? Если ты собираешься продолжать борьбу по-настоящему, помышлять о победе — нелепость.

— Но целых три года где-то с белыми медведями!..

— Друг мой, — Свердлов крепко стиснул Николаю плечо, — три года — не такой большой срок. Ты молод, за это время отлично подготовишься. А что касается медведей... Постарайся быть среди людей. Понятно?

— Не совсем еще... — признался Николай угрюмо.

Свердлов быстро поднялся, подмигнул товарищам:

— А ну, ребята, дадим ему, чтоб «совсем» понял...

Николай не успел опомниться, как под общий хохот его опрокинули на деревянные нары, «загнули салазки», и высыпали несколько «горячих».

— Теперь гарантирую: скорее поймет, — все еще смеясь, проговорил Свердлов.

Николай улыбнулся воспоминанию, а сердце заняло сильнее. Доведется ли еще когда-нибудь повидаться с этими людьми...

А поезд гремел, немолимо тащился на север, в неволю.

В Архангельске была уже полная зима, с морозом и обильным снегом. Город показался Николаю маленьким, неприглядным и тоскливым. Зато пересыльная тюрьма была лучше, чем в Перми и в Вятке. Там в небольших камерах — по сто человек, усиленная охрана. А в Архангельской пересылке просторнее, окна без решеток, не беспокоят повертками, начальства почти не видно, одни стражники.

Через неделю пришло от губернатора назначение: Давыдова — в город Кемь.

Истинный край света. От Архангельска до Кемь — 513 верст. И прошагать их придется на своих двоих: с нынешней зимы приказано политических к месту ссылки на лошадях не возить...

«Ничего, выдержим, у нас жилы крепкие. Не надейтесь, ваше благородие господин Ральцевич, все равно не пропадем...».

ПРОТИВ СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВОВ

За окнами вечер. Темный, октябрьский, ветреный. Рябинка тихо стучит в стекло голыми ветками, словно просится в дом.

Ребята спят. Только Зинаида ушла в Народный дом на какое-то представление. Михаил Федорович еще не возвращался со службы. Опять, наверно, топит горе в бутылочке. Ничего с ним не поделаешь...

На столе письмо от Николая, полученное сегодня. В который раз Екатерина Логиновна перечитывает его и думает: «Ох, дожить бы... Не выскочило бы сердце...».

Она достает из комода связку писем, выкручивает фитиль в лампе. Когда на душе одиноко и беспокойно, Екатерина Логиновна всегда достает эту драгоценную связочку и подолгу беседует с Николашей...

14 декабря 1909

«Здравствуйте, дорогие родители, братья и сестры!»

Из Архангельска мы вышли 4 декабря партией в 16 человек, в том числе семейство с двумя ребяташками. Сегодня прибыли в город Онегу. До Онеги шли 10 дней и успели одолеть только 230 верст. От Онеги до Кеми еще остается чуть больше 280 верст.

Шли большей частью лесом и по берегу Белого моря. Погода стояла чертовски холодная. Перед самой Онегой я успел отморозить нос. Ну, пока до свидания, мои дорогие. Не подумайте, что так плохо живется мне...»

— Что и говорить...— шепчет Екатерина Логиновна.

28 декабря 1909

«...Благополучно прибыл в город Кемь. Первым делом затащили в полицию, где проверили и взяли подписку о невыезде без разрешения начальства. Ну, а затем отпустили на все четыре стороны. Вышли мы с котомочками и не знаем, в которую сторону направить свои стопы. Да на наше счастье повстречался добрый человек, тоже из ссыльных. Взятся пристроить на ночлег. От него я случайно узнал, что здесь отбывал ссылку Кузьма Ильич Севастьянов из Нижнего, отец моего друга Ефима. А с Ефимом, говорит он, случилось какое-то несчастье...»

Квартир в городе совсем нет. Пришлось взять комнату на двоих за 7 р. в месяц. Дорого. Казенного пособия 8 р. 60 к., никому не хватает, как ни стараются экономно жить. Жизнь здесь чертовски дорога. Картофель что-то раза в полтора дороже, чем у вас, а временами совсем отсутствует. Капуста ценится на вес золота, да многие из здешних жителей и не подозревают о ее существовании.

А заработков, особенно зимой, положительно никаких.

Каждый день ссыльных обходит наблюдающий стражник. Придет на квартиру, посмотрит, цел ли ты, голубчик, не удрал ли?

Ну, теперь о самом городе. На карте можно найти Кемь на юго-западном берегу Белого моря, как раз против Соловецких островов. Насчитывается в Кеми 600 жителей и 200 ссыльных. Город смахивает на большое село, городского в нем очень мало. Население живет очень бедно, занимается рыбным промыслом на Мурманском

берегу. Ездят на лошадях очень мало, больше всего на оленях и собаках...

Мой адрес: Кемь, Архангельской губернии, политическому ссыльному Н. Давыдову».

8 января 1910.

«...Почта в Кемь приходит три раза в неделю. Письма к ссыльным не приносят на дом. Каждый раз я бегу туда и лихорадочно роюся в письмах...»

Я здесь буду учиться и прошу вас отыскать и выслать мои учебники, по которым я занимался в Городском училище. Между прочим, хочу изучить иностранные языки, за немецкий уже схватился и зубрю. Дома у меня должен был остаться учебник немецкого языка, так я вас прошу и его выслать. Пожалуйста, если можно, не задерживайте. Посылка по почте обойдется копеек 45.

Товарищ, который со мной вместе живет, даже советует готовиться на аттестат зрелости, чтобы не терять времени даром. Он говорит, что за три года можно подготовиться. Этот товарищ мне очень нравится. Он вместе со мной по одному и тому же делу, но сидел в Перми. Он помощник провизора, образованный человек.

Вообще я попал в хорошую среду, веду близкое знакомство со своими екатеринбуржцами. Народ все серьезный и занимающийся.

Живется довольно-таки скучно. Глазное то, что нет работы, которая занимала бы день. Нос мой в настоящее время приобрел свой нормальный размер и окраску.

Ну, так, пожалуйста, не медлите и пишите. Также не забудьте насчет книг...»

Книжки не пришлось искать. Они лежали в чулане, сложенные стопкой и накрыт перевязанные,— в таком виде Николай привез их из Нижнего. Екатерина Логиновна тщательно вытерла каждую книгу и позвала ребят. «Смотрите, дети,— сказала она,— Николаша учился по этим книгам, а они ровно вчера из лавки...»

Обрадованная просьбой сына, на другой же день отправила посылку.

15 января 1910

«...О, как я был рад, если бы вы знали. Тут же, на почте, не утерпел и вскрыл конверт. Но непродолжительна была моя радость, первые же строчки отрезвили меня. Аресты, казни в тюрьме — все это удручающе действовало на меня. Когда мы прибыли в Кемь, нас спрашивали, что за аресты произошли в Екатеринбурге? Но мы были страшно удивлены этим и стали даже разуваться. И вот ваше письмо подтвердило этот слух. Российское правительство не успокаивается. Новые товарищи испытывают на себе его жестокость. Но людей, которые знают, на что пошли, ничто не запугает...»

Екатерина Логиновна не собиралась писать об арестах и казнях, которые произошли, пока Николая ехал на Север. Не хотела его огорчать. Настоял Михаил Федорович. «Пиши, пиши,— твердил он, стоя над ней.— Пускай мозгами пошевелит, время у него есть. Может, еще возьмется за ум...»

А когда пришел ответ, Михаил Федорович крякнул с досады: «Ни черта не понял...» И хотя Екатерина Логиновна была не совсем согласна с мужем, спорить не стала.

10 февраля 1910

«...Уж очень скверно здесь зимой, особенно когда вдобавок стоит пасмурная погода. Морянка (так здесь называется ветер, дующий с моря)

в течение каких-нибудь полчаса портит самую теплую и солнечную погоду. Ветер несет целые тучи мелкого снега и в самое короткое время наметает громадные сугробы. Тогда на улице не показывайся. Черными клубами несутся по небу облака, снежным дыханием обдают они вросшие в землю, покосившиеся домишки Кеми, и вот-вот, кажется, ветер вырвет их и понесет на своих могучих плечах.

В воскресенье 24 января нас, что называется, «посетил господь». Утром вдруг дверь открывается, является надзиратель и с ним все воинство его. Громогласно возглашает, что у нас будет обыск и поэтому приглашает нас надеть штаны и все прочее.

Делать нечего, поступаем так, как приказано,— выворачиваем карманы и ввергаемся в объятия архангелов, которые бережно, как доктора при освидетельствовании, ощупывают и осматривают. Убедившись, что при нас нет ничего «такого», оставляют в покое и переходят к исследованию доброкачественности белья в корзине, обоев и пр. рухляди.

Развлекались таким образом до 10 час., и, убедившись, что у нас нечем поживиться, извиняются за ранний визит и уходят.

А в остальной жизни никаких перемен. Занимаюсь каждый день, так что время летит незаметно...»

8 марта 1910

«...Погода у нас стоит настоящая весенняя. Солнце греет всюду, везде и всюду лужи, по всей Кеми разносится запах тухлой трески. И все это, включая и запах трески, бодрит и оживляет. В шубе становится ходить жарко и тяжело.

С наступлением марта начались каждый ве-

чер северные сияния. Как только зайдет солнце и потухнет заря, на северной стороне появляется светлая дуга наподобие радуги. Не проходит и нескольких минут, как картина уже изменилась. Все небо запылало пожаром, из дуги с изумительной быстротой вылетают лучи, которые, достигнув зенита, падают и исчезают. Гигантские столбы движутся из стороны в сторону, сталкиваются, расходятся, принимают все цвета, падают и возрождаются.

Стоишь и смотришь, как очарованный. Жутко и удивительно становится: почему нет ни шума, ни треску, все так тихо и безмолвно.

И это я наблюдаю почти каждый вечер, было бы только ясно и безоблачно. Я отчасти благодарен ротмистру Ральцевичу, что он мне доставил такое удовольствие. Иногда нет-нет да и вспомняешь его добрым словом...

А вот в конце апреля и в начале мая будем наблюдать появление кометы Галлея. Наша Кемь — в самом благоприятном месте для наблюдения за этой величественной кометой.

Ну, довольно астрономии, перейдем к житейским делам. Посылку с тетрадями и книжками получил, письмо, лежавшее в посылке, — тоже. На мое счастье посылку на почте не вскрывали и не просматривали, а то письмо неминуемо бы пропало...»

Ощущение, возникшее у матери когда-то, при первом чтении этого и других писем Николая, повторилось и сейчас: в письмах Николаша был старше, взрослее, порой даже казалось, будто пишет другой человек. Не представляла она себе и что у сына такой слог — просто зачитаешься.

А Михаил Федорович ничему не удивлялся, не радовался. Только усмехнется едко, буркнет: «Какой велемудрый...» Или: «Ишь, развел красоты... Писака...»

«Ему бы учиться»,— мечтательно говорила Екатерина Логиновна.

«Ему бы в ссылке не сидеть»,— отвечал Михаил Федорович.

20 марта 1910

«Дорогая мама, я вам должен сообщить следующее: Сергей в своем последнем письме пишет, что вы начинаете сильно беспокоиться о моем поведении в ссылке. Пишет даже, что вы из моих писем узнали, что я начал «прикладываться к рюмочке». Ну и утешили вы меня! Вот никогда не допускал, что вы можете серьезно думать и горевать о моем пристрастии к алкоголю. Мне, ей-богу, даже писать об этом смешно. Но я понимаю ваше беспокойство обо мне. Понимаю и ценю. И спешу успокоить. Никакой «рюмочки» нет и никогда не будет...»

С приходом лета здесь ждут грозную гостыю-холеру, унесшую в прошлом году до 20 человек. Врачебная помощь слишком ничтожна. Ссылные образовали прошлое лето санитарный отряд, который много помог делу борьбы с эпидемией...»

Когда Екатерина Логиновна впервые читала это письмо, она испытывала чувство неловкости: напрасно заподозрила сына. А сомнение все же точило душу. Но теперь от сомнения не осталось и следа. Как не осталось и тревоги— уберезжется ли он от «грозной гостыи». Теперь все это далеко позади...

29 мая 1910

«...Распутица в этом году была что-то особенно затяжная, в продолжение месяца к нам не проскочила ни одна газета, ни одно письмо. Деньги 3 р. 50 к. я получил, за них шлю вам большое спасибо. К вам на этот раз обращаюсь с покорнейшей просьбой выслать мне посылкой будильник, который, надеюсь, еще жив. Часы необходимы, а у хозяев их тоже нет. Иногда встанешь чересчур рано, иногда проспишь...»

От Кеми до села Шуи, через болота, будут прокладывать дорогу в 20 верст. Ссылным предложили взять подряд. Мы обрадовались. Если бы не занятия, то, честное слово, повеситься можно было бы.

Мы вытаскивали восьмиаршинные бревна из воды и носили в гору. Гора такая крутая и высокая, что и без ноши пока взлезешь, так одышка возьмет. Были случаи, когда ссыльные, протаскивая бревно до полгоры, от усталости падали, как загнанные лошади.

Вышло 40 человек ссыльных. Но до обеда больше половины не выдержали. Пришли другие. Я, к своему удивлению, выдержал все время. За 12 часов зарабатывали по 1 р. 80 к. на человека. Домой приходили еле живыми и бросались спать.

Среди нас не было ни одного человека, который бы так или иначе не пострадал. Я раз пять летал с плота в воду. Работа эта уже кончена, и плечи больше не ноют. Николин день проработал с 5 час. утра до 7 час. вечера. Вот тебе и именины! Никогда я их так пышно не справлял. Вчера работал на дороге в качестве землекопа поденно, по 1 р. 20 к. Скоро опять будет работа....»

Пишите подробнее, не щадите бумаги, не жалейте чернил.

Пишите все, все.

А пока позвольте вам пожелать всего хорошего и приятного.

Любящий вас сын Николай II,
царь польский и пр. и пр.»

27 декабря 1910

«...Относительно своей жизни писал в предыдущем письме. Вы сообщаете, что хотели собрать старые газеты и послать мне. По-моему, это не стоит делать, так как я с главными событиями знаком. Ну, а разная дребедень там— неинтересна. Если вы хотите угодить мне газетой и если вам не будет это накладно, то выпишите на меня «Русское слово» с января. За это я вам буду до гробовой доски благодарен.

Что касается страхов, которые роятся в голове у мамы, так я вам скажу, что бояться тут совершенно нечего, и было бы даже смешно преследовать нас за получение легальной газеты...»

12 января 1911

«Вчера получил № 1 «Русского слова». Спасибо вам, большое спасибо за него.

Сейчас я изучаю международный язык эсперанто. Скоро вам напишу на нем письмо. Немецким продолжаю заниматься, написал самоучитель за 5 рублей...»

28 марта 1911

«...Сегодня справляю свой двойной юбилей. Сегодня стукнуло два года, как я по воле нашего начальства покинул свой родимый кров, и сегодня же мои три года ссылки с треском раскололись на две половины. Одна половина осталась за плечами, другая стоит впереди. Полтора года отмахал, осталось еще столько же.

Когда начинаю оглядываться назад, то не верю: неужели два года прошло с того времени, как меня арестовали? Нет, не верится, почему-то кажется, что это вчера было и что все то, что я пережил за все время, был один кошмарный сон. Мне здесь часто снится, что я дома и что никуда не отлучался, и не было никакой ссылки, и все это так мне ясно представляется, что я начинаю во сне разговаривать. Мой товарищ часто утром спрашивает, смеясь: был ли я сегодня ночью в Екатеринбурге?

Но в то же время не могу не учесть прожитого. Здесь, постоянно сталкиваясь с разной публикой, я начал лучше разбираться в людях.

В этом отношении мне ссылка принесла большую пользу. Здесь же, благодаря чтению книг и знакомству с людьми, имеющими хорошее образование, расширился мой умственный горизонт, и установился твердый взгляд на некоторые вещи. Итак, подведя итог всему пережитому, я нахожу, что ссылка дала мне плюс. Здесь мы сейчас получаем, частью бесплатно, частью за небольшую доплату, почти все более или менее значительные толстые журналы и, таким образом, имеем возможность следить за всеми новинками литературы и быть до некоторой степени причастными к духовной жизни России...»

28 декабря 1911

«...Вы меня упрекаете, что я вам перестал аккуратно писать. Не отрицаю этого и постараюсь объяснить, почему это так вышло.

Из Архангельска прибыли передетые жандармы во главе с ротмистром, арестовали 25 человек и произвели на квартирах обыски, в том числе и у меня. Выпустили рано утром. У меня отобрали все ваши письма, которые на-

копились за последнее время, и от других лиц, мою тетрадь из тюрьмы, открытки и всякие незначущие клочки бумаги. Все это они забрали с собой в Архангельск, чтобы на досуге разобратся.

Жили спокойно две недели. Вечером сидело у нас несколько человек гостей. Читали газеты, разговаривали. Вдруг в 10 ч. является полиция, обыскивает, переписывает всех, затем отпускает посторонних, делает обыск, ничего не находит и объявляет, что мы не имеем права принимать больше трех человек.

Через три дня, около 12 часов ночи, барабаны в дверь. Я успел порвать несколько ваших писем. Хотя в них и ничего не было, но неприятно было давать читать этим господам письма, которые мне очень дороги.

Привалило к нам на этот раз 6 стражников, жандармы и помощник исправника. Начали тщательный обыск. У нас еще не было порядка после предыдущего, а тут опять пыль столбом подняли. Жандарм пересматривал каждую страничку в книгах, на каждый затасканный клочок бумаги обращал свое недреманное око. Лазили на чердак, искали в чулане, в каждую щелочку старались заглянуть, но напрасно...

Обыск продолжался до 5 час. утра. Теперь ожидаем последствий. Будем надеяться, что все кончится благополучно. Только убедительно прошу вас не преувеличивать моего положения, дело вовсе не так плохо, как это вам может казаться со стороны.

Черкните, что за аресты произошли у вас в октябре или сентябре. В газетах я прочитал, что арестовано 15 социал-демократов».

Лампа коптила. Екатерина Логиновна припустила фитиль и взяла следующее письмо.

11 апреля 1912

«...Вас, вероятно, крайне удивит перемена штемпеля на конверте. То была все Кемь, а тут вдруг письмо от меня из Сумского посада!»

Когда мне осталось еще всего 6 месяцев, неожиданно вызывают в полицию и объявляют, что по распоряжению губернатора меня должны выслать в Сумской посад. Нас таких 4 человека.

Сумской посад южнее Кеми на 100 с лишком верст, таким образом, я на целых 100 верст приблизился к вам.

Объявили 31 марта, а 2 апреля в пять часов вечера со стражником выехали из Кеми. Провожать нас вышла вся ссылка. От крепких поцелуев и дружеских пожатий у меня полопались в двух местах губы, и до сих пор ноют бока. На дорогу купили нам решительно все, так что хватило не только на дорогу, но и здесь еще не можем закончить.

Жизнь здесь дешевле, чем в Кеми. Жители относятся к ссылчным лучше, радушнее. Летом думаю здесь поработать. Скоро кончаю срок, надо будет на дорогу.

В последнее время в Кеми шайка ссылчных-хулиганов терроризовала ссылку, и дело чуть не дошло до смертоубийства. Добавил горя еще один провокатор. Был товарищем, жил с нами третьим. Я уличил его в некоторых грязных поступках при подсчете месячных наших домашних расходов и вышиб из квартиры. Потом его разоблачили, оказался провокатором. Вероятно, через него я здесь и очутился...»

Прочитав тогда эти строки, Екатерина Логиновна опустила на стул, горло ей точно пе-

рехватило железным обручем. А Михаил Федорович сказал с гневом и отчаянием: «В прошлом письме было насчет того, что всюду лазили, искали и все, мол, напрасно. И три точки. Намек. Дескать, так упрятано, что ищи не ищи — напрасно. А теперь провокатор. Если на тебя нечего сказать, так и провокатор не выдаст. Видать, горбатого могила исправит...»

Екатерина Логиновна отложила письмо, вздохнула облегченно: «Прошло и это...»

29 апреля 1912

«...С каким нетерпением, если бы вы знали, я жду теперь окончания срока. Вы пишете, что считаете недели, а я уже деньки начинаю подсчитывать. Жду не дождусь желанного дня освобождения из проклятой неволи.

Не везет нам, екатеринбуржцам, здесь, в Архангельской губернии. В Мезени от чахотки умер присяжный поверенный Веселов, а месяц назад хоронили в Онеге Теплова. Через месяц после Теплова умер в Онеге еще один ссылчный. При похоронах стражники сильно избили ссылных нагайками. Всем этим товарищам не было и 25 лет...»

С первым пароходом, который ожидается сюда 12 мая, я начинаю работать на грузовой барже. Она будет выезжать к пароходу в море за пассажирами и грузом. Ездить придется за 12 верст в море, где останавливается на якоре пароход. Я буду рулевым, а три бабы — матросами. Не как-нибудь — капитаном первого ранга буду. За поездку будут платить 1 р. 20 коп. Две поездки в неделю. За выгрузку особая плата. Покатаемся, одним словом...»

25 мая 1912

«...В пятницу 18 мая мы открыли навигацию. В эту весну все Белое море забито океанским льдом, который нанесло ветром. Вот с этим-то льдом нам и пришлось сражаться.

Скоро, когда лед уйдет, ездить будет безопасно...»

14 июня 1912

«...На днях у нас стряслась беда. Моего товарища, с которым я здесь все время жил, неожиданно арестовали и отправили в Кемь. На сборы дали два часа. Через два дня у него кончился срок. Страшно неприятная штука.

Я его отвозил на пароход на своей барже, целые сутки мы с ним провели на острове в ожидании парохода. Жалко мне было с ним расставаться, но пришлось... Хороший был. И удивительное дело: со сколькими товарищами мне приходилось жить, все были редкостно хорошие люди...»

Главное — вы, дорогая мамочка, за меня не беспокойтесь, я не пропаду. Ссылка мне дала хорошие уроки, и теперь я куда самостоятельнее себя чувствую. Здесь мне много кое-чего пришлось переиспытать, и это не прошло даром. Теперь меня ничем не запугаешь, видали всякие виды. С вами же повидаться никакие преграды мне не помешают. Убегу — да увижусь хотя на одну недельку. А там, что будет... Остается мне немного, всего три с половиной месяца...»

За окном вечер, октябрьский, темный. Ветер, должно быть, усилился, рябинка настоячивее просится в дом.

Мать прячет письма в комод, берет со стола самое свежее, сегодняшнее Николашино письмо.

26 сентября 1912

«Дорогие мои. Дорогая мама, страдалаца моя!

Близится конец нашей почти четырехлетней разлуки. Через два дня кончается моя ссылка. Думаю 3 октября прибыть в Архангельск — столицу моего северного царства, а оттуда — на всех порах домой, к вам, в Екатеринбург...»

Что-то мешает ей дочитать эти короткие радостные строки, написанные таким дорогим, до боли знакомым, почти детским почерком. Он — уже в пути, уже отсчитывает часы и минуты. Скоро, скоро придет этот благословенный час...

«ЗА РАБОТУ!»

Канцеляристы держали себя по-разному: одни испуганно округляли глаза, другие смотрели с откровенной враждебностью, третьи делали непроницаемо-каменное лицо. Но все возвращали ему бумаги и говорили при этом почти одно и то же:

— Уже взяли...

Или:

— Деньком бы раньше...

Никто не хотел связываться с политически неблагонадежным.

Михаил Федорович тихо радовался.

— Живи, отдыхай. Кто тебя в шею-то гонит?

Хотя мать говорила Николаю, что Михаил Федорович не надеется больше ни на себя, ни на старшего сына, не помышляет уже о собственном деле и частенько заглядывает в бутылочку, Николаю показалось, что его приезд возродил у отца прежние надежды.

Первое время после возвращения сына Михаил Федорович не выпивал. Беседовал с Николаем осторожно и миролюбиво.

— Неужто опять на завод пойдешь?

Николай не сразу ответил.

— Ну что ж, — торопливо сказал отец, — подумай. Обо всей своей дальнейшей жизни подумай.

И тут же выдал себя, рассказав не без гордости, что Сергей «произведен» в приказчики в Перми и получает целых тридцать рублей в месяц. Между строк получалось: «Тебе вон пошел двадцать третий, а чего ты достиг? Сергею же — неполных двадцать, но он превзошел тебя...»

Николай сказал, скрывая иронию:

— Да, здорово обскакал меня братец. Чего доброго, и не узнает бывшего ссыльного...

Через месяц «кклюнуло» на Верх-Исетском заводе. Не отказали сразу, велели зайти завтра. Там нужны были чернорабочие в литейный цех. Он подал бумаги, отчаявшись найти слесарную работу.

Назавтра его вызвали к управляющему. Господин Рулев, высокий, сухопарый человек, посмотрел его бумаги, поднял глаза.

— Агитацией не будем заниматься?

— Никогда никого не агитировал...

Рулев как-то механически усмехнулся.

— Что же, поглядим.

Николай мял формовочную землю в литейке. Приходил домой чернее трубочиста, Михаил Федорович с намеком замечал:

— А дело-то можно было подыскать почище.

Но Николая удручала не грязь. Проходили дни, недели, а никакой работы, по которой он

так стосковался, без которой жизнь не имела теперь для него настоящего смысла, не было. Он не знал, где товарищ «Семен», жив ли Вайнер, где Сима, где другие товарищи. Есть ли в Екатеринбурге руководящий центр, кто в нем? Никаких связей.

Однажды вечером он отправился на Ломавскую. Ведь у Прокопича тоже кончился срок ссылки. С волнением подходил к знакомому домику с двумя кустами сирени в палисаднике. И домик, и сирень — все было замечено снегом. Чей-то одинокий след вел к воротам. Николай нерешительно отворил калитку.

Мария Кондратьевна узнала его, расплакалась, достала из комода фотографию.

— Ждала Якова Павлыча, а получила вот что...

На бледной, явно любительской фотографии был кусочек деревенского кладбища, высокая жесткая трава, покосившиеся в разные стороны деревянные кресты и на переднем плане — высокий холмик. Его обнимала лента из простой светлой материи с надписью. Над холмиком с обнаженными головами в молчании стояла группа ссыльных. На обратной стороне снимка было написано: «Село Монастырское, Туруханский край, 10 июля 1912 года».

— Отписали мне его товарищи. На работе упал в воду, перед самой зимой. Грудь застыла. В шесть месяцев скоротечная и скрутила...

Николай долго сидел подавленный, немой. Он чувствовал: если заговорит — разревется, как мальчишка.

Мария Кондратьевна ничего не могла сказать о прежних товарищах Якова Павловича. Дважды заходил к ней только Леонид. В первый раз — узнать о Прокопьеве, а в другой — принес денег немного. Сказал: «От товарищей по работе»... и ушел. Было это месяца три назад.

«Жив! Жив! — радостно подумал Николай. — Он в городе!..»

Несколько раз «дежурил» на Колобовской, возле дома, где когда-то жил Вайнер, но безуспешно. Наверно, Леонид сменил квартиру.

Николай надеялся: будет идти по улице, а навстречу Вайнер или Сима... Но никого не встречал, ничего не знал. Он мял ногами землю в черной литейке — и больше ничего.

Старик-литейщик как-то сказал, смеясь:

— Работенка же у тебя! Верст тридцать за день протопашь, а все на месте, все около дома...

Николай молча кивнул. И правда, во всех смыслах топчешься и топчешься на одном месте...

И все-таки надежда сбылась. Он шел с работы, переставляя с трудом отяжелевшие за долгую смену ноги. И вдруг за спиной торопкие шаги, негромкий, будто удивленный голос: «Давыдов?» Он обернулся и вскрикнул:

— Леонид!

— Не так шумно, — засмеялся Вайнер.

Они обнялись, и Леонид повел его в боковую улочку, «чтоб никому не мешать...»

Он, оказалось, знал, где отбывал ссылку Николай, но о возвращении его не слышал. Вайнер не успевал отвечать на его вопросы.

— На сей раз, как видишь, мне обошлось. Они решили: я все равно не жилец и выпустили — издыхай себе на свободе, под гласным надзором. Но я почему-то раздумал...

А Симу трудно встретить. Отбив ссылку в

Вологодской губернии, она вернулась в Екатеринбург, начала было работать, но ищейки попросту наступали ей на пятки, шагу не давали сделать. Пришлось попрощаться с матерью, с товарищами. Сейчас она не то в Ростове, не то где-то на Украине...

Товарищ «Семен»... Он верен себе. В 1909 году его выслали в Якутию на пять лет. Через два года он, по своему обыкновению, бежал, прибыл в Екатеринбург, успел тут немало сделать, но в октябре прошлого, 1911, года его арестовали в Петербурге и осудили на вечное поселение в Сибирь.

— Вечное поселение...— подавленно повторил Николай.

Вайнер улыбнулся.

— Недавно я узнал от одного товарища: нынешним летом «Семен» по заданию Ленина выехал в Варшаву...

Николай засмеялся восторженно, спохватился:

— А здесь-то, здесь что делается?

На бледном лице Вайнера улыбки как не бывало.

— Мало делается. Прошлогодние полицейские погромы выкосили многих. Нет людей. Маленькая группа. Серое, вязкое затишье. По-прежнему с ликвидаторами деремся. А надо бы заниматься другими делами.

Николай не сразу успокоился после этой вести. Наконец спросил:

— Как сейчас твое здоровье?

Вайнер махнул рукой.

— А бог с ним, лучше не думать об этом...

Какие у тебя планы?

— Действовать,— с жаром сказал Николай.

Лицо у Вайнера вдруг вспыхнуло, он протянул руку.

— Честно говоря, срок у человека, думаю, должен был кончиться, а его нигде не видно... Может, устал, думаю... В общем, всякие, понимаешь, дурацкие мысли... Значит, за работу?

— За работу!

— С организацией заводской связался?

— Никого еще не знаю.

— В мартеновском два брата Ливадных — Василий и Петр. В листопрокатном — Михаил Похалуев. Для начала тебе хватит. Сошлись на меня. Послушай...— вспомнил Вайнер,— сегодня же последний день старого года! Теперь мы встретимся с тобой в тысяча девятьсот тринадцатом. Пожелаем, чтоб он был рабочим, боевым, успешным...

И они снова крепко пожали друг другу руки.

ПЕРВАЯ СХВАТКА

— Надо показать людям, что этот закон — фикция, обман, пыль в глаза, не больше.— Недавно вернувшаяся на Урал, Сима говорила негромко, но страстно. Остановилась, поправила серое одеяло, которым было завешено окно.— Гришин и ему подобные ратуют за безропотное принятие закона. Пусть, пусть меньшевики довольствуются обглоданной костью, брошенной с барского стола. Мы будем бороться. Что ты скажешь, Давыдов?

Она похудела, сделалась задумчивее, сосредоточенней, а глаза лучились по-прежнему живым, совсем юношеским светом.

— Закон должен служить рабочему, а не

капиталисту,— сказал Николай, продолжая смотреть на нее.— За это стоит бороться...

— И что замечательно,— добавил Вайнер,— больничная касса даст нам возможность вести борьбу легально.

«Больничная касса... Первая схватка после ссылки...— взволнованно подумал Давыдов.— И хорошо, что Сима снова с нами...»

Давным-давно рабочие требовали от государства социального обеспечения. И наконец-то Дума приняла законопроект об организации на предприятиях страховых больничных касс. Но это был совсем не тот закон, которого добились много лет. Правительство страховало рабочего от несчастных случаев и болезней. Размеры помощи были нищенскими. Если же ты потерял трудоспособность, живи как знаешь. К тому же, две трети взносов на страхование должны были вносить рабочие и лишь одну треть — хозяева, капиталисты.

— А почему, спрашивается, руководителем кассы может быть только заводчик? — Сима откинула со лба светлую прядь.— Почему?

— Так закон гласит.— Василий Ливадных насмешливо прикрыл глаз.

Одни из первых, кого Николай узнал на заводе, были братья Ливадных. Оба сталеплавильщики, оба большевики-подпольщики. Они были мало похожи друг на друга. Петр — высокий, жгуче-черный; Василий ростом пониже, плечистый, сложением похож на циркового борца. И только характеры, словно подкаленные крепким мартеновским огнем, были у них одинаково крутые, решительные, горячие. Ближе Николай сошелся с Василием, совсем не чувствуя разницы в годах.

— Если уж лезть в драку, так знать за что,— энергично свела брови Сима.

— И не жалеть волос, как говорится,— вставил Ливадных и почему-то провел рукой по своему редующему на макушке ежику.

— Ничего не жалеть,— сказала Сима, скуппо улыбувшись.— Скажите на милость, неужели вы, Василий Иванович, или Михаил Похалуев, или Давыдов,— не сможете возглавить кассу? Справитесь, еще как!

— Разве ж хозяева уступят? — сказал Похалуев.

— Никто и не собирается ждать их милостей, Михаил Григорьевич. В «Вопросах страхования» Ленин писал: настоящее страхование можно завоевать только революционным путем. Все, все взять в свои руки. Сразу, сейчас же... Вайнер улыбнулся ободряюще.

— Они могут. Группа у них хоть и маленькая, да удаленькая, боевая.

— А завод все-таки трудный,— вздохнул Давыдов.

Верх-исетцев звали богомолами. Во многих цехах в красном углу красуются иконы. Под иконой днем и ночью горит лампадка. Масло для нее покупают сами рабочие. Не перекрестившись, не берутся за инструмент. Ученик, забывший совершить крестное знамение, получает по уху: помни про бога...

— Они не виноваты,— глубокая хмурая складка пересекла Симин лоб.— Расшевеливайте богомолов, обращайтесь в свою веру...— и предложила подготовку к выборам возложить на Давыдова.

Когда собрались расходиться, она подошла к Николаю.

— Ты так возмужал... Даже хочется называть тебя на «вы». Но я все равно буду по-старому, хорошо? В ссылке учился?

— Да вроде не терял времени.

— Знаю о тебе почти все: полгода топтался в литейке, сейчас помощником машиниста...

— Все верно, Серафима Ивановна,— радостно подтвердил Николай.

Она задумалась на минуту.

— Тюрьма, ссылка... Боевое крещение. В общем, жизнь у тебя складывается правильно. Разворачивайся теперь вовсю.

Все было непривычно Николаю: несколько сот человек сошлось без всяких предосторожностей, без патрулей и не где-нибудь в лесу, а в сортировочном магазине—самом громадном цехе. Впервые за черные годы не тайно, а открыто и громко пойдет разговор о жизни, о нуждах рабочего. Он знал: это будет не просто собрание, а бой. Удастся ли выиграть его?

Доклад делал горный инспектор, приглашенный администрацией завода. Давыдов не мог смотреть на него без улыбки. Это был узенький, плоский, несуразно высокий человек,—казалось, его ненароком пропустили меж прокатных валков.

Говорил он очень долго, мучительно заикался. Смысл доклада его сводился к тому, что заветные чаяния рабочего сбылись, что правительство, которое денно и нощно печется о его интересах, приняло замечательный закон. Теперь рабочий может быть совершенно спокоен: страховой закон оберегает его...

Как будто сильный ветер ворвался в цех, зашелестел черными листами железа.

— Речи — как мед...— послышалось сквозь нарастающий шум.

Инспектор, краснея и кривляясь, застыл теперь на каждом слове. Так и не закруглив свою речь, он растерянно отошел в сторону, вытирая взмокший лоб.

Слово взял рабочий Рогов. Николай знал его — умный, дельный парень. Но что с ним? Начал гладко и неожиданно вроде языком подавился. Разволновался, что ли? Ну же, товарищ, смелей! Но Рогов переминается с ноги на ногу, слова застряли безвыходно, он машет рукой. Плохо дело. Оттуда, где столпилась администрация, метнулся колючий смехок.

Вышел Николай.

— Послушаешь господина инспектора — хоть молебен служи в знак благодарности. Даже слезы чуть не полились,— такую картину нарисовал господин инспектор. Только ведь все это — слова. Кто-то здесь верно сказал: «Речи — как мед».

Я добавлю: «А дела — как полынь...» Условия у нас — тяжелее не придумаешь, несчастных случаев не сосчитать. Господин инспектор почему-то забыл сказать про них. Вот, например, Горохову, с прокатки, месяц назад руку оторвало. Администрации и суду не удалось доказать, что виноват сам Горохов. Теперь ему, наверно, дадут пособие. По закону — это пустяк, мелочь. Скажем, получит он за свою оторванную руку десятку. А из чего сложились эти деньги? Шесть рублей шестидесят шесть копеек — наши, рабочие, в них есть доля и самого пострадавшего. И всего только три рубля тридцать три копейки — хозяйские. Какой же это закон, если рабочий должен сам себя страховать? Деньги должны быть только хозяйские...

Следом за Давыдовым выступали рабочие разных цехов, предлагали свои пункты устава.

Механик Печковский долго не мог получить слово. Наконец вырвался, забарабанил надтреснутым голосом:

— Это черная неблагодарность, господа. Правительство сделало большой шаг в защиту ваших интересов, и что же оно встретило? Я повторяю: черную неблагодарность. Получивши мед, вы требуете ложку. Мало того, вы настаиваете, чтобы руководство кассой осуществляли рабочие. Во-первых, извините меня, это вам не под силу. Во-вторых, это — ущемление прав хозяина...

Потом выборы... Первое правление больничной кассы. Шестеро рабочих. Председатель — Николай Давыдов...

Когда кончилось собрание и Николай пошел мимо Рулева, управляющий остановил его. «Поздравлять будет скрепя сердце», — подумал Николай.

— А вы, молодой человек, нарушаете наш договор, — с подчеркнутой любезностью проговорил Рулев.

— Нисколько, господин управляющий, — улыбнулся Давыдов. — Вы же сами видели: разве этих людей нужно агитировать?..

ШУРИНЬКА

Этот дом на Студеной после возвращения Николая из ссылки стал его вторым домом. Сюда можно было прийти с любой печалью, с любым сомнением, зная, что всегда найдешь и душевное тепло, и понимание, и щедрую помощь.

Хозяйкой дома, вернее двух комнаток, небольших, обставленных более чем скромно, где то и дело под руку попадались книги, была Мария Николаевна Бычкова, учительница, подпольщица, маленькая женщина с тонкими светлыми волосами и руками в ямочках. Поглощенная работой, она была совершенно беспомощна в домашних делах, и знакомые говорили о ней с доброй усмешкой: «Не от мира сего...»

Когда собирались друзья, товарищи по работе, Мария Николаевна постоянно была центром всех разговоров. Но временами, в разгар спора, она вдруг задумывалась, умолкала, и тогда муж ее, показывая на нее глазами, тихо говорил кому-нибудь из друзей: «Мы здесь, но нас тут нет, мы витаем...» и ласково брал ее за руку: «Марусенька, спустись, пожалуйста, на землю...»

Ничего подобного с Марией Николаевной не случилось, когда в дом являлся человек, попав-

ший в беду. Тогда Мария Николаевна была вся внимание, чуткость, и в таких случаях ни на минуту не отрывалась от земли...

К Николаю она относилась по-матерински заботливо и покровительственно. Эта покровительственность не обижала его, потому что Мария Николаевна казалась Николаю человеком опытным, старшим, хотя она была старше его всего на год...

С лета прошлого года с этим радужным домом Николая связали еще и другие нити. Он забрел сюда в конце погожего июльского дня и увидел в комнате тоненькую, стройную девушку с небольшими зеленовато-серыми, слегка насмешливыми глазами. Он остановился на пороге, удивленный и растерянный.

Мария Николаевна пришла на выручку, взяла его за руку и подвела к девушке.

— Познакомься, Николай, — сказала она. — Это Шура, моя золовка. Хоть и говорят: «Золовка — змеяная головка», в данном случае, это неверно... Учимся в Пермской учительской семинарии, приехали в Екатеринбург на каникулы. Так ведь, Шура? Ну, вот вы и знакомы...

Она приготовила чай, подала немудреное купное угощение и позвала к столу.

Николай сидел против Шуры, участвовал в общем разговоре, а с нею заговорить робел.

После чая Мария Николаевна сказала:

— Как тебе не стыдно, Николай! Сидим в душевной комнате, а ты никак не догадаешься пригласить нас на природу. Мне же неудобно самой предлагать. Еще подумаете — из дома выставляю.

На парусной лодке, которую Николай сматерил, вернувшись из ссылки, они погуляли «с ветерком» по Верх-Исетскому пруду и пристали к полуострову Гамаюн. Николай бывал здесь не раз, но сегодня полуостров поразил его. Вековые сосны, бронзовые от заката, первобытно-дикие серые валуны, нетронутый малахит зеленых полей, пестрые уральские цветы, береговой песок, словно рассыпное золото, и девушка, которая шла рядом, — все было необыкновенным и удивительным.

Шура убежала вперед, рвала цветы и смеялась. Потом дожидалась Николая и снова шла рядом, легкая и быстрая. Смущаясь глядеть на нее, Николай думал: «Как молния...»

— Вы не боитесь, что ученики не станут слушаться вас? — спросил Николай.

— Почему же?

Он замялся, покраснел.

— Вы такая... Как бы сказать...

— Несolidная? Может быть. Но через год я, наверно, стану посолиднее. Я и сейчас умею быть строгой... — она свела брови, надула щеки.

И вдруг оба прыснули.

— А ссылка — это очень тяжело? — серьезно спросила Шура.

— Как видите, пережить можно. А почему вы спрашиваете?

— Мария Николаевна рассказывала о вас...

«Ах, Мария Николаевна, — подумал он, — а мне о своей золовке и словом не обмолвилась. Нехорошо с вашей стороны!»

— Теперь, если они опять поймают вас, может быть хуже — каторга, да?

— Нужно, чтоб не поймали.

— Но, как говорят, если не дай бог?

Николай заглянул в ее озабоченное и оттого повзрослевшее лицо.

— Какой толк, если мы с вами будем ждать, что сейчас вот из травы выползет змея и обязательно нас ужалит? Так нельзя...

— Я понимаю, что так нельзя,— ответила Шура после молчания.— Но, видимо, надо сначала воспитать волю, чтоб не думать об этом...

— Просто, когда делаешь дело, некогда о посторонних вещах думать...

— «О посторонних»,— повторила она с улыбкой и, должно быть, чтобы сменить разговор, спросила, на каком паровозе он ездит.

— Паровоз у меня обыкновенный,— сказал он.— На колесах. Не шибко, правда, большой, зато и не такой уж махонький.

— Я ужасно люблю ездить,— с воодушевлением проговорила Шура.— И всегда какое-то двойственное чувство: не терпится скорее увидеть близких, к которым едешь, и в то же время еще бы ехала и ехала...

— Это верно,— тоном старшего сказал Николай.— Если пожелаете, как-нибудь покатаю. От завода до товарного двора и обратно. Верст шесть будет...

Она совсем по-ребячьи закивала, а Николай еще серьезнее заговорил о том, что в мире полно несправедливостей, и одна из них, немаловажная, заключается в том, что Шура знает о нем так много, а он, Николай, ничего не знает о ее жизни...

— Какая же у меня жизнь?— растерянно улыбнулась Шура.— Даже рассказать нечего...

И все же Николай словно побывал в зеленой лесистой Сысерти, прошелся по Доменной улице, заглянул в старую рубленую избу лесобъездчика Ивана Григорьевича Уфимцева. Хозяин еще утром отправился верхом на лошади в объезд, а жена его, Татьяна Капитоновна, присев к окошку, вьет белую филейную салфетку. Не для себя, конечно. Семья— семь человек, а Иван Григорьевич получает в месяц 17 рублей. На эти деньги нужно содержать еще и лошадь... В избу забегает Шура— острые плечики, голубые банты в косичках— и, счастливая, кладет на стол драгоценную бумагу: сегодня она окончила двухклассную школу. А вечером собирается «семейный совет». Лучше всего, понятно, было бы отправить Шуру в Екатеринбург, в гимназию. Но не вытянуть, ведь там платить надо. А в Пермской учительской семинарии, которая готовит народных учителей, учащиеся получают стипендию.

И вот красавица Кама, громадный город Пермь, семинария...

— Удивительно,— сказала Шура весело,— я думала, вы уснете под мой рассказ...

Когда возвращались с Гамаюна, Мария Николаевна тихонько запела в лодке, и Шура так же тихо подхватила песню. Голос у нее был высокий, чистый, какой-то особенный. Такого голоса Николай, конечно же, никогда еще не слышал, и теперь мог бы узнать его из тысячи.

Задумчиво и мягко пела она знакомые песни о борьбе, о любви, о разлуке. А то вдруг с неожиданной чудесной лукавинкой в зеленоватых-серых глазах затягивала модный душещипательный романс. И, не закончив, переходила на его, Николая, любимое, словно только для него:

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль.
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль...

Каникулы кончились, и Шура уехала в Пермь. А каникулы, как известно, бывают всего два раза в году и всегда пролетают совсем незаметно...

Шура уехала, а радостное чувство от встречи с нею осталось. В жизни Николая случались моменты, когда его переполняла радость, когда он чувствовал себя счастливым. Но ощущение это быстро проходило, и тогда все вокруг будто меркло, как после яркой вспышки. Сейчас было по-другому. Минувло полгода, а ощущение счастья не проходило. Даже усиливалось.

Он стал чаще бывать в доме на Студеной. Шура писала ему, как и условились— раз в неделю, но, приходя сюда, он всякий раз надеялся еще что-нибудь узнать о ней.

В последнем письме она писала, что непременно придет на пасхальные каникулы. Так ведь, кажется, уже время...

В подъезде он долго очищал от мокрого снега сапоги, стучал ими о дверной косяк и вдруг услышал сверху:

— Да будет тебе... Дом развалишь, он и так на ладан дышит...

Николай взбежал по лестнице.

— Я прямо с завода, Мария Николаевна. Понимаете, скорее хотелось. Столько рассказать надо. Такой у меня день сегодня...

Мария Николаевна взяла его под руку и повела в комнату.

Навстречу Николаю с кушетки поднялась Шура.

— Шуринька! Приехала...

Она шла к нему, протянув руку; обычно бледное лицо ее, вспыхнуло.

Николай обеими руками бережно сжал ее узенькую руку и не выпустил.

— А я только сегодня думал...

— Вот приехала. Последние каникулы. Через полгода— прощай, семинария...

Шуринька осторожно высвободила руку. Они сели за стол и долго молчали, глядя друг на друга.

— Ну вот,— Мария Николаевна тоже под села к столу,— уже забыл, наверно, с чем пришел?

Смущенно улыбаясь, Николай стал рассказывать о больничной кассе, о сегодняшнем собрании, о выборах. И хотя он торопился, рассказ получился пространный. Закончив, Николай испуганно спохватился— небось, Шуринька заскучала, ей все это ни к чему. Но Шура, подперев голову руками, слушала, живо блестя глазами.

— И что же, ты теперь председатель... А паровоз?— спросила она.

Николай объяснил ей.

Мария Николаевна поднялась, походила по комнате и снова присела.

— Они не успокоятся. Надо быть готовым ко всему. Им такой председатель— хуже кости в глотке. Но это уже неважно,— она пристукнула по столу маленьким кулачком.— Плевать на них... Послушай, ты же, конечно, голоден. Я сейчас...— и, не слушая возражений Николая, заторопилась на кухню.

Когда он поел, Мария Николаевна сказала:

— Если хотите пройтись, можешь не отсиживать по правилам приличия...

Николай с благодарностью улыбнулся ей и перевел взгляд на Шуриньку.

— Пойдем?

На улице подморозило. Снег сухо поскрипывал.

Вышли на полутемный Главный проспект.
— В кинематограф? — спросил Николай.—
Деньги у меня есть.

— Лучше так... Просто ходим... Знаешь, я уже получила назначение. Буду работать в селе Абрамовском...

— Где это?

Узнав, что село Абрамовское находится в ста верстах от Екатеринбурга, Николай ужаснулся:

— Бог ты мой! Дальше нельзя было?

Шуринька сказала, что должна будет четыре года «отрабатывать» казенную стипендию. Засмеявшись, добавила:

— Был бы мой отец не лесобъездчиком, а, к примеру, банкиром, внес бы в земство все, что я получила, и — езжай куда душе угодно.

Николай подумал, что Шуринька и в самом деле могла быть дочерью банкира. Правда, она не нуждалась бы в стипендии, окончила гимназию, осталась в городе, но только они, наверно, никогда бы не встретились...

Шуринька вспоминала вслух, как Илья Евлампиевич, директор школы, вез их, семь учениц, в Пермь, на экзамены в семинарию.

— Мы все дрожали, а Илья Евлампиевич говорил: «Не бойтесь, вы обязательно выдержите. Знайте, я буду смотреть на вас в щелку...» Когда меня вызвал экзаменатор, я вспомнила это обещание и совсем успокоилась... А теперь представляю, как войду в класс. Хоть и учительницей, все равно страшно. Одна. И никто не смотрит в щелку...

Николай остановился, взял ее за руки:

— Так знай же: я обязательно буду смотреть...

ТЕЛЕГРАММА

Он пришел домой веселый и усталый. Екатерина Логиновна подала ему пачку недавно полученных газет.

— Наконец-то, — обрадовался Николай.— Как долго идут...

— Что это за газеты, Николаша?

— «Правда», мама. Ежедневная рабочая газета...

— Это-то я видела... — и с тревогой понизила голос: — А ничего не будет?

— Здорово же вас запугали! Открытая газета, кто хочет, тот и выписывает.

Михаил Федорович посмотрел на сына исподлобья.

— Чья же это правда?

— Как — чья? Рабочая. Наша, одним словом...

— То-то и оно. Завтра твою «Правду» прихлопнут, а к подписчикам вместо почтальонов жандармы пожалуют...

— Видали и жандармов.

— А зачем, скажи, тебе одному десять одинаковых номеров?

— А какой толк, если один человек будет знать правду?

— Мало тебе было ссылки...

Когда через три дня Николая вызвали в уездное полицейское управление, он вспомнил этот разговор. «Неужто угадали?»

Исправник Ключников, развалившись на стуле, с ухмылочкой поглядывая на него, протянул бумагу. Телеграмма Пермского губерна-

тора: «Предложить Николаю Давыдову снять с себя обязанности председателя больничной кассы. Противном случае в 24 часа выселить Пермской губернии...»

Дождавшись вечера, Николай пошел к Вайнеру. Там была Сима.

— Этого следовало ожидать, — сказала она хмуро. — Боятся тебя. В конце концов, это приятно. «Политически неблагонадежный». Пока будет существовать самодержавие, носить нам это почетное клеймо... — глаза ее неожиданно засветились. — Что ж, касса останется легальной, а председательствовать будешь нелегально. Вот так. Все равно победили мы. Первая больничная касса в России, где господа — рабочие...

Вайнер, смеясь, сказал:

— Выберите председателем Ливадных или Похалуева... Пусть хозяева выгадают...

В тот вечер они допоздна засиделись втроем: Сима, Вайнер и Николай. Он рассказал, что Петр Ливадных одну из двух комнат в своем доме уступил под больничную кассу...

— Организуем там библиотеку, литературный кружок. Под видом кассы — собирай народ, беседуй, даже окна завешивать не нужно...

Сима много мечтала в тот вечер. Мечты ее были похожи на план действий. Она говорила, что, если бы создать в Екатеринбурге единую страховую кассу, это была бы сильная организация, способная не только лучше защищать интересы рабочих, но еще больше сплачивать их...

А на другой день Николай узнал, что ночью Симу арестовали. Не долго же она пробывала на свободе...

НАКАНУНЕ

Сдав сменщику паровоз, Николай вышел на заводской двор и вдруг остановился. В лицо ему пахнуло сырой терпковатой свежестью, словно бы даже солоноватой, как в Кемь, только без запаха тухлой трески.

Внутренний холодок, навеянный воспоминанием, заставил Николая запахнуть тужурку. Вторую весну встречает он здесь после ссылки, а богоспасаемая Кемь — нет-нет да и явится то во сне, то наяву...

От ворот каждого цеха к проходной, через весь заводской двор, тянутся черные тропы, по которым два раза в день проходит рабочий человек. Особенно выделяются эти тропы зимой. Но даже и сейчас, когда снег почти уже сошел, кажется, будто кто присыпал дорожки сажей.

В дни полочки каждая тропа, от того места, где она сворачивает к проходной, раздваивается. Неширокое, такое же черное ответвление устремляется к конторе. Здесь-то Николай поравнялся с Василием Ливадных. Поздоровались, вместе вошли в просторный коридор, пристроились к хвосту длинной очереди.

— Опять забыл подушку прихватить, — улыбочиво сказал Василий.

Кассир Еремеич ужасно стар и медлителен. Очередь еле движется.

На подступах к врезанному в стене окошку — барьер, вроде стойла. Чтоб не было толкучки, для порядка. Для порядка же сидит в коридоре за столом полицейский урядник Князев с чернущими вислыми усами, в шинели, с шашкой в облезлых ножнах. Должно быть, он выпил и его растомило, потянуло в сон.

Рядом с урядником — волостной старшина Соколов, краснолицый, с выпуклым животом. А между столом и окошком кассы курсирует сотский Степичев, маленький, юркий человечек; серая щетина бровей прикрывает его крохотные быстрые глазки, щетиной забиты и уши, и большие овальные провалы ноздрей.

Он в штатском. На нем широкий пояс с медной бляхой, на которой распластался двуглавый орел. Это означает, что Степичев находится при исполнении служебных обязанностей. Но рабочие знают: есть на сотском пояс или нет, он все равно рыщет, подслушивает, докладывает.

В дни выплаты жалованья у сотского появлялась еще одна забота. Как только рабочий с получкой отходит от окошка, Степичев оказывается возле него: «Милости просим...» — и препровождает к столу, где старшина Соколов взимает налоги.

К рабочему, отошедшему от стола, тянется железная кружка в мясистых пальцах старосты Успенского собора.

Люди стоят в очереди задумчивые, усталые. Подолгу молчат угрюмо, покуривают. Каждый молчит о своем, а в общем-то — об одном и том же. Потом кто-то бросит слово, точно камень в озеро, и побежали круги...

— Настоишься досыта, а получать всего-ничего...

— Да, наши заработки карман не обрывают.

— Прибавку еще когда обещались дать...

— Дождешься!

— На словах-то они — как гуси на воде...

До волосатого уха сотского что-то долетело, он быстренько ввинтился в очередь. Но разговор умолк. Кто-то в промасленной одежде умышленно неловко повернулся, и рукав Степичевского пиджачка непоправимо потемнел. Сотский метнулся к очередному, отошедшему от кассы.

— Скажи спасибо — не купонами платят.

— Я бы сказал...

— А кто мешает?

— Ребятишек дома много...

— Прибыля-то, сказывают, золотой реченькой бегут. А мы ни при чем.

— Как так ни при чем? А налоги кто платит?

— Разве что... Никакого роздыху. Как говорится: сел бы чай пить, вода и угли есть, только чаю да сахару нету...

— А у нас иначе сказывают. День не варим, два не варим, день погодим, да опять не варим...

— Тоже подходяще...

От стола отошел высокий дядька в промасленной куртке. На черном его лице светлыми эмалевыми пятнами блестели глаза. Звучно сплюнув, он приблизился к очереди, разжал темный кулак, там зашуршало несколько бумажек.

— Зараз приду домой, скомандую: три, баба, редьку, три другую: пусть люди думают — сладко едим... На редьку, пожалуй, заробил...

Сотский уже тут как тут. Оскалив желтые зубы, снизу вверх поглядывает на дядьку. Тот сжал кулак, взглянул остервенело. Степичев, остерегаясь, отступил, грозя волосатым пальцем.

— Бьют и плакать не дают, — сказал Давыдов, когда сотский юркнул к окошку.

Старичок, стоявший впереди, обернулся.

— Ты, говорят, в ссылке сидел? — спросил негромко.

— Что было, то было...

— А высидел-то какие радости?

— Радости высидеть невозможно, папаша, — Давыдов улыбнулся.

— Истинная правда, — поддержал Ливадных.

— Вон чувовские да лысьвенские... молодцы... проговорил парень из механического, имея в виду забастовку на Чувовском и Лысьвенском заводах. — Бедовали, голодовали, а все ж выступили...

— Вы знаете, про что он говорит? — спросил у старика Ливадных.

Старик бросил на него обиженно-сердитый взгляд, осмотрелся:

— Представь, сынок, и моя толика им на подмогу ушла.

— Похвально.

— А наши, верхисетские, согнули горб и по-малкивают.

— Чадят больно лампадки-то в цехах. Угорают от них.

— Не иначе...

Подошла очередь Давыдова. Когда он получил деньги, сотский, легонько взяв его за локоть, кивнул на стол.

— Не забыл,— буркнул Давыдов и энергичным движением высвободил локоть.

Отойдя от стола, он спрятал деньги в карман, увидел перед собой железную кружку.

— Пожертвуй на ремонт храма божьего...

— А что даст храм божий рабочему?

Вся очередь, вдруг затихнув, обернулась...

— Кто бога и храм любит, того бог не забудет,— почти пропел староста.— И попадет тот человек в царствие небесное...

— Пускай бы бог на этом свете помог...

— Богохульство, богохульство,— отмахнулся староста, в кружке звякнули считанные монеты.

Сотский подбежал к старшине, наклонился к его уху.

— Петрович! — крикнул волостной старшина уряднику.— Арестуй негодяя...

Урядник широко раскрыл глаза, рявкнул:

— Прекратите! — и окончательно проснулся от собственного крика.

— Вы, господин урядник, сказали бы людям что-нибудь новое... — спокойно проговорил Давыдов.

В очереди прошелестел смехок.

— Замолчать! — урядник, гремя стулом, поднялся, побагровев, он шевельнул вислыми усами, повелительно кивнул сотскому.

Степичев услужливо забежал вперед и открыл дверь. Урядник толкнул Давыдова в спину. Николай вышел из помещения и, не останавливаясь, твердым неторопливым шагом направился к проходной.

Урядник, стоя на месте, смотрел ему в спину растерянными глазами. Сотский снизу вверх уставился на Князева с недоумением и укором: так легавая глядит на хозяина, упустившего дичь.

— Далеко не уйдет,— успокаивающе проворчал Князев, приглавив усы.

— И то верно,— угодливо оскалился сотский.

Миновав проходную, Николай остановился, поджидая Василия Ливадных.

Он появился минут через десять, увесистой походкой двинулся к Николаю.

— Крепко ты выдал... А я нарочно постоял, посмотрел. После тебя вовсе не стали кидать на храм божий. Глаза от кружки — и мимо...

— Слабо мы действуем, Василий Иванович,— сказал Николай с волнением.

Ливадных поднял брови.

— Слабо. Две недели назад решили: каждый цех выставляет свои требования. Организованно, чин-чином. И вот сидим, дожидаемся. А надо са-

мим взяться, завернуть. Народ гудит, раскаляется, не сегодня-завтра сам собой подымется. Если не направить — разброд получится...

Ливадных взял его за локоть.

— Все это так, только ты потише бы. Как-никак улица...

Придя домой, Николай вырвал из тетради двойной лист и, взяв чернильницу-невыливайку, сел за стол.

«Шуринька! — написал он.— Сегодня пятнадцать дней, как мы не виделись. И самое обидное, что моим надеждам на скорую встречу с тобой не суждено сбыться. Не могу приехать к тебе и в ближайшее воскресенье. Дела и дела...»

Шуринька встречала его возле школы, как и прежде тоненькая, стройная, легкая, на вид ей было не больше семнадцати. Они отправлялись в лес или бродили по Абрамовскому, небольшому захудалому селу, и малыши, забегая вперед, по нескольку раз здоровались со своей «учителькой».

Многих ее учеников Николай уже знал по имени. Шуринька рассказывала ему о них, обо всем, чем жила.

Засиживались в ее комнатке допоздна. У Шуриньки, да и у него всегда была масса новостей. Потом пели вполголоса, потом ужинали. Приготовление ужина не обходилось без происшествий. Картошка пригорала, каша своенравно ползла из горшка, даже мирная яичница и та умудрялась оглушительно стрелять. Глядя на Шуринькино огорченное лицо, Николай вызывался в помощники: в ссылке он научился готовить.

А потом она шла провожать его на ночевку к Степану, школьному сторожу, и они еще долго стояли возле кривых Степановых ворот...

Последнее их свидание пятнадцать дней назад, испортил отец Леонид, молодой абрамовский поп — Леня, как его называла Шуринька.

Ребячий хор, которым она руководила, накануне пел на клиросе. Хор поет, а батюшка почему-то долго не выходит. Шуринька попросила псаломщика: «Сходи узнай, что там...»

Псаломщик вернулся и говорит: «Батюшка торгуется со старостой насчет сена...»

После службы Шуринька отозвала Леню и высказала ему свое возмущение.

«Господи,— проговорил батюшка, выслушав ее с насмешливой улыбкой,— сколько слов, и все впустую. Да будет тебе, раба божья Александра, известно, что менее всего верующи священнослужители...»

«Зачем же ты пошел в попы?»

«Нужда заставила».

«Так в бухгалтеры пошел бы».

«Как раз... Чужие деньги считать?..»

— Ложь, обман, сплошной обман! Отец мой не верил ни в бога, ни попам, его даже хотели отлучить от церкви. Я их и раньше не любила. Теперь ненавижу! — Шуринька негодовала, и Николаю так и не удалось успокоить ее.

«Как там поп Леня поживает? — писал Николай.— Между прочим, это не самая большая фальшь среди тех, которые вокруг нас на каждом шагу. Присмотришься только хорошенько...»

А приехать мне, Шуринька, никак невозможно. При встрече расскажу, ты обязательно поймешь и не осудишь меня...»

Продолжение следует.

ЗВЕРИНОЕ ФАКСИМИЛЕ

Когда тайгу засыпает снегом, когда сосны, ели и кедры собираются вздремнуть в зимнем забытьи, а раздетые жестким ветерком осинки и березки ежатся, роняя свои сережки,— в эти дни начинается горячая пора работы следопытов. Каждая экскурсия — немая беседа с обитателями лесных полян, дремучих чащоб, береговых зарослей.

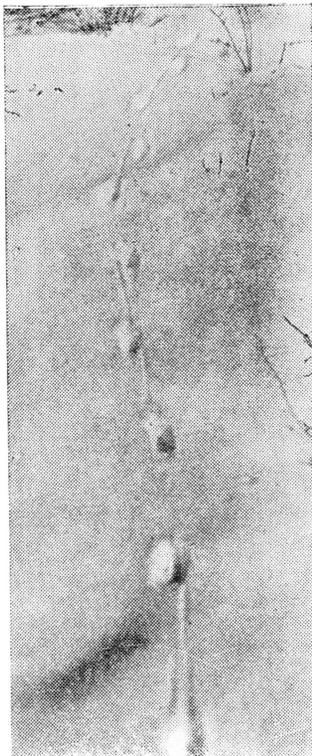
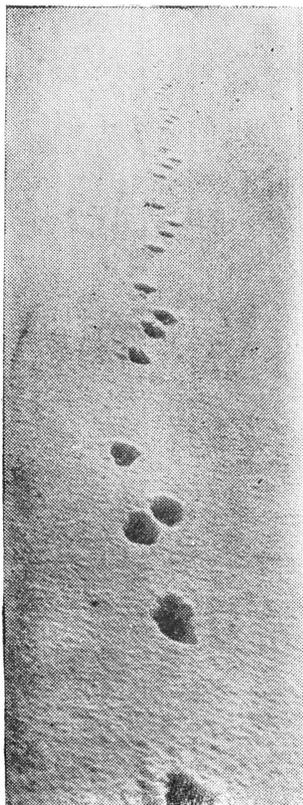
Первый друг зимней прогулки — лыжи. Они плавно скользят по равнине и слегка утопают на мягком снегу.

Не всегда солнце балует своим присутствием: дни стоят мглистые, тихие, холодные, но удивительно чистые. Дышится легко.

На окраине деревни, откуда до леса еще три километра, за кем-то гнались псы, оставив дорожку следов: вначале рысью, потом галопом.

Так не ходит лиса. У нее дорожка вытянулась бы в цепочку.

Лисица аккуратно ставит заднюю лапку в след передней, торопливо трусит, то остансится, повертит носом, то снова бежит навстречу ветру, ближе к манящему запаху.

На этом следе лисы видны не только ямки, заметна поволока и выволока. Поволокой называется прочерк лапой при опускании ноги в снег или мягкую почву. Выволокой — прочерк при поднятии, перенесении ноги для нового шага. Обычно поволока длиннее, чем выволока. Но на этой следовой дорожке наоборот: видно, лиса резко опускала лапу и нехотя, вяло выдергивала ее из снега. К тому же и лента следа не совсем ровная. О чем это говорит! Нужно разгадать.

Лыжи скользят дальше рядом с лисьим следом. Это правило следопыта — не затаптывай след: может случиться, что вернешься назад распутать какую-нибудь тайну. Снова километр; почему все та же лента лисьего следа не совсем ровная! Наконец разгадка: рыжухе удалось позавтракать зайцем. Такое бывает не часто, поймать косоного нелегко. Разве только врасплох на месте жировки.

У мелкого ельничка нашлось место, где жировали зайцы-беляки.

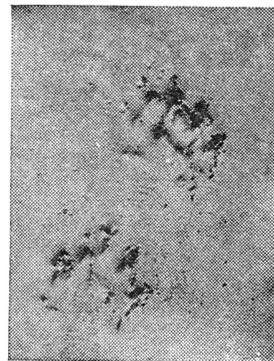

↑ Тропить след можно в пята (к месту выхода зверя) или в след за зверем. Идем в пята. Километр, два. Вот прошел волк. Но не этой ночью. След старый. У хищника дорожка тоже своя. Волчьи ямки след в след тянутся ровно, «уверенно». Он временами повернет к дереву или торчащему пню, чтобы оставить свою метку, и дальше на охоту. След слегка вытянут, четче собачьего. Передняя лапа крупнее и округлее, задняя меньше и более овальная.

→ Когда мы обогнули озерко, на глаза попался след хорька. Видимо, появился он в один из последних осенних дождей. Земля была мокрой. К утру «схватил» мороз и в таком виде сохранил след до сих пор. Передует ветерок кристаллики снега, то занесет, то снова откроет отпечатки хорька. Расплавятся они только с весенним теплом, когда земля глубоко вздохнет после зимнего оцепенения.

← Под старой корягой, у берега, чернела небольшая отдушина. Норка водяной крысы (по-научному водяной полевки). Грызун не боится ледяной воды. Ему нужна пища — зеленые побеги. За ними и ныряет под лед крыса. У самой норки, на клочке черной земли, виднеются ее следы.

← Сегодня повезло. Блеснуло все-таки солнце. Вот заиграли краски на березке у самой опушки леса. Под ней сотни крестиков. Утром здесь кормились рябчики.

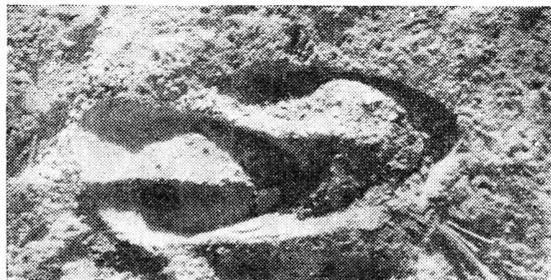
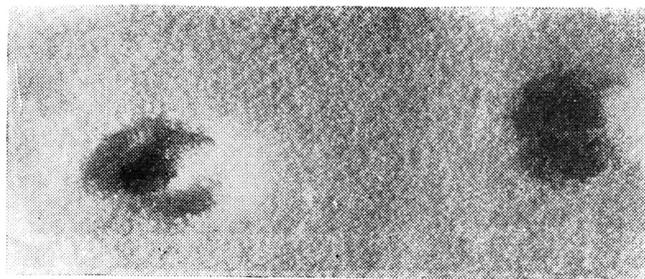
Сколько вокруг условных значков — успевай читать! Ветки гнутся от обилия шишек. Вот она, лесная азбука. Такой урожаем говорит следопыту, что голод не страшен местному населению. Бывают годы, когда кое-где торчат одна-две шишки, а голые ветки, словно руки, тянутся к путнику: смотри, наша беда—беда белки.

Кстати, рядом следы белки, ямки из трех-четырех деталей, вмятины от хвоста и четырех лапок тянутся общей дорожкой к стволу ели. Еще несколько часов, и сердце начинает учащенно биться. Найден след «золотого» зверька.

Вдвойки и тройки соболиного следа пересекли открывшуюся поляну. Не один я, десяток елей тоже склонились над снежным «кошком», вместе любовались голубоватой цепочкой ямок. Их оставил зверь, мех которого по красоте не имеет себе равных.

На обратном пути, среди мелко-го ельничка, куда вовсе не попадал снежок, — следы сибирской косули. Остренькие копытца выбили в почве «сердечки». Фигурки ложились парами, одна чуть покрывала другую, или входили друг в друга. Косуля отдыхала в этом затишьи.

А. ЛЕСНЯК,
кандидат биологических наук

На углу улиц Белинского и Энгельса в Свердловске стоит деревянный дом. Он хранит память о Якове Михайловиче Свердлове, который когда-то скрывался здесь от царских жандармов. А сколько всего было в Екатеринбурге нелегальных квартир «товарища Андрея»?

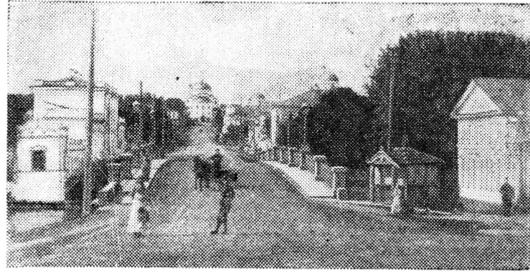
— Девять, — ответят следопыты нашей 13-й школы и расскажут много интересных подробностей о каждом из них. Свою работу по изучению революционного прошлого Свердловска они посвящают пятидесятилетию Советской власти.

Известно, что первую подпольную типографию в Екатеринбурге большевики организовали в 1904 году. Она находилась во дворе городской электростанции «Луч» по нынешней улице Горького. Следопыты долго рылись в архивах, не раз бывали в музеях, ходили к старым большевикам. Зато теперь мы знаем обо всех нелегальных типографиях и обо всех революционных явках большевиков в нашем городе.

Историческое прошлое Екатеринбурга — Свердловска волнует всех ребят школы. Каждый класс работает по какой-то теме. Одни изучают улицы, что носят имена героев, другие собирают материал о памятниках Свердловска, третьи интересуют названия площадей. Поиски часто приводят к замечательным людям — участникам событий, которые рассказывают ребятам все, что сохранила память. Так, от Александры Павловны Березиной мы узнали, как выглядела до революции Площадь Обороны, где сейчас стоит наша школа. Это был, по существу, пустырь, покрытый зимой снегом, летом заросший травой. На месте большого здания современной школы стояла церковно-приходская, куда бегали учиться дети бедняков. Один-два года — на этом у многих заканчивалось образование.

Кроме Семеновской церковно-приходской школы, здесь стояли еще два здания — городская тюрьма и ночлежка. Поэтому в народе эту площадь так и звали — Ночлежной.

А улица Декабристов, которая почти примыкает к Площади Обороны, раньше называлась Александровским проспектом. Это была одна из главных улиц Екатеринбу-

Так выглядел Александровский проспект в дореволюционном Екатеринбурге.

бурга — ворота города. Начиналась она двумя массивными белыми столбами. Летом 1826 года в город стали прибывать тройки с необычными пассажирами, закованными в кандалы. Это через Екатеринбург в Сибирь по Александровскому проспекту провозили осужденных на каторгу декабристов. В память о них проспект переименовали в улицу Декабристов, а бывший Царский мост через реку Исеть — в мост Декабристов.

О нашей следопытской работе можно рассказывать много, но мы хотим знать, что делается в других краеведческих клубах, отрядах. Мы предлагаем свою тему — революционное прошлое края. Поле деятельности здесь необъятное. Нужно сделать так, чтобы каждый в городе, районе, селе знал имена людей — участников великих событий.

Но этой темой не исчерпывается следопытский поиск. Пусть ребята Перми и Челябинска, Удмуртии и Башкирии, Кургана и Оренбуржья расскажут на заочном форуме журнала о своих интересных делах.

Штаб следопытов школы № 13

ПЕРВОЕ ИМЯ СВЕРДЛОВСКА

О том, что столица Урала названа именем Якова Михайловича Свердлова, руководителя уральского пролетариата, знает каждый. Имя это было присвоено городу в ноябре 1924 года. Раньше Свердловск именовался Екатеринбургом; однако мало кому известно самое первое его название.

В 1720 году Петровской берг-коллегией был направлен на Урал для управления горными заводами капитан артиллерии Василий Никитич Татищев. По инициативе Татищева и был заложен нынешний Свердловск. Но вскоре по жалобам всеильных уральских заводчиков Демидовых его отозвали назад в Петербург. Демидовым не нравилось, что Татищев проявлял большой интерес к их деятельности, которая порой выходила за рамки законов.

При императорском дворе Демидовы пользовались покровительством многих знатных лиц, и Татищеву было трудно доказать свою правоту. В апреле 1722 года берг-

коллегия решила командировать на Урал генерал-майора Вильяма Геннина, чтобы на месте разорать ссору Демидовых с Татищевым. Кроме того, ему было велено руководить строительством медных и железных заводов и наладить литье пушек.

Вот Геннин-то и назвал город, основанный Татищевым, Екатеринбургом в честь жены Петра Первого императрицы Екатерины. Об этом он написал ей в июне 1723 года, и ответным письмом от 28 августа новое название было утверждено.

При Татищеве же нынешняя столица Урала именовалась Исетскими заводами. Это и было первое название Свердловска.

В 1734 году Татищев вновь оказался на Урале в должности главного командира уральских, сибирских и казанских заводов. Он был ярым врагом иностранных названий и повел борьбу, чтобы заменить их русскими.

Правда, попытки, связанные с переименованием Екатеринбург, ус-

пеха не имели, но в своих письмах главный командир уральских заводов упорно называл новый город Екатеринбургом.

В отношении же других иностранных наименований Татищев писал:

«Усмотря, что от бывших некоторых саксонцев в строении заводов все чины и работы, яко же и снасти по-немецки названы, которых многие не знали и правильно выговаривать или написать не умели и сожалея, чтобы слава и честь отечества и его труд теми именами немецкими утеснены не были, ибо по оным немцы могли себе надлежаще в размножении заводов часто привлекать... все такие звания велел писать русскими».

К сожалению, прогрессивная деятельность Василия Никитича Татищева на Урале была прервана всеильным временщиком императрицы Анны Иоанновны Эрнестом Бираном.

С. З.

„ЖЕЛЕЗНЫЙ ДЖОН“ УЧИТСЯ...

Об одном научном поиске

Фантастика и реальность

«...Робот остановился.

— В чем дело, Джон, прошу вас? — спросил Аллан Керн.

Особенно жестко и холодно прозвучал скрипучий голос робота:

— Скорость прибывания потока превосходит два дюйма в минуту. Уровень огненной жидкости достиг нижнего сустава ног. Скорость передвижения замедлена. Дальнейшее передвижение с грузом опасно для моих механизмов.

— Скорее! Надо выключить его систему самосохранения, иначе он сбросит нас в лаву! — закричал Керн.

— Я вынужден освободиться от груза, джентльмены, — очень вежливо проскрипел робот»...

Печально заканчивается этот драматический диалог между героями повести А. Казанцева «Внуки Марса».

Робот, которого в повести называют железным Джоном, имел неиссякаемые ядерные источники энергии, могучую электрическую мускулатуру. Память его электронного мозга содержала пять миллионов ячеек (цифра, пять лет назад казавшаяся фантастической). Джон, с фантастической скоростью перебирая многочисленные варианты, быстро находил оптимальные решения в различной обстановке и, конечно же, умел говорить.

Собратья железного Джона встречаются во многих книгах. Некоторые немногословны, знают две-три фразы: «Здравствуйте. Шляпу, пожалуйста! Уходя, гасите свет. До свидания». Другие болтливы. Слушают, что говорят люди, задают вопросы, рассказывают придуманные ими анекдоты, над которыми сами же и хохочут.

Голоса у роботов обычно двух сортов: либо тонкий, дрожащий, как у Буратино, либо скрипучий бас. Говорящие и слушающие автоматы помогают героям фантастических романов водить автомобили, переводят устную речь с одного языка на другие, безошибочно и молниеносно печатают текст речи оратора.

...Щелкнула кнопка включателя, и в притихшем зале послышалось негромкое шипение и затем гортанный мужской голос произнес: «Внимание, говорит Машина. Прислушайте отрывок из пьесы Симонова «Фронт».

...«— Товарищ генерал! К вам посыльный из штаба армии!

— Зовите!

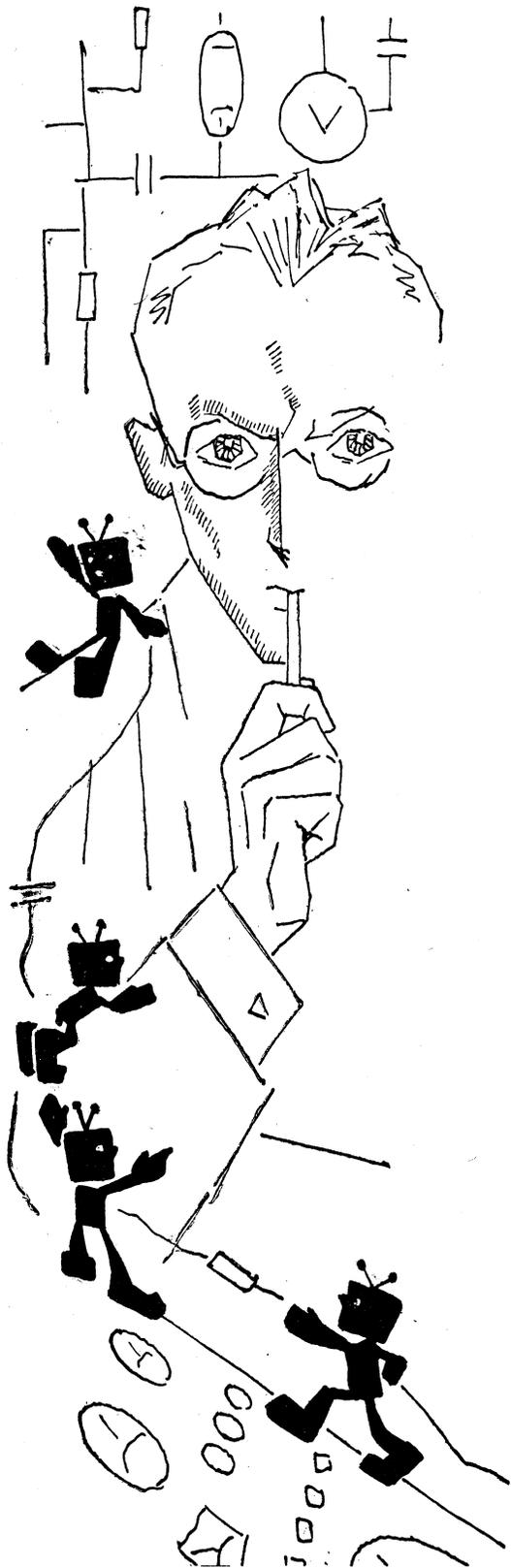
— Вам пакет, товарищ командующий»...

Затем машина, желая показать свое умение произносить трудные звукосочетания, произнесла: «Жирные сазаны ушли под палубу, испуганная ворона взлетела на крышу». И в конце под одобрительный гул аудитории запела: «Широка моя родная»...

Это уже не фантастика. Искусственная речь звучала летом 1965 года у нас, в конференц-зале Института математики в Новосибирске, где собрались представители почти всех организаций Советского Союза, которые работают над созданием слушающих и говорящих автоматов. Среди присутствующих были инженеры, математики, физики, физиологи, психологи и лингвисты.

Что же заставило ученых различных специальностей во всех концах страны в течение многих лет упорно работать над этой проблемой? Не есть ли это работа над заказом далекого фантастического будущего? Нет, автоматы, умеющие понимать речь и говорить, нужны уже сейчас и с каждым годом становятся все более необходимыми. Нужны они в устройствах связи. Если бы на входном конце линии связи стояла машина, распознающая речь, то по линии можно было бы передавать не речевой сигнал, а лишь условные коды различных звуков, что-нибудь вроде азбуки Морзе. На выходном конце говорящая машина, получая кодовые обозначения звуков, воссоздавала бы речь. При этом линия загружалась бы гораздо меньше, чем при передаче по ней естественного речевого сигнала. По одной паре проводов можно было бы передавать в сотни раз больше телефонных разговоров, чем сейчас.

Пульты управления многих автоматизированных систем буквально забиты сотнями кнопок, тумблеров, приборов, сигнальных лампочек и экранов. Глаза оператора не успевают следить за миганием лампочек, показаниями стрелок и картинками на экранах. Частичная замена этой зрительной информации на слуховую резко разгрузила бы внимание оператора. Самые важные сигналы, преобразованные машиной в устные команды или сообщения, оператор не пропустил бы, даже отвернувшись от пульта управления. Вместо того чтобы щелкать включателями и нажимать кнопки, человек смог бы отдавать приказы машине устно.

А там, где пульт управления не сильно перегружен? Может быть, проще и дешевле в случае надобности добавить на этот пульт десяток кнопок, чем машину, распознающую десять слов?

Оказалось, что и это не всегда лучше. Ленинградский ученый Г. М. Зараковский установил, что человек, отдавая распоряжение машине кнопками, делает ошибок намного больше, чем отдавая команду голосом: язык работает быстрее и точнее, чем руки.

Сейчас проектируются вычислительные машины, которые будут выполнять миллиарды операций в секунду. Общаться с такой машиной с помощью перфокарт и перфолент, как это делается сейчас, — это все равно, что управлять сверхзвуковым самолетом с помощью вожжей и кнута. Человек должен иметь возможность руководить машиной легко и быстро, привычным для себя путем, в частности, формулировать задачу устно и получать от машины устные ответы.

Говорить и слушать — чего проще?

В чем же трудности распознавания машиной речи? Ведь для человека слушать, понимать и говорить на родном языке — занятие, проще которого, кажется, не придумаешь.

Но это действительно только кажется. Если бы мы умели, замедлив бег времени, читать сигналы в нервной системе человека и следить одновременно за состоянием многих мышц, то увидели бы примерно такую картину.

Человек говорит. В это время из коры головного мозга к органам речи по нервам волокнам устремляются импульсы-команды: «Включить голос! Губы сначала вместе, потом открыть!» Тотчас мышцы грудной клетки стали вытеснять из легких воздух. Натянулись голосовые связки, прерывая этот поток воздуха: родился звук. Резонируя во рту под куполом верхнего неба, завихряясь под языком, звучащий воздушный поток упирается в сжатые губы, которые в следующее мгновение откроются, и мы поймем, что человек произнес «ма». Повторил еще раз — получилось «ма-ма». Этот человек еще мал. Позже он научился управлять не только губами и голосом, но и языком и перегородкой между носовой полостью и ртом («небной занавеской»). И тогда мозг будет посылать более сложные команды:

— «Включить голос. Губы округлить. Кончиком языка коснуться передней части неба».

— Ро...

— «Голос включен. Небная занавеска поднята. Губы вначале вместе, потом открыть и округлить».

— ...бо...

— «Голос выключить. Кончиком языка коротко коснуться верхних зубов»...

— Т...

Колеблются частицы воздуха около рта, образуя звуковые волны. Эти колебания достигли наших ушей, и мы услышали:

— Робот...

Ленинградским ученым Л. А. Чистович и В. А. Кожевникову, которые приоткрыли завесу над таинствами образования и восприятия речи,

пришлось столкнуться с многочисленными загадками природы. На помощь ученым пришла сложная экспериментальная установка, которая позволяет знать, в каком положении в данный момент находятся губы, язык и небная занавеска, включен или выключен голос, какое давление воздуха обеспечивают легкие, сколько миллисекунд проходит с момента прихода звука до того момента, когда человек начинает повторять этот звук, какую форму имеют звуковые волны, и многое другое. Тонко поставленные опыты и тщательная обработка полученных результатов позволили ответить на многие интересные вопросы: отдает ли мозг приказы о каждом звуке, о слоге или целом слове; какими единицами человек воспринимает речь — словами, слогами или отдельными звуками. В том и другом случаях чаша весов сильно склоняется в пользу слогов. Причем слогов открытых. Говоря, например, слово «банка», человек произносит слитно два таких элемента: «ба-нка, а не «бан-ка», а слово «робот» расчленяется мозгом именно на «ро-бо-т», а не «ро-бот».

Очень не просто научить машину говорить. Но еще труднее научить ее воспринимать речь. Взгляните на рис. 1. Извилистая линия (осциллограмма) показывает форму звуковых волн. Все три кривые сняты при произнесении слова «два». Первый диктор говорит четко: вначале идет участок 1, соответствующий звуку «д», потом участок (2) звука «в» и, наконец, участок (3) громкого звука «а».

Второй диктор произнес это слово более медленно. Медленнее, чем следовало бы, нижняя губа двигалась навстречу верхним зубам для произнесения звука «в». В результате между «д» и «в» появился короткий гласный звук, похожий на «э»: «дэва».

Неточное движение нижней губы третьего диктора привело к тому, что звука «в» так и не получилось. Кривая между «д» и «а» скорее похожа на звук «у». Если бы мы более внимательно слушали его, то услышали бы не «два», а «дуа». Но мы знали, что дикторы должны были сказать «два», а не «дэва» и не «дуа», поэтому эти неточности произнесения оставили без внимания и во всех трех случаях услышали «два». Мы можем пренебречь и еще большими искажениями речи, так как знаем словарный состав языка, грамматические правила, тему разговора, особенности говорящего человека, особенности помещения, в котором идет беседа, и многое, многое другое.

В этом и лежит главная сложность обучения машины пониманию речи. Чтобы поставить ее в равные с человеком условия, нужно вложить в ее память те же знания о языке и об окружающем мире, которые помогают человеку воспринимать устную речь. Такая задача современной науке не по плечу. Пока приходится рассчитывать на то, что машина будет понимать слова, не зная ни языка, ни жизни — только по виду осциллограмм.

А осциллограммы одного и того же слова сильно меняются в зависимости от того, кто говорит — мужчина, женщина или ребенок, Иванов, Петросын или Сидоренко, от того, как говорит — быстро или медленно, громко или шепотом, спокойно или нервничая, в каких условиях говорит — в поле или в шумном цехе, в концертном зале или в кабинете космического корабля. Одинаковую осциллограмму одного и того же

слова можно встретить не чаще, чем двух тигров с одинаковым рисунком полос на шкуре...

Вот в таких трудных условиях предстоит работать машине.

С чего начинать?

Такой вопрос сразу же встал и перед нами. К сожалению, все исследователи проблемы были вынуждены начинать с укрощения своих желаний. Очень скоро стало ясно, что пытаться научить машину распознавать речь без словарных ограничений пока рано, возможности современных машин для этого еще недостаточны. Многие лаборатории стали разрабатывать автоматы, узнающие лишь небольшое количество слов. Другие пытаются распознавать не слова целиком, а отдельные звуки, из которых состоит речь — фонемы. Третьи берут за основу элемент крупнее, чем фонема, и меньше, чем слово — слог. Трудно сказать, кто выбрал более короткий путь к цели. Фонемы привлекают количеством — их мало. В русском языке обычно различают 40—50 фонем. Но они очень неустойчивы: в обычной речи мы произносим их с большими искажениями: «Здрасте, Ван Ваньч...» Кроме того, трудно научить машину определять, где кончается одна фонема и начинается другая.

Слова искажаются не так сильно. Но их — огромное количество. Обычно мы используем в разговоре на общие темы 2—3 тысячи слов.

Слогов значительно меньше, чем слов. Кстати, сколько их в русском языке до последнего времени было неизвестно. Сотрудники Института математики в Новосибирске В. Н. Елкина и Л. С. Юдина с помощью электронной вычислительной машины установили, что разных русских слогов всего около 5 тысяч. Но обычно мы пользуемся гораздо меньшим их числом.

Но слоги все же не так устойчивы, как слова. Да и отделять один слог от другого в тексте тоже не так просто. Поэтому слогом занимаются главным образом японские конструкторы машин, тем более, что в японском языке насчитывается всего несколько сотен слогов.

Те, кто взял за основу фонемы, понимают трудность задачи, но заведомо идут на это. Ведь если машина будет надежно распознавать все фонемы, то проблема распознавания речи будет в основном решена. И они считают, что их путь к цели короче, пусть даже он лежит через пустыню, лишенную оазисов. Те же, кто занимается целыми словами, полагают, что их путь лучше: среди песчаных холмов-гипотез они надеются встретить желанные оазисы — промежуточные результаты. Ведь машины, распознающие даже 10—20 слов, нужны уже сейчас.

Что же дальше?

Итак, что распознавать: слово, слог или фонему — выбор сделан. Хотя у каждой группы ученых этот выбор свой. Но пока неясно — как распознавать. На что нужно обращать внимание? Что должна измерять аппаратура в речевом сигнале? Громкость? Длительность? Частоту? И с какой точностью?

Можно, конечно, попробовать использовать и то, и другое, и третье, причем каждую величину мерить с разной точностью. Но тут нас ждет тупик. Чтобы перепробовать вслепую все возможные варианты даже с помощью быстродействующих электронных машин, сотен лет будет мало. Значит, нужно сократить поле поиска.

На помощь пришла бионика. Нужно изучать слуховой анализатор человека, узнать, как человек воспринимает речевые сигналы. Если окажется, например, что ухо измеряет громкость неточно, то не нужно будет строить и аппаратуру для точного измерения громкости. Психоакустика даст ответ на вопрос о том, на что реагирует ухо — на частоту звука или на разность частот, на длительность или на разность длительности и т. д.

Создавая автомат, понимающий речь, мы пытаемся моделировать одну из сторон деятельности мозга. Ясно, что мозг сложен. Но, может быть, для распознавания речи используется незначительная доля мощности мозга. Насколько сложна та система, которую мы хотим моделировать?

Бионика должна дать ответ на эти и на многие другие важные вопросы. Опыты ленинградских ученых Л. А. Чистович, В. А. Кожевникова, Б. В. Богданова, москвича Н. А. Дубровского и других дали интересные результаты. Оказалось, например, что ухо — инструмент очень тонкий — при распознавании сигналов речи свои возможности использует далеко не полностью.

Точно так же мозг, эта супермашина, несбыточная мечта современных кибернетиков, ведет себя в некоторых случаях как очень примитивный автомат. Например, человеку дают прослушать и запомнить несколько разных по тембру звуков. Если этих звуков немного (до 5), человек узнает их безошибочно. Если же количество звуков увеличить до 7, слушатель начинает делать ошибки. И не потому, что разница между звуками уменьшилась. Нет. Берутся те же прежние 5 звуков и добавляют к ним еще 2 совершенно непохожих. Просто эта задача, совсем нетрудная для автомата, для мозга оказыва-

ется не по плечу. Однако рано радоваться. Будь мозг действительно так примитивно устроенным, он не справился бы с задачей восприятия огромного многообразия звуковых образов речи, музыки, шумов и т. д.

Может быть, мозгу удастся в этом море звуков выделять какие-то группы, близкие по определенным признакам? Эти группы он объединяет в группы второго уровня и так далее. Различные же небольшого числа групп на каждом этапе звуковой иерархии — задача уже несложная.

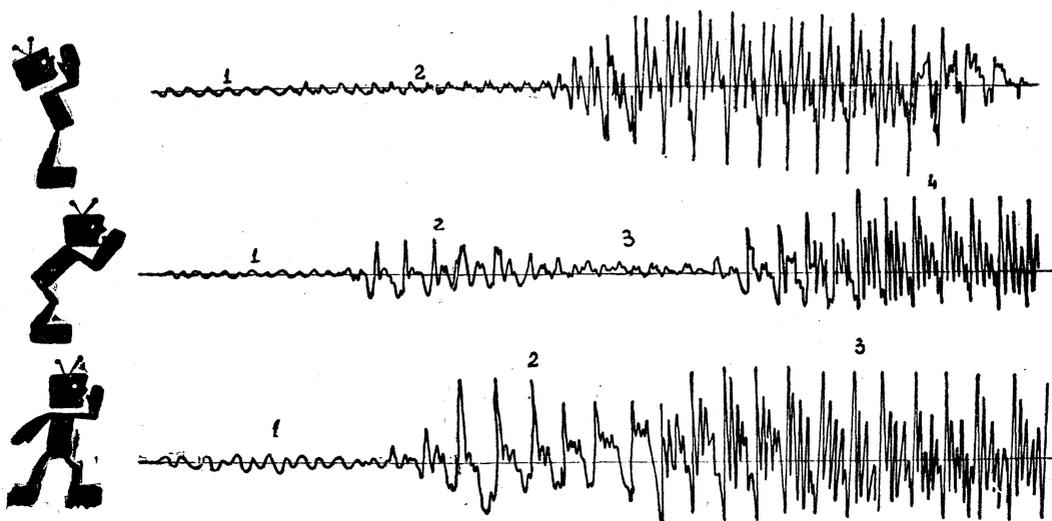
Деля звуки на группы и на иерархические уровни, мозг действует по принципу римских императоров: «разделяй и властвуй». Но работа его изучена еще очень слабо. И по поводу таких гипотез физиологи пока философски изрекают: «Все может быть».

Опираясь на психоакустические опыты, старейшина советских речевиков Л. А. Варшавский и его сотрудники предложили свой «полосный» метод распознавания звуков речи. Речевой сигнал, который содержит звуки разные по частоте (т. е. по высоте тона), как бы процеживается через гребенку электрических фильтров. Каждый фильтр пропускает через себя не все частоты, а только те, на которые он настроен: один фильтр хорошо «слышит» бас, другой — сопрано.

Человеческое ухо — это тоже целая гребенка фильтров, только в этой гребенке не 4—5 зубцов, а около 30 тысяч. Поэтому устройство Л. А. Варшавского моделирует ухо с очень сильно ухудшенной чувствительностью к частотам. Но для различения речи даже такая простая модель вполне пригодна.

Кроме деления по частотам, используют еще и другие признаки звуков, например, их громкость и длительность.

У тех, кто распознает слова, имеется больший выбор признаков. Они могут использовать все, что используется для фонем, и, кроме того, очень ценные данные о том, как изменяется речевой сигнал на протяжении слова. Для того чтобы отличить друг от друга некоторые слова, вовсе не нужно точно улавливать каждый звук

в них — достаточно знать общую структуру слова: его длину, число слогов, место ударения и т. д. Вы можете просто «просвистеть» или «прогудеть», например, слово «че-ты-ре» и слово «один» — и все равно слушатель поймет, где было «четыре» и где «один». Информация об отдельных фонемах и информация о структуре слова в целом, о динамике его развития дополняют друг друга и облегчают распознавание слов. Динамику слова изучают у нас в Институте математики в Новосибирске, в Киевском институте кибернетики и в других местах Советского Союза.

Поиск продолжается

Итак, теперь уже ясно, что распознавать, и ясно, какие признаки нужно использовать. Но пока неясно, что с этими признаками делать. Теория вероятности, теория статистических решений, теория множеств и другие новейшие направления математики дадут ответ на этот вопрос. Разработаны разные процедуры распознавания. Вот одна из них. Представьте себе, что вы плохо знаете учеников своего класса, но вас выбрали физоргом и нужно выяснить, кто в какой секции хочет заниматься.

Есть секции — футбольная, волейбольная, плавания и художественной гимнастики.

Берете список и читаете первую фамилию. Мальчик или девочка? Если мальчик, то спрашиваете: футбол, волейбол или плавание? — Футбол. Следующий. Девочка. Тут выбор между волейболом, художественной гимнастикой и плаванием. Плавание! И так до конца предложенного списка.

Так же поступают и со звуками, только «секций» здесь больше — столько же, сколько и звуков: 40—50.

На вход устройства поступает неизвестный звук. Первый блок определяет: гласный он или согласный. Пусть это был согласный. Второй блок дает ответ на вопрос: звонкий или глухой? Предположим — глухой. Следующий блок определяет — шипящий или нешипящий, потом — взрывной или невзрывной. Если звук согласный, глухой, шипящий и невзрывной, то остается сделать выбор между «секциями» «С», «Ш», «Щ» и «Ф». Такая расфасовка на все более мелкие группы делается до тех пор, пока не будет получен определенный ответ: это был звук «Ш». Такая процедура называется последовательной. Есть и параллельные процедуры: заранее в «памяти» устройства запасаются эталоны, т. е. перечень самых характерных признаков каждого звука. Пришедший неизвестный звук досконально обследуется (измеряются признаки) и затем делается сравнение его качеств со всеми эталонами. Среди эталонов находится такой, на который гость похож больше всего. Тогда принимается решение: это был звук такой-то.

Однако и у этого способа много еще неясных мест. Какие признаки звука и сколько признаков использовать для построения эталонов? Как быть, если разные эталоны оказываются очень похожими друг на друга? Как уменьшить в этом случае ошибку, не очень усложняя аппаратуру? Над всем этим работают наши математики и инженеры.

Ответы, пусть пока еще неполные, на вопрос: что, по каким признакам и как распознавать, уже есть. Что уже сделано? Есть ли машинки, понимающие речь, и как они работают? Есть такие машинки. Правда, часто это уменьшительное слово не совсем точно определяет предмет. Трудно называть «машинкой» шкафы, набитые электронной аппаратурой. Это настоящие машины, вид которых производит внушительное впечатление. Можно ли подойти и потолковать с одной из них? Давайте попытаемся. Подходим к микрофону и говорим: «Испуганная ворона взлетела на крышу». Бодро стучит пишущая машинка, подключенная к выходу распознающего устройства. На бумаге одна за другой появляются буквы: «и—и—е—ф—б—у—щ—у—г—а—а—н—м—а—й—а—э—в—з—о—а—р—о—у—о—м—а—а»... Нет, пожалуй, с таким собеседником не поговоришь: обычную слитную речь лучшие из них распознают с надежностью 50—60 процентов. Хорошо это или плохо? Не спешите говорить «плохо»: если бы человек не знал языка и смысла слов и фраз, то есть работал в тех же условиях, что и машина, то неизвестно, намного ли лучше бы он распознал поток фонем. Нельзя сказать, что все на этом пути исчерпано. Сторонники фонем не теряют надежд.

Электрические генераторы создают колебания различных частот. Смесь этих колебаний, поданная на громкоговоритель, звучит по-разному в зависимости от того, как скомбинированы звуки от различных генераторов. Задавая «программу» каждому генератору, можно заставить синтезатор речи произносить отдельные звуки, слова и даже фразы. Голос, правда, не очень радует слух, но то, что говорит машина, уже можно легко понять. Устройство, сделанное С. В. Голубцовым и В. И. Битюцким, может говорить и даже петь песни. Однако предварительное программирование такого «концерта» пока еще процедура очень трудоемкая.

А нельзя ли пойти другим путем? Сделать механическую модель речеобразующего тракта — легких, языка, губ, ротовой и носовой полости, голосовых связок — и управлять ими по тому же принципу, что и мозг: «включить голос, губы открыты, язык приблизить к верхним зубам»:

—з—з...

Можно. Просто не нашлось еще умельца, который бы взялся смастерить такую машинку. Нелегко это — сделать язык и губы. Зато управление таким синтезатором было бы гораздо проще, чем его электронным коллегой.

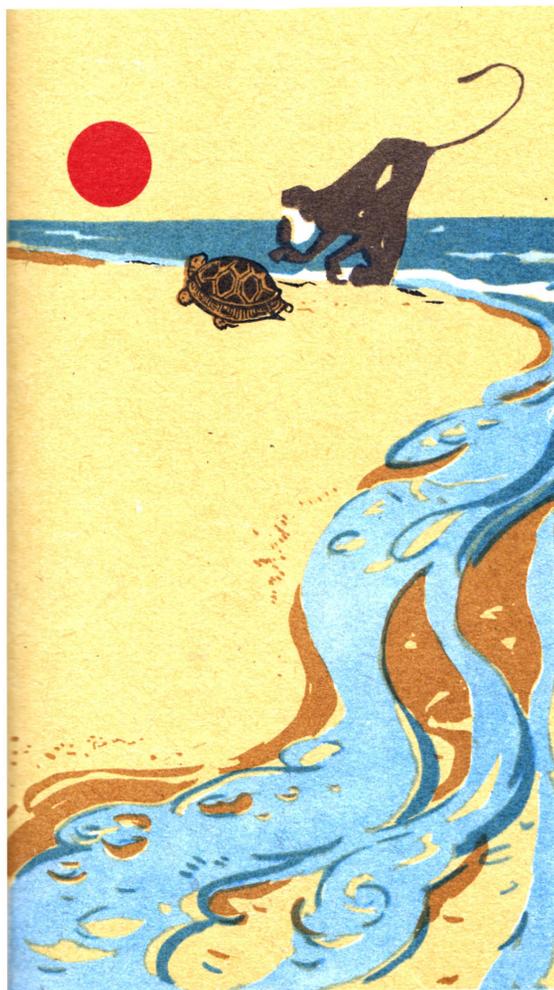
Будем надеяться, что найдется «Левша» и для этой «подковы».

Пройдет немного времени — может быть 10, а может и 5 лет, и вы сможете по телефону продиктовать задачу электронной вычислительной машине и услышать в трубке ее ответ, заказать автоматическому библиографу справку по интересующим вас книге, вопросу, продиктовать статью, заявив, что текст вам нужен в трех экземплярах, напечатанный через два интервала... Железные Джоны перестанут быть фантастикой.

Николай ЗАГОРУЙКО, кандидат технических наук, сотрудник Института математики Сибирского отделения Академии наук СССР

ГРАФИКА ВИТАЛИЯ ВОЛОВИЧА

Тот ошибается, кто думает, что книжки делать легко. Представьте себе на минуту, что вам предложили нарисовать картинку, ну хотя бы к сказке, в которой действие происходит в Чехословакии, да еще в XV веке...

Прежде чем вы возьмете в руки карандаш, вам очень многое нужно узнать, начиная с самых простых вещей — как люди одевались в эту эпоху и в этой стране, какое у них было оружие, как выглядели дома, какой формы были стулья, какие прически...

Надо верно почувствовать обстановку и атмосферу, в которой жили герои сказки. Еще обязательно нужно знать искусство Чехословакии, особенно народное...

Это про чешскую сказку. Но если нужно иллюстрировать северную сказку или, скажем, восточную... Ведь там совсем по-другому! Вот художник прежде всего и садится за книги — читает, думает, делает эскизы. А лучше, хоть и не всегда это удается, поехать в ту страну, где происходит действие. И даже, если герои жили в XV веке, то все равно впечатления от природы, памятников культуры будят воображение, и оно очень живо рисует и давние времена, и тех людей...

Художник должен много путешествовать, много знать, много видеть.

Я побывал на Белом море и на Охотском, на Сахалине и в Прибалтике, в Китае и КНДР, в Средней Азии и Карелии, Чехословакии и ГДР... А сколько приходилось встречать интересных людей, сколько разных впечатлений, и какие неожиданные приключения бывали в пути! На Дальнем Востоке я даже в тайфун „Ненси“ попал. Пять суток при двенадцатибалльном шторме гоняло нас на небольшом тральщике по океану.

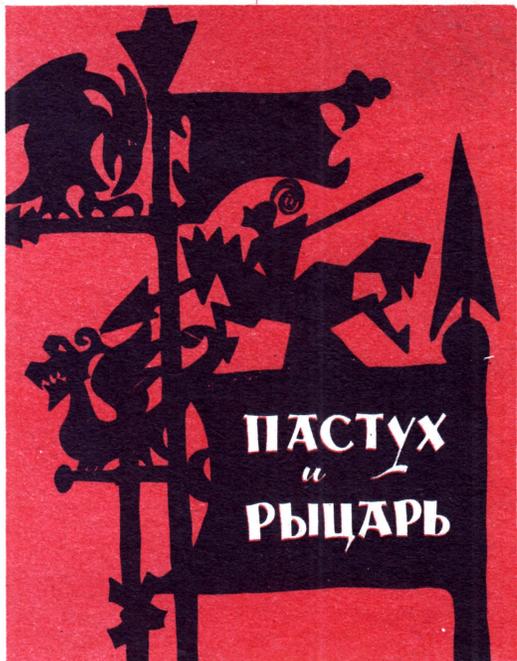
Но и библиотеки, и поездки — это только первый этап работы — подготовительный. Художник собирает материал, который пригодится ему во время работы над книгой.

А потом начинается самое трудное. Надо очень точно понять мысли и идеи автора, определить к ним свое отношение и найти решение, которое кажется тебе самым интересным... И цвет, и композиция, и рисунок — все использует художник, чтобы помочь читателю понять и полюбить мир, созданный писателем.

А это трудно, да еще как! Проходят долгие месяцы, а иногда и годы, растет в углу мастерской гора неудавшихся, выброшенных эскизов, пока, наконец, художнику начинает казаться, что он находит нужное решение. А иногда так и не сделаешь того, что хочешь, не хватает умения, и снова работа, работа — все начинается с начала.

Зато как здорово, когда работа получается! Впрочем, это знает каждый, кто относится к своему делу творчески.

**Китайская народная сказка
„Обезьяна и черепаха“.**

**Чешская народная сказка
„Пастух и рыцарь“.**

Ненецкая народная сказка
„Побежденный кит“.

Охотники за сказками.

С. СЛЕПЫНИН

Рисунки Ю. Ефимова

Фантастическая повесть

Я приоткрыл один глаз и увидел забавную сцену. На светящемся экране — сердитое лицо моего друга. Его густые брови грозно хмурились. Перед экраном, облитый призрачным светом, стоял Гок и однообразно гнусавил:

— Он спит всего три часа. Не стану его будить.

— Молчи, дурак! — кричал Сэнди-Ски. — Он срочно нужен.

— Но поймите, он вернулся из межпланетного полета...

— Болван, железная погремушка, ты еще учишь меня вздумал!

Рассмеявшись, я вскочил, подбежал к экрану и оттолкнул Гока. Тот отлетел в сторону, едва удержав равновесие.

— Так его, хама, — злорадствовал Сэнди-Ски. — Эо, Тонри!

— Эо! В чем дело?

— Ты разве не знаешь? Сейчас загорится огонь над Шаровым Дворцом Знаний. Я жду тебя там.

Огонь над Дворцом Знаний означал, что там идет Всепланетный Круг ученых, обсуждающих какую-нибудь важную проблему.

«Почему Нанди-Нан ничего не сказал о Круге? — думал я. — Видимо, хотел, чтобы я хорошо отдохнул».

Я быстро оделся и выскочил на улицу.

Через час я был в Зурганоре и делал круги над Шаровым Дворцом, стараясь найти свободное место для гелиоплана. Шаровой Дворец — своеобразное здание. Это гигантский сиреневый шар, находящийся на большой высоте. Создавалось впечатление, что шар ничем не связан с планетой, свободно парит над столицей Зурганы, купаясь в синеве неба. На самом деле он был неподвижен

и стоял на очень высоких и совершенно прозрачных стеклосонных колоннах.

Я посадил гелиоплан на свободную площадку. Возле одной из колонн меня ждал Сэнди-Ски.

— Какие вопросы обсуждаются на Круге? — спросил я его.

— Ты даже этого не знаешь? — засмеялся он. — Ты совсем одичал за время своих межпланетных странствий. Вопрос один — генеральное наступление на пустыню. Пойдем скорее, мы и так опоздали.

На прозрачном эскалаторе мы поднялись на головокружительную высоту и встали на площадке перед входом в шар. Отсюда, с высоты полета гелиоплана, была видна вся столица Зурганы. Мы вошли внутрь, в гигантский круглый зал. Он напоминал сейчас огромную чашу, наполненную цветами, — так праздничны были одежды присутствующих.

В центре чаши, на возвышении, образуя круг, расположились арханы — самые выдающиеся ученые. Поэтому высший совет ученых планеты так и назывался Кругом арханов.

Мы с Сэнди-Ски прошли в свой сектор — астронавтики и уселись на свободные места. Здесь были знакомые мне астрофизики, астробиологи, планетологи, пилоты.

— Имеется два основных проекта освоения Великой Экваториальной пустыни, — услышал я голос одного из арханов. — Первый проект вы сейчас увидите.

Погас свет. Огромный полупрозрачный светло-сиреневый купол зала стал темнеть, приняв темно-фиолетовый цвет ночного неба. На нем зажглись искусственные звезды.

И вдруг в темноте, в центре зала, возник большой полосатый шар-макет нашей планеты.

Это был изумительный макет Зурганы —

¹ Начало см. в № 1, 1966 г.

в точности такой планеты, которую я не раз видел в космосе со своего планетолета. На полюсах — зеленые шапки с правильными линиями гелиодорог и аллей, с квадратами и овалами парков и водоемов. Зеленые шапки-оазисы отделялись от пустыни узкими серовато-бурыми полосами. Здесь желтая трава и безлистый кустарник отчаянно боролись с песками и жаром пустыни. Три четверти Зурганы занимал широкий желтый пояс Великой Экваториальной пустыни. Безжизненный край, край песчаных бурь и смерчей. А вот и транспланетная магистраль, для которой я недавно доставлял редкие металлы. Правда, здесь, на макете, она была изображена уже готовой. Прямыкая к магистрали, протянулись с севера на юг полосы зеленых насаждений. «Дорога-оазис», — вспоминались мне слова Данго-Дана. По меридиану, параллельно первой магистрали, появилась вторая, третья... Десятка два магистралей-оазисов. Они соединялись темными лентами гелиодорог — солнечной энергии на экваторе хоть отбавляй. В пустыне появились сверкающие квадраты водоемов, первые города. И вот уже вся планета стала расчерченной аллеями, гелиодорогами и каналами. Она напоминала гигантский чертеж. У меня вызвала досаду эта математическая безукоризненность.

Сэнди-Ски сердито хмурил брови.

— Нравится? — спросил я.

— Чертова скука, — ответил он.

Такое же мнение, хотя и не так энергично, высказывали многие участники Круга, когда в зале снова вспыхнул свет.

— Что мы сейчас видели? Бедную, израненную планету! — с горечью воскликнул Рут-Стренг из сектора биологии. — Планету, изрезанную на куски аллеями, истощенную гелиодорогами. Человек на такой планете окончательно оторвется от природы, породившей его. Нет, с таким проектом согласиться нельзя.

Рут-Стренг ушел с трибуны под одобрителный гул зала. На трибуне появился архан Грон-Гро — высокий, еще сравнительно молодой человек. Он поднял обе руки, призывая к тишине.

— Еще в эпоху классового разобщения и вражды полюсов, — начал он, — высказывалась правильная мысль о том, что человек не может быть по-настоящему свободным, радостным и духовно богатым, если он смотрит на природу чисто утилитарно, потребительски. Переделывая мир, человек соответственно переделывает и себя. Вот почему мы должны бережно относиться к природе как к источнику радости и эстетической ценности. Автор проекта не очень оригинален. Он просто распространил на всю планету то, что имеется сейчас на полюсах. Но уже давно сложилось мнение, что цивилизация наша приобретает неверный, слишком утилитарный, слишком технический характер. Мне по душе другой проект, который вы сейчас увидите.

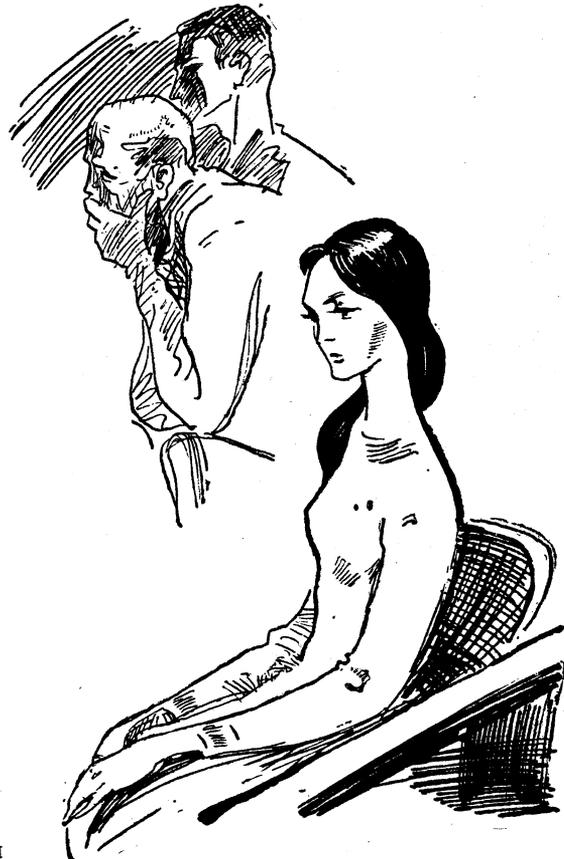
В зале снова погас свет. И снова в космическом пространстве, искусно созданном инженерами-оптиками, медленно закружился огромный полосатый шар Зурганы. По меридианам пролегли транспланетные магистралей-оазисы. Они так же, как и в первом проекте, соединились лентами гелиодорог с поселками

по обе стороны. Но вместо аллей, геометрически правильных водоемов и каналов, на планете зазеленели огромные массивы возрожденных древних лесов. Это были настоящие джунгли, края непуганых птиц и зверей, запovedные места с крутыми горами, с извилистыми реками, звенящими водопадами. Мир предстал перед нами могучим, непостижимо разнообразным.

— Вот это я понимаю! — восторгался Сэнди-Ски, — то, что надо здоровому человеку. Согласен?

— Да, согласен... — пробормотал я. Мне было сейчас не до разговора. Слово заговоренный, я смотрел в соседний, гуманитарный сектор. Там сидела девушка. Я видел четкий, прекрасный профиль, густую волну темных волос, чуть скрывавших загорелую, словно отлитую из бронзы, стройную шею. Это была типичная представительница расы шеронов, расы, которая всегда боготворила женскую красоту. Но не ее красота поразила меня, я встречал и не менее привлекательных девушек. Но ни одна из них не взволновала меня. Но эта!.. Нет, положительно я не мог оторвать от нее взгляда. Это девушка была не просто красивой. Лицо ее — музыка, запечатленная в человеческих чертах.

Девушка, словно почувствовав пристальный взгляд, повернулась в мою сторону, и на ее лице скользнула грустно-ироническая улыбка.

Я отвернулся и стал смотреть на трибуну, стараясь выкинуть в смысл выступлений.

— Человек должен взаимодействовать с естественной средой обитания на условиях, адекватных его гуманистической сущности, — говорил один из рядовых членов Круга. Выражался он слишком мудро. Видимо, такой же новичок на Круге, как и мы с Сэнди-Ски.

В противоположность ему речь архана Нанди-Нана, выступившего следующим, отличалась простотой и образностью.

— Второй проект не лишен частных недостатков, но в целом он мудр и дальновиден. Автор его правильно подчеркивает, что живая, первозданная природа, в лоне которой появился человек, необходима нам, как воздух. С детства человек испытывает ее благотворное влияние. Ребенок, изумленно уставившийся на жука, ползущего по зеленой качающейся травинке, приобщается к природе, находит в ней что-то бесконечно ценное и доброе. Природа в большей степени, чем искусство, формирует гуманиста.

— Мы овладели ядерной энергией, — продолжал Нанди-Нан, — наши ученые проникли в тайну самой могущественной энергии — энергии всемирного тяготения. И я считаю позором, что столь высокая цивилизация до сих пор терпит у себя на планете громадный безжизненный край раскаленных песков. Правда, наша планета не так густо населена. Но это может служить отчасти объяснением, но никак не оправданием.

Мне всегда нравился Нанди-Нан, и взгляды его я полностью разделял. Стройный, сухощавый, он стоял на трибуне и говорил вдохновенно и темпераментно. Но слушал его я сейчас невнимательно. Мои мысли были заняты незнакомкой из гуманитарного сектора, и я снова то и дело поглядывал в ее сторону. В это время она повернулась к соседке и что-то зашептала ей, слегка жестикулируя руками. Меня поразила естественная грация ее движений, высокая культура каждого жеста, свойственная нашим знаменитым танцовщицам. Но кто она? — гадал я. — Может быть, танцовщица? Или поэтесса?

Я словно сквозь сон слышал разгоревшиеся споры, гул голосов в зале. И вдруг наступила тишина. Я невольно взглянул на трибуну. На ее возвышение не спеша поднимался архан Вир-Виан — выдающийся ученый и тонкий экспериментатор, личность почти легендарная. Он был из тех немногих шеронов, которые высокомерно, неприязненно относились к новому, гармоничному строю, установившемуся на всей планете.

Выступал Вир-Виан очень редко. Большею частью он молчал, угрюмо и отчужденно глядя в зал. Его редкие и короткие выступления выслушивались обычно в глубокой тишине, ибо он всегда поражал неожиданностью своих научных и философских концепций. Но на этот раз он выступил с большой и программной речью. Изложить сегодня ту речь не успею. На наших корабельных часах вечер, и фарсаны уже собрались в кают-компанию, дожидаясь меня. К тому же сильно разболелось плечо. Ушиб я его при обстоятельствах, которые нарушили мой сон и чуть не привели к гибели всего корабля. Об этом стоит упомянуть, но уже после того, как опишу свой сон.

Пусть не думает мой неведомый читатель, что моя жизнь на корабле — это приятная оргия воображения, этакое сладостное погружение в мир воспоминаний. Ничего подобного! Я ни на минуту не забывал о фарсанах. Раздраемый мучительными сомнениями, приглядывал к Тари-Тау. Кто он? Фарсан или человек?

Вчера ни строчки не записал в своем дневнике. Весь день вместе с фарсанами проверял все системы звездолета, приводил в порядок корабельное хозяйство. Но об этом потом. Сначала о программной речи Вир-Виана, которая объяснит социально-философские предпосылки появления фарсанов...

Итак, в зале царил непривычная тишина. На трибуне — Вир-Виан. Как все шероны, он был высок и строен. Его лицо нельзя было назвать красивым в обыденном понимании этого слова. Мощно вылепленное, оно было грубым, но патетично вдохновенным и поражаало своей духовной силой.

— Общественный труд, борьба за существование и природа — вот три фактора, сформировавшие человека, — начал Вир-Виан своим звучным голосом. — Здесь правильно говорили о том, что для гармоничного воспитания человека необходима живая, первозданная природа, развивающаяся по своим внутренним законам, а не природа вытуженная, математически расчерченная. Но спасет ли человечество от биологического и духовного вырождения одна природа?

Нет, не спасет! Как ни важна природа, но она фактор второстепенный. На ваших лицах я вижу удивление, о каком вырождении я говорю.

И Вир-Виан перечислил признаки начавшегося, по его мнению, биологического и духовного угасания. Он представил перед нашими изумленными взорами карикатурно искаженный образ современного человека — с механизированными и нивелированными чувствами, неспособного к психологическим нюансам и сложному мышлению. Процесс вырождения особенно нагляден, по его мнению, в искусстве, которое является духовным зеркалом человечества.

— Почему, — спрашивал он, — нынешний человек отвергает великолепную поэзию прошлых веков, монументальное искусство шеронов — искусство тонких интеллектуальных раздумий и переживаний? Да потому, что человек перестает понимать его. Оно, дескать, устарело. И начинаются поиски какого-то современного стиля, рассчитанного на стандартизацию человеческих чувств.

— На наших глазах, — говорил Вир-Виан, повышая голос, — происходит необратимый процесс машинизации человека и очеловечения машины, процесс тем более опасный и коварный, что он происходит постепенно и незаметно.

Вир-Виан нарисовал перед нами мрачную картину грядущего упадка. Человек постепенно упрощается, его духовный мир в будущем

царстве покоя и сытости стандартизируется. Между тем ученые, работая по инерции, будут еще некоторое время обеспечивать научно-технический прогресс, темпы которого станут все более и более замедляться. Появятся совершеннейшие кибернетические устройства. Со временем эти умные машины превзойдут человека с его упрощенным духовным миром. Они возьмут на себя не только черновую, утилитарный умственный труд человека, но и отчасти труд творческий. Однако процесс совершенствования кибернетической аппаратуры не будет бесконечным. Даже самых выдающихся ученых грядущего затянет неуправляемый поток всеобщей деградации. Ученые сами попадут в духовное рабство к машинам. Кибернетические устройства, не руководимые человеком, будут повторять одни и те же мыслительные и производственные операции, обеспечивая человечеству изобилие материальных и даже так называемых духовных благ. Наступит царство застоа.

— Духовная жизнь на Зургане замрет, — говорил Вир-Виан. — Научно-технический прогресс прекратится...

— Чепуха! — раздался в тишине чей-то звонкий голос. Поднялся невообразимый шум. Все старались перекричать друг друга. Сэнди-Ски что-то сказал мне, но я не расслышал. Вир-Виан, сумрачно усмехаясь, смотрел на расшумевшихся людей с ироническим любопытством.

Вдруг в секторе ядерной физики поднялся, удивив всех огромным ростом, худой и лысый шерон. Он был так же стар, как и Вир-Виан, и помнил, наверное, эпоху господства своей расы. Громовым голосом, неожиданным для его тощего тела, он прокричал:

— Дайте человеку выступить. Вир-Виан говорит жестокую правду.

Его поддержал другой шерон — помоложе, из сектора биологии.

Наконец все успокоились. Снова наступила тишина.

— Не думайте, что я предсказываю царство омерзительного вырождения, царство обжорства и разврата, — спокойно продолжал Вир-Виан. — Нет. Это будет в общем-то сносный век. Но век изнеженный и, в сущности, угасающий. Обесценинное человечество станет марионеткой в руках природы, не будет в состоянии бороться с неизбежными космическими катастрофами. Настанет час расплаты, час трагической гибели цивилизации.

Вир-Виан подробно объяснил одну, наиболее вероятную, по его мнению, причину космической гибели человечества. Всем известен, говорил он, эффект красного смещения. Свет от далеких галактик приходит к нам смещенным в красную сторону спектра. И чем дальше галактики, тем более смещенным приходит к нам свет. Объясняется это тем, что галактики расширяются от некоего центра, разлетаются с огромными скоростями. Мы живем в пульсирующей области бесконечной Вселенной. Мы живем в благоприятную для органической жизни эпоху «красного смещения», эпоху разлета галактик. Но в будущем, через десять-двадцать миллиардов лет эпоха «красного смещения» постепенно сменится эпохой «фиолетового смещения», эпохой все возрастающего сжатия галактик. Степень ультра-

фиолетовой радиации неизмеримо возрастет. Одно этого достаточно, чтобы испепелить, уничтожить органическую жизнь. Кроме того, сжатие галактик будет сопровождаться грандиозными космическими катастрофами.

— Человечество неизбежно погибнет в вихре враждебных космических сил! — воскликнул Вир-Виан, патетически потрясая обеими руками. — Не такова ли судьба других высоких цивилизаций, возникших задолго до нас? Я утверждаю, именно такова!.

Вселенная вечна и бесконечна, говорил он. В ней множество миров, населенных разумными существами. И естественно предположить, что рост всепланетного, а затем космического могущества мыслящих существ так же вечен и бесконечен.

— Но где же следы этой вечно растущей мощи разумных существ? — спрашивал он. — Где новые солнца, зажженные ими, где следы переустройства галактик? Нет их! Тысячи лет наблюдают астрономы Зурганы за звездами, на миллионы световых лет проникли они своим взглядом в глубь мироздания и нигде не обнаружили не малейших следов космической деятельности мыслящего духа.

— Почему? — спрашивал Вир-Виан. И отвечал: — Потому, что разум на других населенных планетах угасает, не успев разогреться во всю свою мощь. Носители разума становятся жалкими игрушками в руках враждебных космических сил. Весь блеск расцветающих цивилизаций, все достижения разума неизбежно гибнут, бесследно исчезают в огромном огненном водовороте Вселенной.

Я на минуту оторвался от созерцания могучей фигуры Вир-Виана и посмотрел вокруг. Все слушали внимательно. Многие новички, вроде нас с Сэнди-Ски, были захвачены речью Вир-Виана. Однако на лицах большинства присутствующих выражалось недоумение.

Нанди-Нан и некоторые другие арханы воспринимали социально-космические идеи своего коллеги со снисходительной улыбкой.

В гуманитарном секторе я, конечно, снова отыскал взглядом незнакомку, поразившую меня своей необычной красотой. И первое, что бросилось в глаза — сосредоточенность и грусть, с которой она слушала Вир-Виана. Легкий налет печали на ее лице, печали, несвойственной людям в наше время, еще больше подчеркивал одухотворенность и нешаблонность ее красоты. Но почему она так грустна?

— Знаешь кто это? — вдруг я услышал голос Сэнди-Ски.

— О ком ты говоришь, не понимаю.

Я повернулся к Сэнди-Ски и увидел в его глазах озорные, дружелюбно-насмешливые огоньки.

— Не притворяйся. Ведь я все вижу.

— Ну говори, если начал.

— Она работает в археологической партии на раскопках погибшего фарсанского города, недалеко от острова Астронавтов. Как и большинство, она имеет несколько специальностей: историк, археолог, палеонтолог и еще что-то в этом роде.

— А как ее имя?

— Аэнна-Виан, дочь Вир-Виана.

Вот оно что! Теперь мне стало понятно, почему она слушала речь с таким серьезным и чуть грустным вниманием.

Между тем Вир-Вин продолжал развивать свои космические взгляды. Представим себе, говорил он, некую воображаемую точку в космосе. С этой точки мы наблюдаем за бесконечной Вселенной бесконечно долгое время. И что мы увидим? Вот за многие миллиарды веков до нас возникла жизнь в разных уголках Вселенной. На отдельных планетах вспыхнули светильники разума. Разум на этих планетах выковывался и совершенствовался в борьбе и только в борьбе. Сначала в звериной, ожесточенной борьбе за существование, в борьбе с голодом. Затем в борьбе различных племен и общественных групп. И, наконец, в борьбе за полное изобилие благ. Цивилизация на тех далеких во времени планетах достигла, наконец, такого же сравнительно высокого уровня, как сейчас на нашей Зургане. Разумные обитатели этих планет, объединившись, достигнув изобилия, встали на наш шаблонный путь развития. Ибо этот исторический путь, казалось бы, самый естественный, легко напрашивающийся и логичный — путь всеобщего равенства, дружбы, космического братства. Но это ошибочный путь — путь отказа от всякой борьбы. Правда, оставался еще один вид борьбы — борьбы с природой в планетарном масштабе. На одних планетах это было освоение жарких пустынь, как у нас, на других — борьба с холодом и льдами. Наконец, всякая борьба прекратилась. Разумным существам осталось только довольствоваться плодами своих прежних побед. Наступает царство застоя. Научно-технические достижения, явившиеся результатом предыдущей борьбы, открыли возможность межзвездных сообщений. Но для чего использовали эту возможность жители тех планет, вставшие на наш шаблонный и ошибочный путь развития? Для поисков новых и более грандиозных форм борьбы, чтобы предотвратить застой и вырождение? Нет! Они стали летать друг к другу с дружественными целями, для удовлетворения научной любознательности. Но эта любознательность со временем увянет, ибо она не воодушевляется никакой необходимостью.

Таким образом, даже межзвездные сообщения не спасут от застоя и вырождения. В таком состоянии постепенного угасания разумные обитатели многочисленных планет того неизмеримо далекого времени пребывали миллионы лет. Достигнув полного благополучия, они уже не стремились ни к чему, просто наслаждались, нежились в лучах собственных солнц — естественных или даже искусственно созданных ими. Но Вселенная не может все время находиться в метафизически-неподвижном, устойчивом состоянии. Вот мы видим со своей воображаемой точки, как стали намечаться качественные изменения, гигантские превращения одних форм материи и энергии в другие. Гибли целые галактики, возникали новые. Древние, но изнеженные цивилизации,

эти крохотные водоворотники жизни бесследно исчезали в огромном потоке рушащихся миров и галактик...

Вир-Вин на минуту умолк, оглядел зал и с удовлетворением увидел внимательные лица.

— Но вот Вселенная снова пришла в относительно устойчивое состояние, — продолжал он, — и снова в разных ее уголках вспыхнули огоньки разума, колеблемые ледяным ветром безграничных пространств. Но и эти огоньки погасли по тем же причинам. И так повторялось бесчисленное множество раз. Вот почему мыслящий дух ни на одной из планет не смог добиться вечного существования, вечного и бесконечного роста и могущества. Вот почему ученые Зурганы, проникнув взором в неизмеримые дали Вселенной, обнаружили ни малейших следов гигантской космической деятельности творческого разума...

— И я с полной уверенностью утверждаю, — раздавался в тишине громкий голос Вир-Вина, — что и наша Зургана будет принадлежать к тому же бесчисленному сонму погибших миров. Можем ли мы допустить это? Нет, надо бороться. Перед нами, зурганями, стоит великая космическая цель: не дать погибнуть разуму на нашей планете, как бы

далека ни была эта гибель. А для этого, не в пример погибшим цивилизациям, мы должны возвеличить мыслящий дух, сделать разум равновеликим космосу, способным успешно бороться с его гигантскими враждебными силами. Что нужно для этого? Борьба и господство. Борьба — враг застоя и вырождения! Господство — условие высшей культуры!

Кто-то звонко рассмеялся. В зале зашумели. Вир-Виан поднял руку. На его губах играла сумрачная и высокомерная усмешка. Когда немного стихло, Вир-Виан опустил руку и сказал:

— Я знал, что слова «борьба и господство» вызовут у вас ироническую реакцию. Вы, может быть, думаете, что я призываю к возрождению иерархического строя шеронов? Нет! Шеронат рухнул на моих глазах, когда я был еще подростком. Он погиб закономерно и безвозвратно. Но он сыграл великую прогрессивную роль в планетарном масштабе, создав на Зургане самую высокую духовную культуру. Чем обусловлен невиданный взлет шеронской культуры? Борьбой и господством. Стоит подумать, и вы поймете, что борьба и господство всегда были наивысшим законом прогресса. Вспомните хотя бы некоторые биологические законы. Когда древние животные поднимались на ступеньку выше на великой эволюционной лестнице, когда они делали шаг на победном пути к человеческой мудрости? Быть может, в спокойные эволюционные периоды их жизни? Нет! В такие периоды животные вырождались, в их клетках накапливались деградирующие признаки. И наоборот. В кризисные, революционные моменты жизни, когда в борьбе за существование требовалось проявить максимум физических и психических усилий, животные обретали свои лучшие боевые качества — силу и хитрость, ловкость и сообразительность. В клетках организма происходили благоприятные мутации, которые, накапливаясь, передавались потомству. Таков объективный закон природы, и он относится не только к животным, но и к человеку и ко всему человеческому обществу. Я вам напомню одну древнюю, но мудрую шеронскую легенду. Очень давно, говорится в легенде, когда на Зургане еще не было человека, бог предложил двум животным существам на выбор — с одной стороны, сытую и спокойную жизнь, а с другой — стремление к ней. Более проворное животное схватило сытую жизнь и убежало с ней в лес. Оно так и осталось животным. Другому досталось стремление к благополучию и сытости. И это животное существо со временем неизбежно стало мыслящим существом — человеком.

И вот сейчас, накануне межзвездных сообщений, вы предлагаете человечеству — сытую жизнь и космическое братство. Я с негодованием отвергаю это розовое благополучие — без потрясений и борьбы. Взамен я предлагаю стремление к высокой цели. Вечное и безраздельное торжество духа над материей — вот эта цель. В конечном счете она, может быть, и недостижима. Но ведь в данном случае важна не сама цель, а стремление к ней, стремление, которое неизбежно предлагает борьбу и господство во вселенском масштабе.

Мы сейчас на пороге межзвездных сооб-

щений. За первым кораблем уйдут в космос, к другим планетам новые, более совершенные. И мы должны использовать эту возможность для борьбы и господства на новом, космическом этапе. Все жители Зурганы станут космическими шеронами, то есть господами во вселенском масштабе и творцами гигантских духовных ценностей. Все населенные планеты космоса — сначала ближние, а затем и дальние — должны быть завоеваны нами. Но мы не будем истреблять жителей покоренных планет или обращать в физическое рабство. Нет, пусть завоеванные цивилизации развиваются, но под нашим руководством. Это даст возможность нашему человечеству избежать биологического и духовного угасания. Ведь само ощущение власти над другими цивилизациями приобретает эстетическую ценность, станет условием воспитания сильных и гармоничных чувств. Кроме того, каждая, даже не очень развитая цивилизация обладает неведомыми научными и техническими достижениями. И мы можем все научные открытия и технические идеи собирать, накапливать здесь, на Зургане, в памятных машинах. Но Зургана не должно быть простым хранилищем научной информации Вселенной. Нет, ученые Зурганы будут обобщать, синтезировать эту информацию, создавая новые науки, которые сделают нас еще более могущественными. В результате Зургана сможет успешно бороться с цивилизациями, достигшими самого высокого уровня развития. Это будет апофеоз космической борьбы. Вселенная станет содрогаться от грома сталкивающихся небесных тел, озаряться вспышками взрывающихся звезд и целых галактик. Это великолепная борьба, стремление к высшему господству предотвратят застой, биологическое и духовное угасание. В буре и грохоте космической борьбы будет выковываться воля и совершенствоваться мощный разум зурган-шеронов, разум, равновеликий Вселенной. Зургане соберут из удаленных уголков Вселенной новую научно-техническую информацию. Творчески обобщенная, она сделает нас еще более могучими и сильными в дальнейшей борьбе. Зургане покорят новые и самые высокоразвитые планеты, приблизятся к сферам отдаленнейших солнц...

Так будет побеждена извечная жестокость космоса, и светоч разума не погаснет никогда! Факел разума на Зургане будет пылать на всю Вселенную, озаряя космическую ночь, согревая своим теплом не только нас, но и другие, подчиненные цивилизации, предохраняя их от гибели. В этом я вижу величие и космоцентризм человека Зурганы. Некогда зыбкий мыслящий дух станет могучим, будет создавать новые миры и галактики, управлять Вселенной, увековечив свое торжество над гигантскими стихийными силами. А Зургана, наша родная планета, станет столицей космоса, планетой...

— Планетой-диктатором, — насмешливо подсказал один из арханов.

— Согласен с моим ироническим оппонентом, — усмехнулся Вир-Виан. — Но повторяю: диктатура не самоцель, а необходимая средство для достижения грандиозной и благородной цели. Эта цель — сохранить жизнь от враждебных космических сил, возвеличить разум, увековечить торжество мыслящего духа

над косной материей. Да, наша Зургана станет столицей космоса и солнцем разума всей Вселенной!

На этом Вир-Виан закончил свою речь и стал медленно сходить с трибуны, всем своим величественным видом выражая презрение к людям, которые не хотят понять его.

— Хау! — закричал вдруг тощий лысый шерон из сектора ядерной физики.

— Хау! — поддержал его еще один шерон.

Этим восклицанием у нас, на Зургане, выражается высшее одобрение. Но этих двух шеронов никто больше не поддержал. Напротив, послышались неодобрительные возгласы, все зашумели.

Нанди-Нан, взойдя на трибуну, поднял руку и долго успокаивал расхопившихся участников Всепланетного Круга ученых. Когда настала тишина, он выразил сожаление, что один из выдающихся ученых Зурганы так жестоко ошибается в своих взглядах, в прогнозах на будущее. Только на основе дружбы и сотрудничества с разумными обитателями других миров, сказал Нанди-Нан, можно победить враждебные силы космоса. Эту же мысль высказывали и другие участники Круга.

Обсуждение проектов освоения Великой Экваториальной пустыни под влиянием речи Вир-Виана отклонилось в сторону. Многие выступающие, сказав несколько слов по поводу проектов, начинали возражать Вир-Виану и забирались в непроторенные дебри космической философии.

Всепланетный Круг ученых затянулся, и все начали чувствовать усталость. Наконец, открылись двери и заработали радиально расположенные эскалаторы. По ним люди спускались вниз. Эскалаторы напоминали сейчас многоцветные, шумные, веселые водопады. В этом людском потоке я потерял из виду Аэину-Виан.

Когда мы очутились внизу, под огромным голубым шаром Дворца, Сэнди-Ски сказал: — Иди через некоторое время в аллею гелиодендронов, там найдешь меня.

И затерялся в толпе. Меня удивило загадочное поведение друга.

Ослепительный диск солнца только что скрылся за горизонтом. Наступила самая чудесная пора на Зургане — вечер с приятным для глаз полусумраком, с ласкающей прохладой.

Люди не расходились по домам, и дискуссия, начатая там, в Шаровом Дворце, не прекращалась. В сущности, Всепланетный Круг послужил лишь началом обсуждения, и споры, словно выплеснувшись из сиреневого шара, растекались по многочисленным аллеям и паркам, прилегающим ко дворцу.

Дискуссии разгорелись в этот вечер и в каждом доме, в узком семейном кругу, перед экраном всепланетной связи. Проблемы, затронутые учеными, обсуждала вся планета. Через несколько дней от населения начнут поступать предложения, и комиссия Всепланетного Круга, проанализировав и обобщив их, выработает единое мнение планеты по обсуждаемому вопросу.

Я свернул в парк электродендронов. Здесь было особенно многолюдно. Парк привлекал людей свежим, бодрящим воздухом. Широкие

и плотные листья электродендронов весь день поглощали лучистую энергию могучего солнца. А сейчас, с наступлением темноты, деревья выделяли избыток энергии в виде электрических разрядов. То и дело раздавался сухой треск, вспыхивали, на миг озаряя густеющие сумерки, короткие молнии. Листья вели между собой электрическую перестрелку, озонируя воздух.

Люди шли группами, смеясь и оживленно беседуя. Один я брел в одиночестве, невольно выслушивая обрывки фраз.

Некоторое время я шел рядом с компанией очень веселых молодых людей, видимо, впервые присутствовавших на Круге.

— Вир-Виян неправ, — услышал я голос какого-то юнца. — Наступление на Экваториальную пустыню — это лишь начало космической борьбы с природой. И в этой борьбе человечество не изнежитися, не захиреет.

— Вир-Виян хороший ученый, но плохой философ, — смеясь, сказал невысокий молодой человек.

— Банальный афоризм, — серьезно возразила ему девушка. — Я бы сказала о Вир-Вияне иначе...

Но что она сказала о Вир-Вияне, я так и не услышал. Молодые люди зашли в ажурную беседку и уселись за круглый стол, на котором в прозрачных сосудах искрились напитки, стояла еда. Многие, проголодавшись, следовали их примеру. Споры в беседках начинались с новой силой. Таким образом, вечер и начало ночи после Круга само собой превратились в своеобразный праздник-дискуссию.

В аллее гелиодендронов, куда я зашел в надежде отыскать таинственно исчезнувшего Сэнди-Ски, стояла лирическая тишина.

Высокие и густые деревья накопившуюся за день энергию выделяли бесшумно — свечением. К ночи крупные цветы гелиодендронов раскрылись и светились, как голубые фонари, привлекая ночных опыляющих насекомых.

Здесь было совсем мало народу. Голубые и тихие сумерки аллеи стали убежищем влюбленных.

Я почувствовал себя совсем одиноким и уже начал сердиться на Сэнди-Ски, как вдруг из-за поворота, в голубом сумеречном сиянии, показалась его крупная фигура. Он разговаривал с какой-то девушкой. Неуловимое изящество походки, отточенная и в то же время естественная грация жестов и движений... Да это же Аэнна! Теперь я начал понимать причину загадочного поведения Сэнди-Ски: он хотел «случайно» познакомиться меня с Аэнной.

— Эо, Тонри! — воскликнул он с таким видом, как будто видел меня сегодня впервые. И с деланным удивлением спросил: — Ты почему один?

Обратившись к Аэнне, он шутливо-торжественным тоном сказал:

— Да будет тебе известно, Аэнна, это Тонри-Ро — начальник нашей экспедиции, первый разведчик Вселенной, первооткрыватель звездных миров.

— Можно не представлять, — рассмеялась она и в тон Сэнди-Ски шутливо продолжала: — Австронавты настолько популярны сейчас, что их все знают. Это не то, что мы, историки, археологи и люди прочих незаметных, сереньких профессий.

В присутствии друга я чувствовал себя легко и свободно. Мы вошли в потрескивающий разрядами парк электродендронов и заняли свободный стол в беседке.

Выпив немного искрящегося напитка, Сэнди-Ски неожиданно вскочил и, не удержавшись от ругательства, сказал:

— Черт побери! Я и забыл, что мне надо обязательно встретиться с Нанди-Наном. Извините меня.

И он ушел, оставив нас с Аэнной. Взглянув друг на друга, мы рассмеялись над неуклюжей хитростью Сэнди-Ски: он явно хотел оставить нас вдвоем.

Вверху, прямо над нами, с колючим треском вспыхнула молния электроразряда. В ее мгновенном, но ярком свете я впервые разглядел глаза Аэнны-Виян: темно-синие, как утренний океан, глубокие, как горные озера. Ее густые волосы, освещаемые сзади многочисленными крохотными молниями электроразрядов, казались усыпанными танцующей звездной пылью. Аэнна была до того неправдоподобно красива, что меня охватили непривычные чувства робости и смущения. Наступило неловкое молчание. Первой нарушила его Аэнна.

— Как тебе понравилось выступление моего отца? — спросила она.

— Мне оно понравилось.

— Вот как! — ее брови взметнулись, как крылья вспугнутой птицы.

— Не ожидала. Значит, ты хотел бы стать астронавтом-завоевателем?

На ее серьезном лице скользнула уже знакомая мне улыбка — печальная и слегка ироническая.

— Нет, не то, — смутился я. — Мне понравилась поэтичность речи.

— Но это — форма выступления. Я согласна с тобой, он говорить умеет. Мой отец вообще, к сожалению, очень талантливый человек.

— Почему к сожалению? — удивился я.

— Ну об этом долго рассказывать. Моего отца по-настоящему мало кто знает, — медленно и с грустью проговорила Аэнна. Немного помолчав, она спросила:

— Как все-таки ты относишься к его выступлению? Я имею в виду, конечно, содержание, а не форму.

— У меня двойственное отношение.

— Двойственное? — снова удивилась она. — Какое может быть двойственное отношение к столь путанной, ошибочной философии?!

— Согласен: в речи твоего отца много путаницы и ошибок, — заговорил я свободно, отделившись, наконец, от чувства робости. — Но с другой стороны, она привлекает своим бунтарским характером. В ней звучит проповедь бунта мыслящего духа против враждебных сил космоса, стремление к построению цивилизации исполнинской и вечной...

— Ого, ты начинаешь усваивать стиль моего отца, — рассмеялась Аэнна. Затем спросила: — И что же нужно делать? Неужели для этого необходима борьба во вселенском масштабе, завоевание населенных планет, грабежи научно-технических достижений и, чтобы не выродиться, господство жителей Зурганы над всеми мыслящими обитателями космоса?

— Нет, конечно, — начал я. Но в это время Аэнна воскликнула:

— А вот и твой кумир идет! Посмотри.

В парке появился Вир-Виан в сопровождении нескольких шеронов. Среди них я увидел высокого лысого старика, который громко кричал на Круге «хау».

— Ты подожди меня, — сказала Аэнна вставая, — я на минуту подойду к отцу, спросу, когда мы будем возвращаться домой.

Вернувшись, Аэнна весело заговорила:

— А знаешь, ты пользуешься у моего отца большим успехом. Он хочет поближе познакомиться с начальником первой межзвездной экспедиции. Он дал мне понять, что было бы неплохо, если бы я пригласила тебя в наш дом. А ведь мой отец страшно горд и нелюдим.

Вир-Виан, беседуя с шеронами, остановился недалеко от нас. Шероны часто оборачивались и смотрели в нашу сторону. Один из них был до того стар, что его щеки обвисли и болтались, как салфетки.

— Пойдем отсюда в аллею гелиодендронов, — предложила Аэнна. — Друзья моего отца — не очень приятное зрелище.

В аллее гелиодендронов мы шли некоторое время молча, прислушиваясь к приятному дремотному гулу ночных насекомых, перелетающих с одного светящегося цветка на другой. На черном небе огненной росой сверкали звезды. Среди них выделялась ярким блеском Туанга — царица северного неба.

— Туанга! — задумчиво заговорила Аэнна. — Когда я смотрю на нее, мне кажется, что там, в немыслимой дали, живут на цветущей планете невыразимо прекрасные существа. Их разум сверкает подобно голубой звезде Туанге, словно вобравшей в себя весь свет мирового пространства. И никакие черные провалы космоса не затмят этот блеск, никакие вселенские катаклизмы не сокрушат могучую цивилизацию, вставшую на путь вечного совершенствования и развития. Со временем и наша Зургана станет такой же. И тогда две прекрасные цивилизации, разделенные огромным расстоянием, найдут друг друга, сольются, чтобы стать еще могущественней и прекрасней, чтобы в неизмеримых глубинах космоса искать себе подобных. И так без конца. Разум Вселенной будет разгораться все ярче и никогда не угаснет, не станет жалкой игрушкой в руках гигантских стихийных сил. Перед ним вечная борьба с природой, вечная и неутолимая жажда творчества и познания.

— Вот видишь, я тоже начала выражаться патетически, как и мой отец. Но я иначе, чем он, представляю развитие мирового мыслящего духа. Конечно, разумные обитатели отдельных планет, достигнув определенного и даже сравнительно высокого уровня развития, все же, вероятно, гибнут в потоке всеокрушающих враждебных сил космоса. И задача могучих цивилизаций не покорять их, не господствовать над ними, а помогать. Здесь я не согласна с моим отцом и его горячим единомышленником.

— С каким единомышленником? — спросил я. — Это с тем тощим и лысым шероном?

— Да нет же, я имею в виду тебя, — рассмеялась Аэнна. Но слова ее звучали скорее дружелюбно, чем насмешливо.

— Это же клевета Аэнна, — возразил я. — Идея агрессии, этого космического разбоя, у меня вызывает отвращение. К тому же я считаю, что величайшие достижения науки неотделимы от высшей гуманности. Покорение других планет, господство над ними вообще невозможны нигде и никогда. Само по себе освоение космоса предполагает такой высокий уровень сознания, который исключает все это.

— Ты так думаешь? А напрасно. То есть мысль вообще-то правильная, но не во всех случаях. Конечно, на подавляющем большинстве населенных планет общество разумных существ развивается в принципе таким же путем, как и у нас на Северном Полюсе. Развитие смутных эпох завершается великим переворотом, установлением гармонического общества на всей планете. Однако не исключена и другая возможность. На какой-нибудь планете цивилизация, даже достигнув необычайных научно-технических высот, может получить уродливые, злые, антигуманистические формы. Ведь перед нами пример не только Северного Полюса, но и Южного, где иерархический общественный строй держался долго при очень высокой культуре. Почему-то у нас недооценивают историю господства шеронов, считая это господство чем-то случайным, незаконным. Расскажи, например, что ты знаешь о шеронате?

Я рассказал, чему учили нас по истории Южного Полюса в высшей школе астронавтов.

— Немного, однако. Я так и знала, что история Юга недооценивается. Факты ты, конечно, знаешь, но без глубокого проникновения в них. Ты — астронавт, и тем не менее не понимаешь космической опасности, заключенной в самой идее шероната. Предположим, а такая возможность не была исключена, что иерархический строй шеронов распространился бы на Северный Полюс. В этом случае шеронат на планете сохранился бы еще на столетие и вышел бы во Вселенную, стремясь к космическому господству. В сущности, к этому и сводилось все выступление моего отца. Он призывал Всепланетный Круг к мирному восстановлению шероната, не особенно на это надеясь. Для убедительности он использовал философские софизмы, устрояя слушателей грядущим вырождением и чередующейся гибелью вселенского разума. Он настолько одержим этой идеей, что не прочь бы прибегнуть к военному возрождению шероната. Но для этого у него нет никаких условий. Большинство шеронов его не поддержат. А самое главное — нет основной военной силы шеронов — фарсанов, все они погибли в войне с северянами. Я специально занимаюсь древней историей шеронов и их воинственных фарсанов и с удовольствием расскажу об этом подробнее. Тебе — астронавту — это полезно знать. Хочешь послушать?

— В другой раз, — сказал я, давая понять, что наша сегодняшняя встреча не будет последней.

— Хорошо, — согласилась Аэнна. — Лучшее всего завтра днем. Весь день завтра я буду у отца. Ты знаешь, где он живет? Ну да, в оазисе Риоль. Он живет, как отшельник, — в пустыне, чтобы любопытные не мешали его научным изысканиям. Но попасть к нам не

так просто. Надо знать шифр, который меняется каждые пять дней. Тебе его можно знать — ведь отец сам желает видеть тебя. У входа увидишь циферблат и наберешь шифр: ДН-134-03.

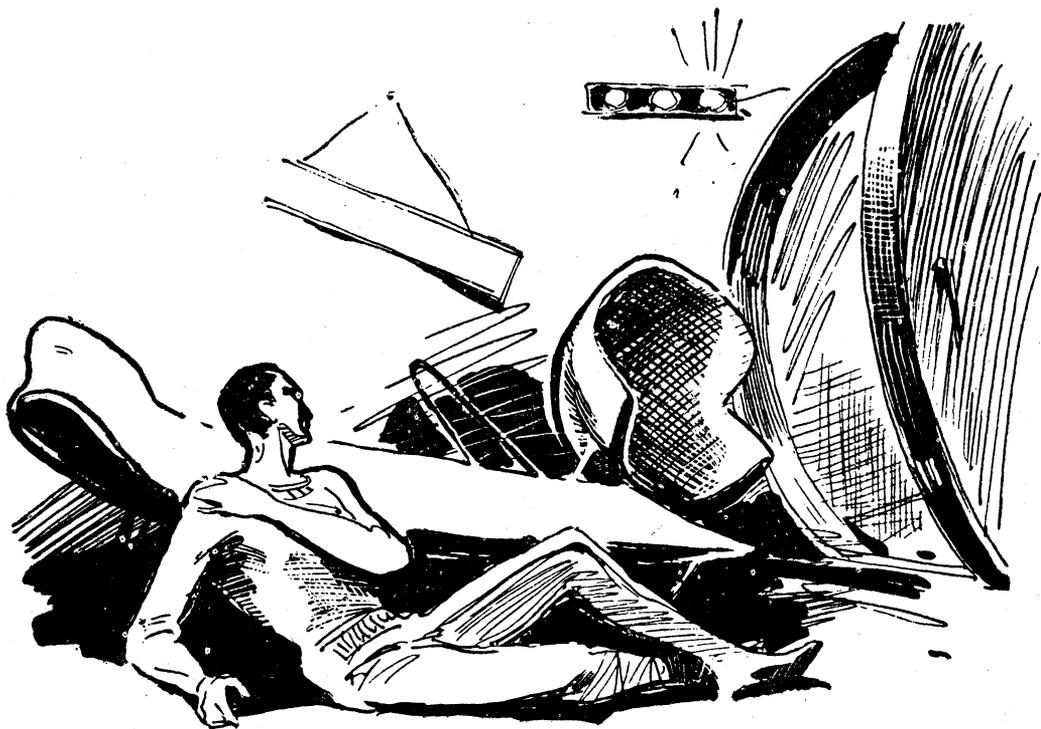
В это время мы проходили мимо висячей скамейки. На ней, видимо, кто-то сидел совсем недавно — скамейка еще слегка раскачивалась. Мы сели на нее и с увлечением разговаривались уже о другом, о своей жизни, об искусстве, о природе. Это были прекрасные минуты. Над нами шелестели гладкие листья огромного гелиодендрона. Его светящиеся цветы чуть раскачивались, когда на них с радостным гудением садились ночные насекомые. Голубой свет пробивался сквозь шуршащие листья и падал на дорожку, рисуя меняющиеся, причудливые узоры. А вверху, над нами, неуловимо медленно и беззвучно кружился хоровод серебряных звезд во главе с царственной Туангой...

Нет, не могу без волнения и щемящей грусти вспоминать эту ночь. Именно тогда я впервые почувствовал, что, улетаая в скором времени в космос, я покину, и, быть может, навсегда одну из самых прекраснейших планет Вселенной. В космосе, думая о Зургане, я всегда вспоминал и голубые светящиеся цветы гелиодендронов, и трепетные тени на дорожке аллеи, и огненную россыпь звезд, и голос Аэнны...

Когда Аэнна рассказывала о себе, в ее голосе звучала грусть. Я начал понимать причины этой грусти. Она любила отца и в то же время не понимала его, не разделяла его

взглядов. Но она не покидала отца. Ведь он был так одинок, если не считать помощников по научной работе.

— Странные они, эти помощники, — говорила Аэнна. — Люди они, безусловно, одаренные. Многие из них участники сегодняшнего Круга. Совсем недавно были они общительными, находили время беседовать со мной. Они часто спорили с отцом, не соглашались с ним по многим научно-философским вопросам. Дело доходило до разрыва. Многие собирались уйти, несмотря на то, что в лаборатории отца проводятся какие-то интересные опыты. Какие — я не знала. И вдруг с помощниками произошли непонятные перемены. Они стали менее общительными. Лишь изредка вступали со мной в короткий разговор, даже шутили. Но делали это словно по обязанности, торопились поскорее скрыться в лаборатории. Работают они на отца, как рабы. И что самое удивительное — никаких споров, никаких разногласий. Они во всем соглашались с отцом, поддерживают и даже пытаются развивать дальше его ошибочные, зачастую идеалистические философские концепции. Отец, конечно, обладает могучим интеллектом и сильной волей. Но впасть в полное духовное порабощение — это уже слишком, в этом что-то непонятное. Я сама стала избегать встреч с помощниками. Особенно я боялась одного типа, который используется отцом на самых черновых работах. Он мне внушал просто отвращение. Причину этого отвращения я поняла недавно, когда услышала от отца, что этот тип совсем даже не человек...

На этом мой сон оборвался. Сильным толчком я был выброшен из постели. Таблетки приятных сновидений тогда хороши, когда все вокруг спокойно. Но с кораблем творилось что-то неладное. Последние слова Аэнны прозвучали в моем мозгу, когда я уже летел в воздухе. Больно ударившись плечом об угол клавишного столика, проснулся на полу каюты.

Корабль резко, рывками бросало из стороны в сторону. Я беспомощно катался по каюте, отскакивая от стен, как мяч. Наконец, уцепился за ножку клавишного столика и взглянул на тревожно мигавший аварийный сигнал. Две красные вспышки и одна белая... Метеоритная опасность!...

Я живо представил, словно со стороны, картину судорожных движений нашего звездолета в космическом пространстве. Корабль, очевидно, попал в метеоритную тучу, и он то ускорял полет, то замедлял его, лавировал, уклонялся, избегая грозной встречи с крупными метеоритами. Мелкие обломки, взрываясь, барабанили по сверхпрочной обшивке корпуса, не причиняя особого вреда. Корабль напоминал сейчас огромный грохочущий колокол, по которому с чудовищной силой били тысячи молотов.

Скорее в рубку управления! Надо немедленно найти ближайшую границу метеоритного облака и вырваться из него.

Держась за столик, я поднялся и бросился к двери. Неудача! Крутой поворот корабля, и я снова покатился по полу. Ползком все же добрался до двери. Нажал кнопку, и дверь автоматически открылась. В узком коридоре мне было уже легче. Упираясь руками в стены, я дошел до лестницы и уцепился за перила. Поднялся в кают-компанию. Наполненная грохотом гнетущая темнота кают-компания изредка прерывалась кровавыми вспышками аварийной лампочки. Резкий удар, и лампочка погасла. На противоположном конце кают-компания — дверь в рубку управления. Нажимая кнопку, я пытался открыть ее и застопорить в открытом состоянии. Но автоматика управления дверью, видимо, вышла из строя. Дверь не открывалась.

Что делать? Пока я размышлял, дверь неожиданно, после резкого толчка корабля, сама пришла в движение. Она то открывалась, то, звеня, со страшной силой захлопывалась. Когда дверь открывалась, из рубки управления вырывался белый сноп света. Теперь надо проскочить в дверь так, чтобы не быть раздавленным.

Цепляясь за наглухо прикрепленные к полу кресла, я добрался до взбесившейся двери. У пульта управления сидел, прилепившись к креслу, Тари-Тау.

— Тари-Тау! — крикнул я как можно громче в открытую дверь. Молодой штурман обернулся. И меня словно озарило — человек! Тари-Тау — человек! Фарсан не может так бесподобно вести себя. На побледневшем лице Тари-Тау я увидел неподдельную растерянность и даже страх. Бедный мальчик! Он, конечно, растерялся, попав в такой неожиданный и опасный переплет.

— Освободи место! — прокричал я. Не смотря на опасность, в моем голосе звенела радость. — Встань сзади кресла.

Дверь оглушительно захлопнулась и через секунду снова открылась. Тари-Тау уже стоял сзади кресла, вцепившись в спинку.

Я прыгнул в рубку и вскоре, пристегнувшись ляжкой, сидел в мягком кресле.

На экране радароскопа мелькали светлячки — изображения твердых частиц. Корабль не может самостоятельно, с помощью автопилота выйти из этого густого метеоритного роя. При самостоятельном полете он руководствовался, словно живой организм, своим инстинктом самосохранения — слепым и недалеко-видным. Поэтому, попав в метеоритную тучу, корабль не полетел наперерез потоку твердых частиц, чтобы скорее вырваться из него. Он выбрал самое простое и безопасное — включился в общий метеоритный поток. Таким образом, уменьшилась опасность встречи с большими частицами. Кроме того, даже в случае столкновения с крупным, но параллельно летящим метеоритом, сила удара не была бы такой разрушительной.

Взглянув на правый боковой радароскоп, я похолодел: в центре экрана, совсем близко, качался, вращаясь вокруг своей оси, огромный обломок скалы. Я отчетливо видел его острые зазубренные края. Но корабль реагировал слабо, так как обломок летел параллельным курсом. Метеорит все же коснулся обшивки корабля. Раздался скрежет. Скользя по обшивке, обломок остался позади.

Нет, так не годится. Если не помочь кораблю, он погибнет. Вращая боковыми радароскопами, я отыскал ближайшую границу метеоритного облака и решительно направил туда корабль. Звездолет делал отчаянные рывки и уклонялся. Но ему все же не удалось избежать столкновения с довольно крупным — с кулак — метеоритом. Корабль затрясся и зазвенел, стрелки приборов беспорядочно запылали. Но все обошлось благополучно. Мы вырвались из страшного метеоритного плена. Правда, в пространстве еще носились отдельные обломки, и корабль качался из стороны в сторону, избегая встреч с ними. Но это была спокойная качка, какая бывает в море после шторма на длинных и пологих волнах. Вскоре прекратилась и эта качка. На стеклах горизонтальных приборов можно было положить ртутный шарик, и он не сдвинулся бы с места — так ровно летел сейчас наш космический корабль.

— Все, — вздохнул я и обернулся назад.

Тари-Тау! Он посмотрел на меня с таким смущением, что мне стало жаль его. Милый юноша! Он переживал за свой недавний страх и растерянность. Мне хотелось утешить его, даже обнять как своего единственного союзника. Но сейчас я не мог этого сделать.

В рубке управления столпились все фарсаны: Лари-Ла и Рогус — бледные и растерянные, Али-Ан — как всегда невозмутимый и спокойный, и хмурый, чем-то недовольный Сэнди-Ски.

В чем дело, Сэнди? — спросил я. — Чем недоволен?

— Это я виноват, — угрюмо пророчал Сэнди-Ски. — Я предполагал, что между орбитами четвертой и пятой планет есть густая метеоритная зона — обломки погибшей планеты. Но я не придавал этому особого значения и не предупредил.

— Не расстраивайся, Сэнди. Видишь, все в порядке, — улыбнулся я, показывая на приборы и аварийные лампочки. Тревожная сигнализация прекратилась. По приборам можно было определить, что корабль не имел серьезных повреждений.

В это время зазвучала бодрая утренняя мелодия.

— Сейчас нам отдыхать некогда, — сказал я. — Сегодня под руководством бортинженера Рогуса все будут осматривать корабль. Проверить все отсеки и механизмы. Выявить и устранить все даже малейшие неисправности и скрытые повреждения.

27-й день 109 года Эры Братства Полюсов

Сейчас, сидя у себя в каюте за клавишным столиком, я представил себе, что произошло бы с кораблем, если бы я не вывел его из плотного метеоритного потока. Крупные метеориты, а многие из них были величиной с гору, рано или поздно врзались бы в звездолет, разрушили его оболочку, вывели из строя все системы. На потерявший управление беспомощный корабль обрушивались бы все новые метеориты, превращая его в бесформенные обломки, в труху, в пыль... Вместе с кораблем погибли бы все фарсаны. Зачем же я спас корабль? Что меня толкнуло на это? Страх перед собственной гибелью? Нет!

Тогда, в минуту опасности, я не думал о фарсанах. Я думал о корабле. Я любил этот сложнейший и совершеннейший аппарат — лучшее творение коллективного разума Зурганы. Я относился к нему почти как к живому существу. И тогда, в грохоте небесной бомбардировки, у меня возникло непреодолимое желание спасти его.

А сейчас я снова и снова спрашиваю себя: зачем я сделал это? Правда, меня утешает одна мысль: я должен закончить дневник и передать его разумным обитателям планеты Голубой.

К тому же Тари-Тау — человек, живой человек, и я обязан ему все рассказать. Нас двое, и бороться мне с фарсанами будет в два раза легче, чем одному. В два раза! Это много значит.

Сегодня я несколько раз оставался в рубке управления наедине с Тари-Тау. Каждый раз я пытался заговорить с ним о фарсанах. И каждый раз внезапно возникающее чувство смутной тревоги останавливало меня. Нет, подожду еще. В этом деле рисковать нельзя.

28-й день 109 года Эры Братства Полюсов

Метеоритная бомбардировка имела для меня одно важное последствие: я нашел способ в любой момент уничтожить фарсанов. Но, к сожалению, вместе с кораблем.

Произошло это так. Сегодня утром я распорядился, чтобы каждый осмотрел стены

своих кают и о малейших трещинах доложил Рогусу. На стене своей каюты я обнаружил звездообразную трещину. По странной прихоти конструкторов корабля стена моей каюты, примыкающая к регенерационному отсеку, была сделана из легкой пластмассы. Правда, это была пластмасса особой прочности. Но и она не выдержала чудовищной тряски корабля во время метеоритной бомбардировки.

Сжатым кулаком я нажал на центр звездообразной трещины, и пластмасса веером разошлась в стороны. В каюту ворвалась струя свежего озонированного воздуха. Там, в регенерационном отсеке, восстанавливался воздух, который по трубам растекался во все жилые помещения корабля.

Трещину можно заварить с помощью специального инструмента. И я пошел искать Рогуса, чтобы попросить у него этот инструмент.

— Рогус в грузовом отсеке, — ответил на мой вопрос Али-Ан, дежуривший у пульта управления.

Я зашел в грузовой отсек и замер от неожиданности, забыв об инструменте и о трещине. В грузовом отсеке — хаос невообразимый. Слово злой великан из древних сказок ворвался сюда и в бешенстве расшвырял все по сторонам. Научно-исследовательские аппараты в беспорядке валялись на полу. Наиболее хрупкие из них были, вероятно, безнадежно испорчены. Даже запасный гусеничный вездеход, наглухо прикрепленный к полу, сдвинулся с места.

— Ничего страшного, капитан, — сказал Рогус, увидев меня. — Основные приборы в исправности. Надо только разложить все по местам.

— А ракета-разведчик? — встревоженно спросил я, показывая на большой сигарообразный корпус. На этой ракете мы собирались совершить посадку на планету, оставив космический корабль на круговой орбите. Ракета сейчас была сброшена со своего места и лежала на полу. Ее острый нос был деформирован.

Рогус виновато взглянул на меня и ответил:

— К сожалению, капитан, у нее серьезные повреждения. Ремонт займет очень много времени. Видимо, посадку на планету придется совершать на корабле...

Я стал помогать Рогусу наводить порядок. Разбирая в углу сбившиеся в кучу скафандры, я нащупал геологическую мину. Небольшая, величиной с ладонь, она обладала страшной разрушительной силой.

Я оглянулся и увидел полусогнутую спину Рогуса. Один миг — и мина затерялась в кармане моего комбинезона.

Разговаривая с Рогусом, я незаметно ощупал в кармане мину. Нашел диск радиосигнализатора и вывернул его из мины. Незаметно для Рогуса стал рассматривать диск и увидел циферблат. И тут меня осенило — шифр! Если набрать на циферблате шифр и нажать кнопку, все фарсаны упадут, как подкошенные, погрузившись в своеобразный сон. Но шифр, заветный шифр! Его знал только Вир-Виан — безраздельный главарь фарсанов.

На циферблате набрал наугад ПДН-333-04. Вдруг, на счастье, это и есть шифр! Вот нажму кнопку, и произойдет чудо: все фарсаны,

в том числе и Рогус, упадут, и я могу делать с ними все, что захочу.

Нажав кнопку, я взглянул на Рогуса. Он стоял по-прежнему ко мне спиной, слегка наклонившись над каким-то прибором.

Тогда начал набирать по порядку: АА-000-00, АА-000-01, АА-000-02. И так до АА-000-23. И все безрезультатно. Я понимал: чтобы перебрать все возможные сочетания цифр и букв, мне не хватит и тысячи лет.

Расстроившись, я ушел к себе в каюту. Здесь я осмотрел мину. Она была исправна. На мине я увидел такой же циферблат, как и на диске радиосигнализатора. И тут у меня впервые возникла страшная мысль: с помощью мины взорвать корабль! При этом я, конечно, погибну, но уничтожу всех фарсанов. Всех до одного. И больше никогда не будет этих чудовищ.

Но взорву корабль в том случае, когда у меня не будет иного выхода. К тому же Тари-Тау... Согласится ли он на взрыв, на самопожертвование? Конечно, согласится, когда мы с ним исчерпаем все другие способы борьбы с фарсанами.

На диске радиосигнализатора набрал уже испробованный шифр: АА-000-00. Такой же шифр набрал и на крошечном циферблате мины. Теперь мину можно запрятать в любом уголке звездолета и в любой момент нажать на диске радиосигнализатора кнопку. До мины мгновенно долетит нужный радиосигнал, и произойдет взрыв.

Но где заложить мину? Может быть, в рубке управления? Взрыв разворотит всю сложнейшую аппаратуру пульта, и корабль потеряет управление. Но фарсаны-то останутся. По природе своей они могут существовать почти вечно. Находясь в неуправляемом корабле, фарсаны будут носиться в мировом пространстве бесконечно долгое время, пока их не подберут астронавты с какой-нибудь планеты. И тогда... Нет, надо обязательно взорвать весь корабль вместе с фарсанами. А для этого мину лучше всего спрятать в районе двигателей — не планетарных, а межзвездных, там, где хранится могучий источник энергии корабля — антивещество. Только оно способно уничтожить корабль так, что от него не останется ни следа.

Надо под любым не вызывающим подозрения предлогом проникнуть к двигателям.

Такой предлог сейчас, после встречи с метеоритной тучей, легко нашелся. Я снова заглянул в грузовой отсек. Кроме Рогуса, там был еще Лари-Ла, проверявший непроницаемость скафандров.

— Я сам осмотрю двигатели, — сказал я. — Вам, Рогус, и здесь хватит работы.

По узкому и длинному похожему на трубу коридору я спустился в кормовую часть корабля. В сущности, двигатели можно было и не проверять. По приборам, а также по ровному и спокойному

гудению можно было определить, что они в хорошем состоянии и работают надежно.

Мину я запрятал среди многочисленных деталей автоматического устройства, которое поддерживало магнитное поле. В этом магнитном поле, как в невидимом мешке, хранился еще солидный запас антивещества.

Теперь фарсаны не застигнут меня врасплох. Радиосигнализатор будет всегда со мной. Стоит только сдвинуть предохранитель, нажать кнопку — и мина взорвется. Магнитное поле разрушится, антивещество соединится с веществом корабля. Произойдет чудовищный взрыв. Корабль перестанет существовать, мгновенно превратившись в световое излучение.

29-й день 109 года Эры Братства Полюсов

Сегодня во второй половине дня я сел за клавишный столик, чтобы продолжить рассказ о Зургане. Но трещина в стене не давала мне покоя. Я то и дело посматривал на нее и почему-то гадал: смогу я пролезть или нет? Наверное, смогу. Ведь трещину можно расширить. Тогда попаду в регенерационный отсек. А там... Там рядом каюта Рогуса, в стене которой тоже есть небольшая трещина... Об этом вчера говорил Рогус. И меня охватило неодолимое желание заглянуть в каюту Рогуса. Ведь именно там происходило таинственное и жуткое превращение людей, моих сподвижников, в фарсанов.

Я подошел к стене и некоторое время стоял в нерешительности. В другое время никогда не отважился бы на постыдное подсматривание. Но ведь на корабле не люди. И я решился. Расширив трещину, я с трудом просунул в нее плечи. Ноги прошли свободно.

В регенерационном отсеке было темно. Лишь слегка светились приборы. В их голубоватом сиянии тускло блестели сосуды и баллоны, в которых восстанавливался воздух. Они издавали едва слышные звуки, похожие на посасывание спящего человека.

Осторожно лавируя между баллонами, я приблизился к противоположной стене. Трещину я нашел сразу, так как через нее пробивался свет. Она была невелика и находилась на уровне пояса.

Я наклонился и заглянул в каюту. Первое, что бросилось в глаза, — огромный, опутанный трубками и приборами шкаф. Точно такие же шкафы я видел в лаборатории Вир-Виана. До сих пор люди не могут восстановить во всей сложности внутреннее устройство этих загадочных шкафов, из боковой дверцы которых появлялись фарсаны. Я с дрожью подумал о том, что Рогус засовывал оглушенных, потерявших сознание членов экипажа в этот шкаф, чтобы скопировать, как выражался не без зловещего юмора Вир-Виан, — «идентичных фарсанов».

В каюте Рогуса послышался шорох — в той стороне, где по стандартной планировке должен находиться клавишный столик. Я посмотрел туда. Сначала мне показалось, что за клавишным столиком, спиной ко мне, сидел Рогус. Присмотревшись, я понял, что ошибся. За столиком сидел совершенно незнакомый человек, если это вообще человек. Незнакомец был стройнее и выше Рогуса. Кто же это? Наверняка, это он стоял тогда ночью у моей

двери и гнусавым голосом твердил о том, что ему нужна «индивидуальность».

Незнакомец встал, повернулся ко мне лицом, и я узнал... самого себя! Это было так неожиданно, что я отшатнулся и больно стукнулся головой о баллон. Это был фарсан! При чем «мой» фарсан!

Собравшись с духом, я снова заглянул в каюту. Фарсан — мой двойник — стоял у стены, где располагались ячейки со шкатулками.

Он неторопливо и любовно — точь-в-точь как я! — перебирал шкатулки.

В коридоре послышались шаркающие шаги Рогуса. Фарсан насторожился. Когда шаги замерли у двери, он спрятался за перегородку, где была постель Рогуса.

Дверь щелкнула и открылась. Вошел Рогус. Тщательно закрыв дверь, он сказал:

— Не бойся. Это я. Ты же знаешь, что сюда, кроме меня, никто не войдет.

Фарсан вышел из-за перегородки, уселся за клавишный столик и заговорил гнусавым голосом. Но я слышал только отдельные слова, так как фарсан сидел ко мне спиной.

— ...Никто не видел... На всякий случай...

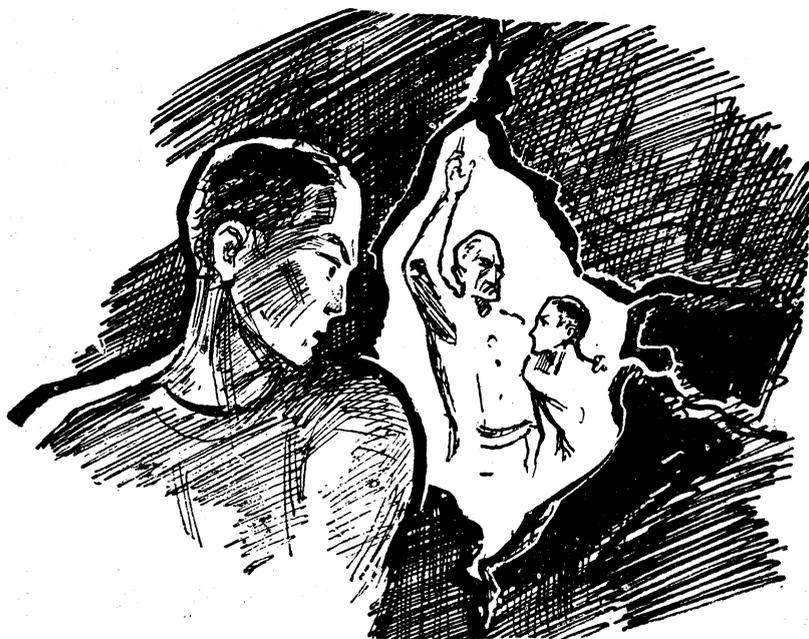
— Чем занимался? — спросил Рогус и, показав на незнакомый мне овальный прибор с широкой подставкой, спросил: — Эту штуку видел?

— Видел... не понимаю...

— Не понимаешь? — рассмеялся Рогус. — И не поймешь. Я недавно его сконструировал. Тонри-Ро, к сожалению, поумнее тебя, но и он никогда не догадается о назначении этого прибора.

— Как ведет себя Тонри-Ро?

— Хорошо ведет, — уверенно ответил Рогус. — Я бы даже сказал — отлично. Он ни-

чего не знает, этот простачок, с головой погруженный в астрофизику.

— А как его проверяли? — спросил «мой» фарсан.

— А Тари-Тау для чего? О, Тари-Тау — хитрая приманка.

«Тари-Тау — фарсан», — с ужасом подумал я.

— Приманка? — удивился мой гнусавый двойник.

— Да. Тари-Тау — это моя большая удача. Общайся он с людьми хоть сто лет, и никто не подумает, что это фарсан. Я, Али-Ан и Лари-Ла решили так: если у Тонри-Ро возникнет хоть тень подозрения, он попытается найти живого человека, союзника. И клонет на нашу приманку, обратившись в первую очередь к Тари-Тау — нашему наиболее совершенному фарсану. Но Тонри-Ро, как всегда, добродетелен к Тари-Тау — и только. А дружит он по-прежнему с Сэнди-Ски. Нет, Тонри-Ро ни о чем не догадывается.

И Рогус самодовольно расхохотался. Я вздрогнул от этого хохота. Рогус торжествовал. Не рано ли? Немного помолчав, Рогус спросил:

— Астрофизику изучил?

— Почти все... Труды самого Тонри-Ро полностью...

— Хорошо. Но этого мало. Надо вобрать в свою память большую часть сведений из смежных областей науки.

— Знаю... Планетология, физика ядра, нейтринология, радиоэлектроника...

— Кроме того, Тонри-Ро, как ты знаешь, любит поэзию.

— Особенно Рой-Ронга, — подхватил «мой» фарсан. Он вскочил и вышел на середину каюты.

Расставив ноги и подняв правую руку, фарсан начал декламировать отрывок из поэмы Рой-Ронга.

— Не так, — недовольно проворчал Рогус. — Жаль, что ты не видел, как этот простачок читает в кают-компани. О, это зрелище! Смотри.

И Рогус начал буквально глумиться над мной, передразнивая и утрируя мою манеру читать стихи.

Я не предполагал, что фарсан Рогус зачитает такую злобу против меня — единственного оставшегося в живых человека. Вероятно, настоящий Рогус, тот, который был убит фарсанами на Зургане, тоже был человеком заискусственным и злым и также тщательно скрывал это.

— Не верю, — смеялся «мой» фарсан, глядя, как Рогус изображает меня.

Смех его был какой-то жидкий и невыразительный.

— Не то, — поморщился Рогус. — Тонри-Ро смеется не так. А впрочем, все это неважно.

— Как неважно? — гнусавил «мой» фарсан. — Мне нужна индивидуальность Тонри-Ро. Без нее я чувствую себя неполноценным. Твои тренировки почти ничего не дают. С их помощью я заучил лишь несколько привычек Тонри-Ро. Но это не то. Я даже не имею его голоса. Я хочу быть капитаном корабля. А для этого мне нужно приобрести индивидуальность Тонри-Ро сразу, одним приемом, вот так...

Я с ужасом увидел, что фарсан растопы-

рил пальцы и сделал вид, что вцепился ими в мою голову. Я знал, что таким приемом с помощью особого излучения фарсаны «обширивают» человеческий мозг, исследуют его микроструктуру. При этом все знания и опыт человека, система его мышления, вся наследственная и приобретенная информация как бы переливаются из человека в фарсана. Человек после этого погибает.

«Мой» фарсан продолжал с вождением изображать, как он шарит пальцами, испускающими лучи, по моей голове.

— Хватит паясничать, — грубо прервал его Рогус. У тихого и скромного Рогуса появились новые черты — грубость, решительность и властолюбие. Видимо, власть над фарсанами (он был здесь их вождем) портит Рогуса.

Показывая на шкаф — дьявольское изобретение Вир-Виана, Рогус добавил с недоброй усмешкой:

— Мы из Тонри-Ро на обратном пути сделаем еще одного воспроизводящего фарсана. Постараюсь, чтобы он был безупречен, вроде Лари-Ла или Тари-Тау. У Сэнди-Ски есть кое-какие незначительные отклонения, но они незаметны. Новый фарсан будет полностью обладать индивидуальностью Тонри-Ро. Он-то и станет капитаном корабля.

— А я? — забеспокоился гнусавый.

— Насчет тебя у нас появились другие соображения, — сказал Рогус. — И тебе обязательно абсолютное сходство с прототипом. Если планета Голубая населена разумными существами, что вполне вероятно, то мы оставим тебя там с необходимым оборудованием. И ты уже знаешь свою задачу — установить на планете наше господство — господство шеронов и фарсанов.

— Не так уж плохо, — улыбнулся гнусавый.

— Да, не так уж плохо, — согласился Рогус. — А сейчас ты должен помнить о том, что никакая материальная система — будь то живой организм или машина — не может выработать сведений или указаний, в которых содержалось бы больше информации, чем ее поступило в память системы извне. Это и есть закон сохранения информации — такой же фундаментальный закон природы, как и закон сохранения энергии и вещества.

— Понимаю. Я и так сейчас много работаю, вбираю в свою память огромное количество информации.

— Особенно ты должен налегать на биофизику, электронику, нейтринологию...

Но Рогус не закончил перечисление наук. Взглянув в мою сторону, он нахмурился.

— Сколько раз я тебе говорил, чтобы эту щель ты заделал сам, — сказал он и насмешливо добавил:

— Видимо, ты такой же лентяй, как и твой прототип Тонри-Ро.

К сожалению, это была правда — я несколько ленив, когда дело касалось мелочей.

— Придется самому заварить щель, — проворчал Рогус и, взяв в руки инструмент, направился к стене.

Я спрятался за баллон и затаил дыхание. Раздалось шипение — и щель исчезла. Я попробовал приложить ухо к стене. Но голоса доносились настолько глухо, что я не мог разобрать ни одного слова.

30-й день 109 года Эры Братства Поллюсов

Сегодня днем я так и не притронулся к дневнику. И только сейчас, уже поздно вечером, сел за клавишный столик. Признаться — весь день у меня было подавленное настроение. Рухнула последняя надежда найти живого человека. К тому же не очень приятно чувствовать, что на корабле находится уже готовый мой двойник — фарсан. Весь день мне не давал покоя вопрос: как смог Рогус, оставив меня в живых, воспроизвести мою внешность и даже некоторые привычки и врожденные качества? Правда, «мой» фарсан неполноценный — обладая вполне конкретной физической индивидуальностью, он не имел духовной.

И я нашел этому единственно верное объяснение, когда вспомнил один случай. Это было за несколько дней до квантового торможения. Проверая, как закреплены приборы в грузовом отсеке, я ударился об какой-то острый угол и больно поранил ногу. Лари-Ла, несколько располневший и неповоротливый, проявил удивительную расторопность. Он быстро подскочил ко мне с медикаментами, разорвал на ноге комбинезон и залечил рану. При этом Лари-Ла отрезал изрядный кусок моей кожи и бросил его в сосуд с физиологическим раствором. В этом растворе клетки жили и функционировали еще долгое время. А в каждой клетке хранится таинственная наследственная информация, несущая в себе сведения о структуре всего организма.

Вот этим куском кожи с многочисленными нормально-функционирующими клетками и воспользовался Рогус. Он с исключительной точностью воссоздал мой физический облик, некоторые врожденные качества и безусловные рефлексы. Но чтобы воспроизвести мой духовный облик, весь строй моих мыслей и чувств, весь жизненный опыт и привычки, необходимо, убивая человека, проникнуть в микроструктуру мозга — этого невероятно сложного органа мысли и огромного хранилища приобретенной и наследственной информации.

Сегодня в рубке внешней связи я сделал довольно печальное открытие: на планете Голубой знают, что такое войны. Я и раньше догадывался об этом. Но сегодня убедился окончательно.

— Разумные обитатели планеты Голубой, — говорил Лари-Ла, уступая мне место за экраном внешней связи, — удивительно похожи на нас. Только они почти вдвое выше и крупнее. И лица у них в основном белые, а не золотистые, как у нас. Но лица я как следует не рассмотрел. Мы еще слишком далеко.

Встав за моей спиной, Лари-Ла начал словоохотливо излагать свои гипотезы о животном мире, который, по его мнению, чрезвычайно богат и разнообразен на планете Голубой. Но я слушал не очень внимательно и с облегчением вздохнул, когда Лари-Ла ушел.

Ни биолог Лари-Ла, ни планетолог Сэнди-Ски до сих пор не обратили внимания на детали, которые говорили о том, что с общественным устройством на планете далеко не все в порядке. На Голубой, видимо, нередко

вспыхивают кровопролитные и опустошительные войны, характерные для эпохи эксплуататорских обществ. Но я уверен, что среди социального хаоса и там сверкают удивительные умы ученых, крепнет воля борцов за переустройство общества. Со временем планета Голубая станет младшей сестрой Зурганы.

Но если на Голубой появятся фарсаны, то они надолго, возможно на тысячелетия, задержат прогрессивное историческое развитие, установив свое бессмысленное господство.

31-й день 109 года Эры Братства Поллюсов

За мной установлена слежка! Сегодня я убедился, что Рогус следит за каждым моим шагом.

Днем, проходя через кают-компанию в рубку управления, я увидел Рогуса. Он стоял около кабины утренней свежести и рассматривал какую-то деталь через овальный прибор, тот самый прибор с секретом, который я уже видел в его каюте.

— Что-то новое? — с неплохо разыгранным равнодушием спросил я, показав на прибор.

— Да, капитан. Желаете посмотреть? — И он, улыбнувшись, протянул мне прибор. В простодушной улыбке Рогуса на миг проскользнуло что-то ехидное и насмешливое.

Я взял прибор и внимательно осмотрел его.

— Похоже на прибор для просвечивания металлических конструкций, — проговорил я.

— Вы угадали, капитан.

В смиренном голосе Рогуса послышалась едва уловимая ирония. Рогус просто издевался надо мной.

Я поставил прибор на столик и собрался идти в рубку управления. В это время открылась дверь кабины утренней свежести. Оттуда выглянул Тари-Тау. Вздрыгнув, я отвернулся. Я не мог видеть сейчас этого «милого» юношу, этого «почти адекватного» фарсана. Он вызывал такую неприязнь, словно оказался предателем, самым хитрым и подлым предателем.

Но выдавать свои чувства — значит выдавать себя. Я повернулся лицом к Тари-Тау и, улыбнувшись, обменялся с ним приветствием.

— Я, кажется, нашел неисправность, — обратился Тари-Тау к Рогусу.

Тари-Тау и Рогус скрылись в кабине утренней свежести.

Я снова взял прибор и самым тщательным образом осмотрел его. Нажимая кнопку, я то включал, то выключал прибор. И вот мне показалось, что на подставке включенного прибора появилось едва заметное пятнышко. Присмотревшись, я понял, что пятнышко — это замаскированная кнопка. Я нажал ее. И сразу же послышались хорошо знакомые мне звуки: тик-тик, тик-тик... Это же мой хронометр! Он сейчас стоит в моей каюте на клавишном столике. Но зачем Рогус имитирует в приборе тиканье моего хронометра? И откуда он знает о старомодном тикающем хроно-

метре, оставшемся мне после гибели отца? Недоумевая, я приложил ухо к прибору. И вдруг в нем раздался грохот. Создалось впечатление, что какой-то предмет упал и, гремя, покатился по пластмассовому полу.

И тут меня осенила догадка. Выключив прибор, я поставил его на столик и бросился в свою каюту.

Так и есть! На полу посреди каюты лежала шкатулка. Недостаточно плотно закрепленная в ячейке, она упала и покатилась. Звук упавшей шкатулки я и слышал в приборе. Это прибор-шпион! С его помощью Рогус мог слышать все звуки в моей каюте. Возможно, что и сейчас он стоит, приложив ухо к прибору. Достаточно мне хотя бы шепотом произнести проклятие по адресу фарсанов, и я буду разоблачен.

Ну нет, Рогус. Твои технические хитрости не помогут. Напевая какой-то веселый мотив (пусть подслушивает Рогус!), я поставил шкатулку на место. Затем вышел и направился в рубку управления.

Всякий раз, когда я заходил в эту рубку, мной на минуту овладевало ощущение уюта и благополучия. Словно на корабле ничего не произошло. Словно не фарсаны, а живые Тари-Тау и Али-Ан дежурили попеременно у пульта управления. Многочисленные приборы пульта все так же беззвучно и дружелюбно мигали своими многоцветными огоньками. Все так же из кают-компания доносились шаркающие шаги Рогуса. Трудюлюбивый, как муравей, он проверял сегодня работу экрана — полусферы кабины утренней свежести. Традиционная, мирная картина нашей жизни! О, как мне хотелось, чтобы произошло чудо, чтобы фарсаны снова превратились в людей!

С горечью размышляя я о трагической судьбе своих друзей — членов экипажа. Сейчас мне больше всего было жаль Тари-Тау. В его лице, быть может, погиб один из самых великих, один из самых царственных поэтов Зурганы.

Только теперь, думая о погибших членах экипажа, я начинаю понимать, почему председатель Совета Астронавтики Нанди-Нан настаивал на зачислении в экспедицию Тари-Тау, который был тогда совсем почти мальчиком. На дорогах Вселенной возможны всякие случайности и задержки. И если путешествие слишком затянется и усталость долгих лет застелет, затуманит наш взор, то Тари-Тау, будучи уже в зрелом возрасте, поможет нам привести корабль обратно на Зургану. Так, видимо, думал мудрый и предусмотрительный Нанди-Нан.

32-й день 109 года Эры Братства Полюсов

До Голубой осталось не больше 10 дней полета. Поэтому мне надо спешить.

О Зургане лучше всего рассказать словами Азны-Виан, которая хорошо знала историю нашей планеты. Аэнна пригласила меня к себе на следующий день после Всепланетного Круга ученых. Но три дня подряд я был занят подготовкой к пробному полету и не смог посетить дом Вир-Виана.

Я встретил Аэнну совершенно случайно на берегу Ализанского океана. Я летел на гелиоплане на остров Астронавтов, где меня ждали члены экипажа. Я торопился. До острова оставалось не так далеко, но в это время киберпилот отчеканил:

— Энергии мало. Совершаю вынужденную посадку.

Гелиоплан сел на самом берегу. Едва я вылез из кабины, как услышал далеко сзади приветствие:

-- Эо, Тонри!

У меня радостно забилось сердце — мне показалось, что я узнал голос Аэнны. Я обернулся... Она! Аэнна стояла около белого домика туристского типа. Таких домиков здесь насчитывалось десятка полтора. Вероятно, это и был городок археологической партии, в которой работала Аэнна.

— Ты как здесь оказался? — спросила Аэнна, подойдя ко мне. — Решил стать археологом?

— Вынужденная посадка, — махнул я рукой в сторону гелиоплана.

— У тебя есть свободное время? Есть? Тогда посидим на берегу.

— Хорошо. Только я должен предупредить товарищей о том, что задержусь.

Я снова залез в кабину гелиоплана. Включив крохотный экранчик всепланетной связи, я вызвал Сэнди-Ски и попросил его приехать за мной на катере часа через три.

— А теперь давай оправдывайся передо мной, — весело заговорила Аэнна, когда я вернулся к ней. — Ты почему не зашел к нам на следующий день после Круга? Ведь обещал? А завтра сможешь?

— Первая половина дня у меня свободна.

— Вот и хорошо. Завтра я постараюсь побыть у отца. Ведь он скучает без меня, оставаясь со своими помощниками. А главное — отец уж очень хочет видеть тебя. Между вами возникла какая-то непонятная взаимная симпатия.

— Ну, насчет моей симпатии ты слишком преувеличиваешь, — отшутился я.

— А вот ты ему явно понравился. Послушал бы, как он тебя расписывает: высокий, стройный, умное, волевое лицо. Настоящий астронавт! Один из лучших представителей зурганского человечества! У тебя он нашел только один недостаток — ты слишком молод.

Аэнна засмеялась. Я рад был ее видеть вот такой — оживленной и радостной, без тени ее обычной грусти.

Мы подошли к берегу и уселись на большой, гладкий камень, о который со стеклянным звоном разбивались волны. Прямо перед нами располагался Главный Шеронский архипелаг — десятки цветущих островов.

— Помнишь, я тебе обещала подробно рассказать о шеронах и вообще об истории Южного Полюса. Сейчас самое время. Ты только посмотри на эту колыбель шеронской культуры!

Аэнна восторженно протянула руку в сторону архипелага. Вид и в самом деле был прекрасный. Острова архипелага утопали в золоте закатного солнца, которое своим огненным диском вот-вот коснется морского горизонта. Стеклолитовые дворцы шеронов, построенные на возвышенностях островов, горели в лучах

жаркого светила. Они были словно сделаны из затвердевшего оранжевого света. Другие дворцы, воздвигнутые на низких местах, на самом берегу, сейчас находились в тени и казались призрачными, будто сотканные из дождевых струй.

— Не дворцы, а песни, — задумчиво проговорила Аэнна. — Шероны умели строить. В одном из дворцов, отсюда он не виден, жили мои предки. Там рос и воспитывался мой отец. Девяносто девять лет тому назад, с наступлением Эры Братства Полюсов, все они были превращены в дворцы отдыха, а некоторые — в музеи шеронской культуры.

— И ты нисколько не жалеешь об этом? — спросил я.

— Нет, я шеронка только по происхождению, а не по убеждению. Да и вся шеронская молодежь не захотела бы сейчас вернуться к старому, к обычаям предков. Это мой отец и немногие шероны, с которыми он слишком тесно дружит, жалеют о потере господства.

— Мне непонятно одно, — сказал я. — Шероны господствовали на Юге тысячи лет. За это время на Северном Полюсе произошло множество изменений. В военных столкновениях разрушались одни государства и империи, создавались другие. Сменилось несколько общественно-экономических формаций, наконец, победила самая совершенная, самая гуманная и гармоничная формация. Это было прогрессивное восхождение от социального хаоса к гармонии. У вас же, на Юге, в течение многих тысяч лет неизменно сохранялся аристократический строй шеронов. Как это произошло?

— Хорошо. Наберись терпения и слушай, — улыбнулась Аэнна. — О Зургане я могу говорить сколько угодно.

Аэнна начала рассказывать о планете чуть ли не с первых дней ее сотворения. Сейчас, сидя за клавишным столиком, я со всеми дорогими мне подробностями восстановил в памяти незабываемую картину: и Ализанский океан, позолоченный закатным солнцем, и шеронский архипелаг, сверкающий шпилями и куполами дворцов, и берег, о который все тише и тише плескались волны. Мне даже кажется, что сейчас я не один в каюте, что рядом сидит Аэнна, и я слышу ее голос, — то высокий и звонкий, то понижающийся до шепота, который сливался с шепотом волн...

Рассказывала Аэнна с увлечением. Ни один историк в школе астронавтов не дал мне больше сведений по истории нашего Юга. Думаю, что разумным обитателям планеты Голубой интересно и полезно будет знать историю нашей Зурганы.

Около миллиона лет тому назад в районе экватора появились первые люди на Зургане. Вся планета зеленела лесами. Лишь вдоль жаркого экватора располагались отдельные, разрозненные пустыни. Со временем их становилось все больше и больше. Палящее солнце выжигало растительность, реки и озера высыхали. Пустыни сливались, занимая огромные пространства. Так образовалась Великая Экваториальная пустыня. Кочевые племена первобытных людей разбрелись по полюсам, превратившиеся в большие оазисы, разделенные широким поясом раскаленных песков. По-

пытки перейти пустыню и узнать, что за ней, ни к чему не приводили. Караваны, не пройдя и сотой части пути, гибли, занесенные песками.

Развитие человеческого общества на полюсах, ничего не знавших друг о друге, шло разными путями. История Севера — это классический пример восхождения общества от низших ступеней к высшим, от первобытной тьмы к гармонии и ясности. Аэнна считает, что так развивается общество разумных существ почти на всех населенных планетах Вселенной.

На Южном полюсе сложились своеобразные условия. В глубокой древности здесь жили три племени. Многочисленное, трудолюбивое и мирное племя сулаков занималось охотой и земледелием. Два воинственных племени — фарсаны (завоеватели) и шероны (мудрые), долго, очень долго вели между собой беспреквальные войны. Победили шероны, умеющие изготавливать более совершенное оружие. Шероны и фарсаны заключили между собой союз, в котором главенствующее положение занимали победители. Совместными усилиями они покорили сулаков, обратили их в рабство. С тех пор начал формироваться трехступенчатый иерархический строй. Полновластными хозяевами Южного Полюса стали шероны. Они расселились на лучших местах — на цветущих островах единственного на Зургане Ализанского океана. На берегах океана возникли военные города фарсанов — привилегированных слуг и защитников шеронов. Фарсаны стали в полном смысле слова завоевателями. Они подавляли мятежи и умирляли сулаков, собирали с них дань для шеронов и для себя.

Шероны поработили сулаков не только физически с помощью фарсанов, но и духовно. Они создали для них религию. Эта религия учила, что после смерти души исполнительных сулаков переселялись на соседнюю планету Зиргу. Там сулаки якобы становились шеронами и проводили жизнь в вечном блаженстве. По всей территории Южного Полюса были воздвигнуты пышные храмы Зирги, где фарсаны заставляли сулаков ежедневно молиться. Так из поколения в поколение воспитывалась покорность — главная добродетель сулаков.

Среди шеронов установился своеобразный строй аристократической демократии. Все шероны были равны. Они подчинялись только верховному шерону, который избирался один раз в год. Но верховный шерон не имел большой власти. Он следил в основном за исполнением законов, принятых всеми шеронами. Законы эти отличались мудростью и строгостью. Это и спасало шеронов от вырождения. Наихудшим пороком у них считалось бездельное прожигание жизни. В то время как господствующие классы Северного Полюса проводили жизнь в праздности, шероны отдавали весь свой досуг научно-техническому и художественному творчеству.

Все возрастающее техническое могущество шеронов давало им возможность укреплять свою власть и снабжать фарсанов новыми образцами оружия. Фарсаны почти ничем не интересовались, кроме военного дела, доведенного у них до культа. В их глазах шероны, все глубже проникающие в секреты материи, обладали таинственной и непостижимой властью.

Научное и художественное творчество у шеронов было единственным богом, которому они служили с радостью. Каждое научно-техническое достижение или создание высокохудожественного произведения искусства отмечалось праздником и всешеронскими спортивными играми.

Цивилизация у шеронов достигла невиданного и пышного расцвета. Причину этого расцвета шероны видели в господстве над сулаками и фарсанами. Власть над многочисленным рабочим людом — сулаками давала шеронам досуг для творческой деятельности. Они были избавлены от всех материальных забот. Кроме того, шероны считали, что ощущение неограниченной власти над себе подобными эмоционально обогащает человека, делает его сильным в духовном и волевом отношении, дает возможность формировать физически прекрасную и могучую расу. Господство — непреходящее условие высшей культуры. Эту мысль каждый шерон усваивал с малых лет. Эта мысль стала основополагающей в социальной философии шеронов.

За несколько десятков лет до наступления Эры Братства Полюсов в обществе и культуре шеронов все же стали намечаться признаки застоя, медленной, но неуклонной деградации. В философию и искусство все чаще проникали идеи пессимизма, идеи бесцельности и тленности человеческой культуры.

В это время на Северном Полюсе восторжествовал гармоничный общественный строй, открывший перед людьми широкий простор для творческой деятельности. В науке, технике и культуре северяне быстро догоняли шеронов. На Севере и на Юге появились гелиопланы, которые смогли преодолеть огромное расстояние между полюсами. Так люди Юга и Севера узнали о существовании друг друга.

Шероны стали искать средство от застоя в борьбе с северянами, в стремлении распространить свое господство и на другом полюсе. Борьба — вот новая идея, воодушевившая шеронов. В борьбе крепнет дух, неизмеримо возрастает могущество расы. Борьба, по мнению шеронов, способна оживить их угасающую культуру. Так возникла изнурительная, длившаяся многие годы война между полюсами. Под руководством шеронов десятки тысяч фарсанов с боевой техникой перелетали на гелиопланах Великую Экваториальную пустыню и высаживались в безлюдных оазисах, прилегающих к Северному Полюсу. Оттуда они на шагающих бронированных вездеходах начинали военные действия против северян. Фарсаны сражались умело и храбро, но не могли победить северян, часто терпели сокрушительные поражения и с большим уроном улетали обратно.

Шероны поняли, что им не добиться решающего успеха, пока они не найдут новое мощное оружие. Такое оружие появилось почти одновременно на Севере и на Юге. Это были ядерные снаряды огромной разрушительной силы. Когда фарсаны сбросили три таких снаряда на города Северного Полюса, северяне предприняли решительные меры. Они совершили массовый воздушный налет на Южный Полюс. Северяне при этом потеряли большую часть своего воздушного флота — гелиопланов

и появившихся к этому времени быстролетных ракетопланов. Но они уничтожили все фарсанские военные города и всех фарсанов до одного. Архипелаг шеронов северяне не тронули, стараясь сохранить высокую культуру.

Немногочисленные шероны остались без своих верных воинственных слуг и защитников — без фарсанов. Спасаясь от восставших сулаков, они покинули острова Ализанского океана и поселились подальше от Южного Полюса — в северных городах и оазисах.

Так рухнуло многовековое господство шеронов, погиб их аристократический строй. Сулаки создали у себя на юге такое же гармоничное общество, как и на Северном Полюсе. Между полюсами установилась Эра мирного сотрудничества — Эра Братства Полюсов...

Закончив рассказ, Аэнна задумчиво смотрела на яркие мазки заката. Солнце только что скрылось за горизонтом. Океан начал погружаться в свою ночную дремоту. Волны едва слышно плескались у наших ног.

— С тех пор прошло 99 лет, — снова заговорила Аэнна. — Молодые шероны не могут представить себе иной жизни, чем сейчас. Но мой отец и его немногие друзья, которые еще помнят свое детство, проведенное в дворцах архипелага, не могут примириться с потерей своего исключительного положения. Но что они могут сделать без фарсанов?

— Ничего не могут, — сказал я. — И тем лучше для них и для общества. Сейчас они приносят обществу огромную пользу, став учеными.

— Все это так. Но что за мысли у них, что за философия! — воскликнула Аэнна. — Если ты внимательно слушал мой рассказ о шеронской культуре, то должен понять, откуда у моего отца такая сумасбродная космическая философия. Господство над себе подобными он по-прежнему считает условием высшей культуры. Но в наше время, когда вот-вот начнутся межзвездные сообщения, недостаточно власти на одной планете. Нужна вечная борьба во Вселенной и господство одной, избранной планеты над всеми мирами космоса. Это мой отец считает необходимым условием бесконечного роста и совершенствования мыслящего духа Вселенной.

— Но у твоего отца есть одна привлекательная идея — идея концентрации научно-технических достижений, рассеянных во Вселенной.

— Концентрировать научную мысль можно и мирным путем, — возразила Аэнна.

— Конечно, можно, — согласился я. — Оно так и будет.

Некоторое время мы молчали, любясь пыльным закатом. Такие закаты на Зургане бывают только здесь, в районе Шеронского архипелага. Там, где зашло солнце, замирал слабый всплеск малиновой зари. На золотисто-зеленом небе вырисовывались четкие контуры шеронских дворцов.

Взглянув на часы, Аэнна сказала:

— Сейчас мы услышим знаменитый колокольный час шеронов. Ты когда-нибудь слышал это великолепное музыкальное произведение?

— Только по системе всепланетной связи, — ответил я.

— Но это совсем не то. Шероны делали колокола из какого-то чудесного сплава, секрет которого утерян. Разнообразные по форме и величине, колокола издают чистые, нежные и в то же время сильные звуки. Транслировать их по всепланетной связи трудно, не исказив. Но давай лучше послушаем...

Небо темнело. Стояла вечерняя тишина, нарушаемая едва слышным шелестом волн.

И вдруг до нашего слуха издали, из-за горизонта, донесся нежный мерцающий звук. То заговорил колокол центрального острова архипелага. Ему ответили другие. И началась музыкальная переключка шеронских дворцов, возвещающая о том, что еще один день жизни человечества бесследно канул в вечность. Звуки лились и лились над океаном — бесмертным и невозмутимым, как тысячи веков назад.

В задумчивых и печальных переживаниях, похожих на рыдания, слышалась глубокая скорбь, бессильная жалоба на космическое одиночество, на тленность зурганской культуры, затерянной в безграничности Вселенной...

Звон стал затихать, усиливая шемящую тоску. Наконец, в последний раз зазвонил центральный колокол — заключительная вспышка звука, трепетная и умирающая.

Аэнна задумчиво смотрела на закат. Ее прекрасное лицо было тронато легкой печалью. И я впервые подумал о том, что частая грусть Аэнны — это, быть может, выражение меланхолии ее древней и мудрой расы.

— Не правда ли, какая красивая и грустная музыка? — взволнованно прошептала Аэнна. — Колокольный час — это эстетическое воплощение философии шеронов эпохи упадка.

Аэнна права, думал я, эта музыка воплощает в себе весь пессимизм высокой, но утомленной культуры. Вир-Виан пытается в своей новой космической философии вырваться из этого пессимизма, но безнадежно. Его философия в сущности также пессимистична, ущербна и закатна, как этот закатный колокольный час...

В море, в сгустившихся сумерках, свернул огонек. Наконец, мы увидели катер, причаливший недалеко от нас. Из катера выскочил Сэнди-Ски и направился к нам.

— Эо, Тонри! Эо, Аэнна! — воскликнул он.

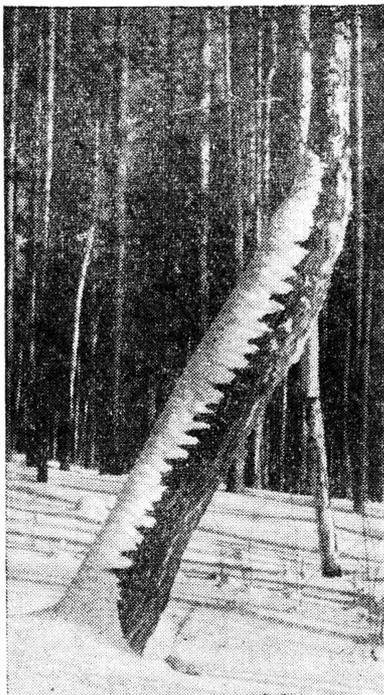
— Эо, Сэнди!

Мы проводили Аэнну к городку археологов.

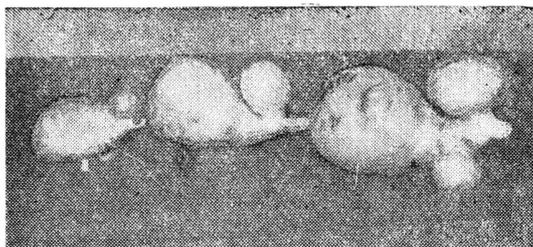
— Завтра я жду тебя дома, у отца! — сказала она мне на прощанье.

Окончание следует

СЛЕДОПЫТСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Ночью в лесу разыгралась метель, тогда-то и поднялась по стволу березы эта гигантская снежная многоножка. Снимок ее прислал в редакцию читатель Н. Яковлев.

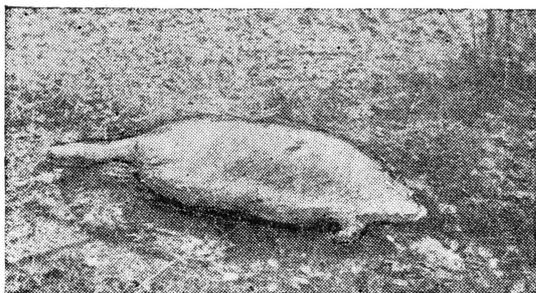

Не ежи, не кошки,
Просто три картошки.

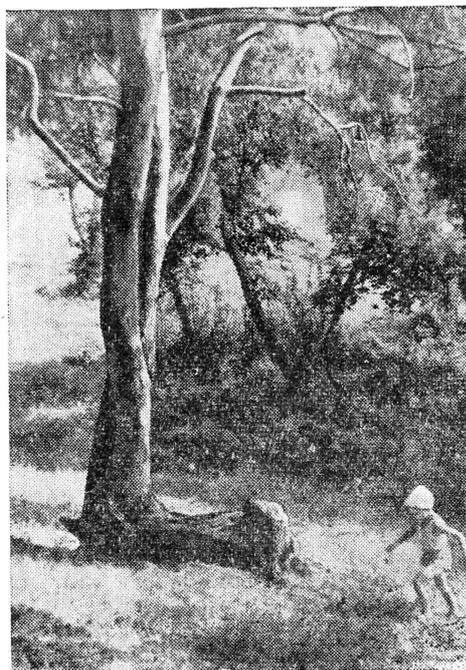
Фото П. Мезенцева

На берегу речки Бобровки Артемовского района Свердловской области выросло интересное дерево — настоящие ноги великана.

Фото А. Брылина

Эту снежную черепаху увидел недалеко от села Троицкое Богдановичского района Свердловской области читатель Г. Мерлушев.

ЗАВЕЩАНИЕ

Случилось это в тридцатые годы, когда ломали старую тюремную церковь. Там вездесущие мальчишки нашли необычное письмо: «28 мая 1908 г. Мы думаем, что через несколько десятков лет листок попадет в руки вольного человека и горячо веруем, что тогда наше мрачное время будет забываться и великий народ при полной свободе с благодарностью будет вспоминать тех мучеников, которые ценой тяжелых испытаний купили ему свободу. К их числу относимся и мы, политические каторжане тобольской тюрьмы: Дуров Петр, солдат — 12 лет каторги; Григорий Головань, солдат — вечный; Холопцев Михаил, солдат — вечный; Соколов Владимир, солдат — 10 лет каторги; Логинов Павел — 10 лет каторги; студент Александр Попов — 15 лет каторги».

В тот же день ребята отнесли это письмо в местный музей...

Прошло тридцать с лишним лет. И вот я разглядываю изрядно потертую четвертушку бумаги. Кто они, эти политические каторжане? Как оказались в мрачных застенках? В музее ничего определенного сообщить не могли.

Большинство ссыльных — солдаты. Действительно, во время первой русской революции 1905 — 1907 годов солдаты под влиянием большевистской агитации стали переходить на сторону революции. С такими царское правитель-

ство расправлялось особенно жестоко...

Я решил начать поиски. Свидетелей событий 1905 года в городе не оказалось, да и кто мог знать тайны, скрытые толстыми тюремными стенами? Обратился к архивам.

В тюменском областном архиве сосредоточены сотни тысяч дел. Из них огромное количество — по тюремному ведомству. Но, просмотрев все за 1908 год, я ничего не нашел. Вернулся к делам 1905, 1906, 1907 годов и в одном обнаружил алфавит на ссыльных. Удача! Здесь значатся Дуров, Холопцев и Соколов. А в делах за 1909 и 1910 годы статейные списки почти на всех политических каторжан, подписавших письмо.

Оказалось, что Козлов Н. И., 1882 года рождения, из крестьян Тверской губернии, бывший солдат Гельсингфорского лазарета, приговорен «Временным военным судом в крепости Свеаборге 12/17 августа 1906 г. к каторге на 12 лет. Признан виновным в явном восстании, сопровождавшемся убийством офицеров и производством выстрелов по войскам, подавлявшим восстание».

По другим документам удалось установить, что Н. И. Козлов был «распределен на Нерчинскую каторгу 30 июня 1910 г.».

Киевским военно-окружным судом отправлены на каторгу солдаты Григорий Петрович Головань и Михаил Данилович Холопцев. Они участвовали в восстании саперного баталь-

она, к которому присоединились тогда бастующие рабочие и студенты. Это про них в ноябре 1905 года В. И. Ленин писал, что вооруженное восстание в Киеве «делает, видимо, еще шаг вперед, шаг к слиянию революционной армии с революционным пролетариатом и студенчеством».

22 апреля 1906 года солдат ташкентской ко н в о й н о й команды, бывший крестьянин Рязанской губернии Владимир Васильевич Соколов устроил побег политическому арестанту. За это Туркестанский военно-окружной суд приговорил его к лишению всех прав состояния и ссылке на восемь лет каторжных работ.

За экспроприацию были осуждены крестьянин Павел Иванович Логинов и солдат 13-го Белозерского полка Петр Тихонович Дуров. А двадцатитрехлетнему студенту Александру Моисеевичу Попову вынес приговор военно-полевой суд города Баку...

Так приоткрылась тайна заветания политических каторжан. Как сложилась дальнейшая судьба революционеров? Одних отправили в Восточную Сибирь на Нерчинские рудники, другие гнили в застенках каторжной тюрьмы. Но царским палачам не удалось сломить их волю. И теперь, в канун 50-летия Советской власти, наше поколение с глубокой благодарностью вспоминает имена тех, кто боролся и отдал жизнь за победу революции.

Т. ДМИТРИЕВ

ПОДВИГ НАЧИНАЛСЯ В МУСТАФИНО

*К 60-летию со дня рождения
Мусы Джалиля*

Вста тридцати семи километрах от Оренбурга, на казанском тракте, есть старинное степное село Мустафино. Вытянулось оно вдоль большака на чуть приподнявшемся над долиной берегу тихой, мелководной, теряющейся в камышах речушки Неги. Здесь в приземистой глиняной мазанке в многодетной бедняцкой семье Мустафы Залилова родился сын Муса. Здесь, на берегах Неги и Салмыша, прошло его босоное детство.

Тринадцатилетним мальчиком приехал Муса в Оренбург, приехал учиться в медресе «Хусаиния». Эта духовная школа была в ту пору единственным учебным заведением для татарских детей. Преподаватели забивали головы своих воспитанников молитвами, заставляли заучивать наизусть все сто четырнадцать сур корана.

Шел 1919 год. Оренбург был осажден дувочами. Фронт совсем рядом — в Зауральской роще, у Нежинки. Под Гребенями стояли белоказанки. Время от времени над городом рвались снаряды, почти непрерывно шла перестрелка. Разве можно в такую пору усидеть над кораном? И мальчишки носились по улицам, сновали среди красноармейцев, охотно помогали им, чем могли.

...Редактор красноармейской газеты на татарском языке читал только что оттиснутую полосу, когда в дверь постучали. Подталкивая друг друга, в комнату вошли два мальчугана.

— Что у вас, ребята? — спросил редактор.

— Давай, Муса, — сказал тот, что был постарше, маленькому худощавому черноволосому мальчику с большими карими глазами.

Муса Джалиль, студент МГУ. 1927 год.

Подросток достал из-за пазухи тетрадь.

Редактор начал читать про себя, а потом обратился к сотрудникам:

— Вот, послушайте... По-моему, вполне приличные стихи. — Он даже поднялся и с чувством стал декламировать:

Если б грудь обожгло мне горячим свинцом,
Если пуля засела бы в сердце моем,
Если б смерть, не давая подняться с земли,
Придавила меня кулаком, —

Я бы счастьем считал эту гибель в бою,
Славу смерти героической я в песне пою.

— Да это то, что нам надо! — сказал один из журналистов.

— Где вы взяли стихи, ребята?

— Это он сам, Муса, написал, — показал товарищ на раскрасневшегося от смущения юного поэта.

А на другой день радости Мусы не было границ. В газете «Кзыл Юлдуз» («Красная Звезда»), напечатанной на толстой и шершавой оберточной бумаге, на первой странице он прочитал свое стихотворение «Счастье», а под ним подпись, как он просил, — «Кечкенэ Джалиль» — «Юный Джалиль».

Муса стал своим человеком в редакции, вскоре другие стихи увидели свет в красноармейской газете Туркестанского фронта, — в осажденном белогвардейцами Оренбурге.

Есть такая хорошая песня «Запишите меня в комсомол». Она напоминает о тех грозных днях, когда в РКСМ принимали без письменных рекомендаций. Только мужественные, готовые без

промедления отдать жизнь за молодую Республику Советов люди становились комсомольцами.

Летом 1919 года в Оренбурге родилась первая комсомольская организация. Сто девять парней и девчат записались в нее в тот июньский день. И среди первых — паренек из села Мустафино Муса Залилов. С того дня закружила паренька романтика неповторимых лет, когда все надо было брать с боя.

Умер отец. На руках матери осталось четверо — Ибрагим, Зайнаб, Муса и совсем маленькая Хадича. Разве могла одна Рахима-апа вести хозяйство? Муса вернулся в Мустафино. И хоть совсем немного времени прозел он вдали от родительского дома, земляки не узнавали паренька: уезжал из села ребенком-несмышльником, а вернулся горячим комсомольцем, серьезным и мужественным.

Первое, что он сделал, — собрал мальчишек и девочек и стал читать им книжки, рассказывать об Оренбурге, о комсомоле, о большой войне, которую ведет беднота против богатеев.

Одна книга называлась «Красные цветы». Это был рассказ о человеке, который весь жар души вкладывал в маленький цветничок, созданный им на клочке земли под окнами своей избы. Ушел человек в Красную гвардию и пока воевал с белыми, злые люди засыпали красные цветы мусором. Но кончилась война, человек вернулся, освободил росточки от грязи, и красные цветы расцвели, стали еще ярче, как огонь...

Рассказ так взволновал ребят, что им самим захотелось выращивать такие же — алые, как кровь, — цветы, — цветы, — когда Муса предложил создать в Мустафино отряд маленьких коммунаров, название ему долго не выбирали: «Красный цве-

ток». Почти сорок мальчишек и девочек стали первыми сельскими пионерами. И у каждого на груди — маленький бантик из кумача, словно красный цветок.

— Мы должны помогать коммунистам бить буржуев, — так коротко сформулировал Муса программу «Красного цветка». В тот же день он, Закия Сайфуллина и Бари Вахитов пошли к секретарю партийной ячейки Хабибулле Маняпову.

— Запишите нас в отряд, — попросил Муса.

— И еще нам оружие нужно, — добавил Бари.

— Малы вы еще, друзья, с оружием воевать. Самим нам ружей не хватает, — сказал им секретарь. — А вот дело важное вам найдем. Клуб в селе нужен. Вот и займитесь. Все Мустафино спасибо скажет.

Ушли ребята и призадумались. Где найти помещение? Единственное подходящее здание — мечеть. Но не выгонись же оттуда мулла. Да и старики воспротивятся. В школе? Но она размещается в маленькой невзрачной халупе. Там всего одна комната, и потолок у нее такой низкий: подпрыгнешь — достанешь. Нужна просторная изба. И тут кто-то вспомнил, что бабушка Хакима Кабирова живет со своим стариком в большом доме. Дети у них выросли, отделились, остались они вдвоем. А место лучше не придумаешь: в центре села, прямо против мечети.

И снова ушли на переговоры ребячьи дипломаты. Вернулись довольные: удалось уговорить Кабировых. Сразу же отрядовцы стали перетаскивать вещи на другую квартиру. Потом с помощью старших сколотили сцену, изготовили скамейки. Труднее было сделать занавес. Где взять материал?

Муса отправился в Шарлык. Волостной комсомольский секретарь написал на листке бумаги: «Прошу отпустить для мустафинского драмкружка десять метров ткани». Муса помчался в лавку. Но тут его пыл охладили: есть только мешковина.

Привез домой тугой сверток серой невзрачной ткани. Девчонки сшили несколько полос, а мальчишки натянули проволоку. И вот занавес готов. Проблему освещения решили проще: керосин для лампы приносят по очереди.

И вот уже в селе запестрели афиши: «Мустафинский отряд юных коммунаров «Красный цветок» приглашает всех желающих посмотреть спектакли «Первый шаг» и «Варенье». Фамилия драматурга в афише не указывалась, но ребята знали, что пьесы написал сам Муса.

Все уже было готово к представлению, и... новое препятствие: наученные муллой старики запретили «бесовское занятие». Да и сам мулла назначил моление в час премьеры. «Актеры» забеспокоились: можно остаться без зрителей. Выручили коммунисты — поговорили с людьми, убедили их, что дело пионеры затеяли очень нужное, полезное.

Спектакль состоялся. Он был первым за всю историю села и прошел с таким успехом, что те же самые старики, что пытались сорвать спектакль и пошли на моление, а не в клуб, попросили показать представление и им.

Весь зал, затаив дыхание, следил за ходом действия, а потом хохотал над остроумными частушками про мироеда и скрягу Садыкбая, ленивого и жадного муллу, толстопузого Валея-богатея. Исполнял частушки сам автор — Муса.

Муса Джалиль с матерью и сестрой. Фото 1926 года.

И еще одно придумал «Красный цветок». На здании сельсовета повесили большой лист бумаги. Сверху крупными буквами — слово «Алга» («вперед»), а ниже — заметки о жизни Мустафино: высмеивались проделки кулаков и похождения муллы, а также тех сельчан, кто им подпевает. Много врагов нажили пионеры, но не испугались. Бари рисовал заголовки и карикатуры, ребята собирали материалы, а Муса писал острые, колючие тексты. У каждого номера всегда дежурили пионеры, умевшие читать, — ведь большинство жителей села были неграмотными.

Вскоре комсомольцы создали патруль по борьбе со спекулянтами. Днем и ночью, а особенно в базарные дни, мальчишки с кумачовыми повязками на рукавах дежурили на тракте. Дозорные выбрали для себя удобную позицию — у моста через Неть. Хоть и мелкая река — воробью по колено, а вброд ее не вдруг переедешь: берега заболоченные и дно илистое. Поэтому, как ни вертись, моста не миновать. Здесь и устраивались засады...

...Издали послышался шум приближающейся телеги. Но метров за двести от моста возница осадил лошадь, стал подъезжать крадучись. Зачем бы это понадобилось честному человеку? Да еще глубокой ночью? Ребят не проведешь: сразу заподозрили что-то неладное.

— Стой! — крикнул Муса, выскочив из укрытия на дорогу.

Возница опешил лишь на какую-то долю секунды. Он уже замахнулся было кнутом, чтобы стегануть лошадь, но братья Бари и Гани Вахитовы с двух сторон взяли коня под уздцы. А рядом с Мусой стояли Гали Маняпов и Закия Сайфуллина.

Увидев мальчишек, возница пытался отвертеться: едет, мол, в Шарлык на базар, надо детям кое-какую одежку купить. А тут вы. Испугался, думал разбойники.

— Что везешь? — строго спрашивает Муса. А его помощники уже достают из-под сена полмешка соли, корчагу с медом, чай, сахар, мыло, спички — самые дефицитные товары. Предчувствие не обмануло: крупная птица попалась. Торгаш пытался откупиться от патруля, предлагал ребятам деньги, мед, сахар. Но дозорных не подкупить. В сельсовете товары конфисковали, а владельца их под конвоем отправили в Шарлык в ЧК.

...Однажды под вечер по селу прошел слух, что от соседней деревни Зеркло к Мустафино движется банда. Коммунисты, беднота взялись за оружие, выставили у подходов к селу дозоры. Раздобыв где-то старенькую берданку, пришел к ним и Муса. И снова ему сказали, что мал еще. Обиделся.

Стрельба меж тем становилась все сильнее. Как видно, бандиты обложили Мустафино со всех сторон. Муса предложил товарищам:

— Давайте поберемся в Шарлык, позовем на помощь тамошний отряд.

Ребята промолчали. Тогда Муса пожал им руки и, прижимая к себе ружье, пополз по болотистой низине навстречу выстрелам.

На рассвете в степи разгорелся бой, до Мустафино доносились пулеметные очереди, несколько раз грохнули гранаты. Затем все стихло. А через несколько часов вместе с бойцами коммунистического отряда, разгромившими бандитов, вернулся в Мустафино Муса. Вызванная им подмога пришла вовремя.

Муса Джалиль, Старший подполковник. Фото 1941 года.

Потом Мусу вызвали в Оренбург. После учебы в совпартшколе с путевкой губкома комсомола он уехал в Орск, стал инструктором уездного комитета РКСМ. Но редко можно было застать его в домике на склоне горы Преображенской, где размещался уком. Все дни и вечера проводил Муса среди молодежи. Невысокий смуглолицый паренек в гимнастерке с кимовским значком на груди стал любимцем у орчан и в окрестных селах.

«Муса обладал счастливым даром очень быстро сходить с людьми, — вспоминает один из первых орских комсомольцев Георгий Алексеевич Бурдастов, работавший в ту пору вальцовщиком на мельнице. — Пришел он к нам однажды на собрание. До этого никто его не видел. Пробыл на мельнице какой-то час-полтора, а проводили его как хорошего друга, с которым вроде давно-давно знакомы.

Потом не раз с ним встречались в укоме, на субботниках по закладке сада имени Аркадия Малишевского, на всевозможных собраниях и конференциях. Вместе с Мусой ездили в подшефное село Хабарное.

Узнав, что мы собираемся в гости к сельским комсомольцам и думаем повезти в подарок набор слесарных инструментов, Муса сказал:

— А знаете, ребята, неплохо было бы вам взять хоть немного книг, музыкальные инструменты. В селе ведь сейчас с этим особенно трудно.

Времени у нас в обрез. Пришлось побегать. Кто-то принес гитару, потом балалайка появилась.

МЕДВЕДЕВ

— Тогда мы с тобой — родственные души, — улыбнулся командир дивизии. — В снайперы пойдешь?

— Пойду.

— Но учти: снайпер, как и сапер, может ошибиться лишь один раз.

Забегая вперед, скажем: снайпер Медведев отлично выполнил наказ командира дивизии. Только у стен города-героя он уничтожил 262 фашиста, а всего за годы войны около четырехсот солдат и офицеров противника пало от его метких выстрелов.

...Жаркая схватка разгорелась в районе Мамаева кургана. Перед полком, в котором находились Медведев и его напарник, была поставлена задача: отбить у фашистов две водонапорные башни. В них засели вражеские корректировщики и были оборудованы пулеметные гнезда.

Группе наших бойцов удалось прорваться к правому баку и захватить его. Но левый по-прежнему оставался в руках немцев. Медведев подполз к своему командиру.

— Разрешите мне с напарником заняться этим баком.

— Хорошо.

Снайперы незамеченными прокрались к подбитому танку, стоявшему неподалеку от башни. Оставив здесь товарища, Медведев бросился к пролому в стене и швырнул две гранаты. Потом вскинул винтовку и покончил со снайпером, засевшим наверху. Махнув рукой напарнику, Виктор пробрался в башню. Пулемет оказался в целости. Матрос открыл по врагу смертоносный огонь. Фашисты при поддержке артиллерии пытались вернуть потерянную башню. Четыре атаки отбили два снайпера в первый день и три — во второй, пока части 62-й армии не овладели Мамаевым курганом.

Командир полка крепко пожал смельчакам руки.

— Молодцы, ребята! Без вашей поддержки полку пришлось бы туго.

Многому научился Виктор Медведев у своего боевого товарища и земляка Василия Зайцева. Это для расправы с Василием немцы вызывали своего лучшего стрелка, руководителя берлинской школы снайперов Коннгса. В поединке с Коннгсом победили воля, смекалка и мужество нашего воина.

— Внимательность, внимательность и еще раз внимательность, — говорил Зайцев Медведеву. — Вот, скажем, появился незаметный пенек среди десятка старых знакомых на пристреленном участке. Ты его сразу бери под контроль и жди, пока противник не выдст себя.

Крепко усвоил Виктор наставления товарища.

Наши части вышли к реке Донец. На одном из участков засел фашистский снайпер-пулеметчик и огнем прижал бойцов к земле. Командир батальона передал Медведеву:

— Надо ликвидировать пулеметчика!

Виктор Иванович Медведев.

Виктор тщательно изучал каждый кустик. Враг замаскировался где-то во фруктовых деревьях. «Самое слабое место фашиста — фланг», — решил снайпер. И оказался прав. После меткого выстрела пулемет замолчал. Батальон поднялся в атаку. Когда бойцы достигли сада, они увидели того, кто преграждал им путь. Мертвый фашист висел на веревках между деревьями. Из документов явствовало, что это был особо заслуженный немецкий снайпер, начавший свою карьеру еще в первую мировую войну. От огня Виктора Медведева его не спас даже специальный броневой щит.

Трофей — ручной пулемет с оптическим прицелом — пригодился потом нашему снайперу.

В меняющейся боевой обстановке Виктору довелось испытать многое. Продвигаясь в направлении Лозовой, батальон получил задачу: перерезать перекресток шоссе в кольце противника. Задача была выполнена. Однако вонны оказались в кольце противника. Один за другим выходили из строя бойцы. Погиб командир батальона. Тогда командование взял на себя старшина Медведев. Две недели горстка храбрецов держала круговую оборону, но позиций не сдала.

Тяжелое ранение под Варшавой вывело Медведева из строя и помешало ему дойти до Берлина. Но он не сложил оружия. Оправившись, Виктор Иванович в качестве командира отделения разведчиков сражался с японскими империалистами на Дальнем Востоке.

Сегодня знаменитый мастер меткого огня Герой Советского Союза Виктор Иванович Медведев трудится у себя на родине на Троицкой электростанции.

Ал. ИГОЛЕВИЧ

Константин МАКСИМОВ

ТРИ СЛОВА

Рассказ

Телефонная трубка, слетевшая с аппарата, качалась на шнуре, как маятник: туда-сюда, туда-сюда... В ней требовательно и тревожно журчал далекий человеческий голос, не получавший ответа. Мы все четверо прекрасно слышали этот голос и знали, что он принадлежит командиру взвода управления зенитной батареи лейтенанту Степанову. Но делали вид, что не слышим. Мы даже не смотрели на эту трубку. А она все качалась: туда-сюда, туда-сюда...

Наш НП, как на военном языке называют сокращенно наблюдательный пункт, находился в восьми километрах от зенитной батареи, охранявшей железнодорожный узел. В нашу задачу входило вовремя предупредить по телефону батарею о появлении фашистских бомбардировщиков. Фронт был недалеко. Но вместо самолетов из кустистого оврага неожиданно вынырнули фашистские мотоциклисты и танки.

Весельчак ефрейтор Сашка, дежуривший в то утро в яме подслушивания, выстрелил и тут же грохнулся навзничь, прошитый пулеметной очередью. Сейчас он хорошо был виден нам через окошко землянки — прямой и желтый, с раскрытыми в знойное небо глазами. Над ним шептала что-то посаженная его же руками березка..

— Я повторяю еще раз: кто посьмет трубка и скажет на батареи: на НП спокойной! В раскрытую дверь землянки, где истуканами стояли в касках пропыленные немцы, залетел шмель и, описав над черной тульей фуражки эсэсовского офицера круг, с густым жужжанием заколотился о потолок.

Как все глупо получилось! Наш командир наблюдательного пункта сержант Герасимов, когда затрещали мотоциклы, находился метрах в ста от землянки — готовил сучья для костра. Я стирал в ручье гимнастерку, а силач Дьяченко спал после дежурства. Но Мишка Носиков, дежуривший в этот момент у телефона, — как он не сумел предупредить батарею! Впрочем, Носиков всегда был плохим солдатом. Услышав выстрелы, он зачем-то выскочил из землянки и тотчас был сбит с ног рослым немцем.

Хорошо дрался Герасимов. Он уложил двоих. Много хлопот доставил немцам Дьяченко. Но все безрезультатно — избитые, мы стоим в ряд у стены землянки. Перед нами поигрывает черным вальтером горбоносый офицер, а трубка телефона качается: туда-сюда, туда-сюда...

От одного из нас требуется пустяк — взять качающуюся трубку, выслушать ругательства такого сейчас далекого лейтенанта, возможно,

получить от него наряд вне очереди за то, что покинули телефон, и сказать: на НП спокойно. Вот и все! Только три слова.

Я смотрю на окно, где ветер колыхает метелки иван-чая и шевелит одежду на мертвом Саше и представляю на миг, что кто-то из нас скажет в трубку эти три слова. А через полчаса темно-серые танки с крестами на бортах ворвутся на станцию, забитую эшелонами с эвакуирующимися, смешают с землей четыре орудия нашей батареи, навалятся горячей сталью на наших товарищей...

Рядом со мной стоит Дьяченко, по-волчьему смотрит на офицера и сосет расквашенную губу. Герасимов равнодушно следит за шмелем, который кружится над фотографией улыбающегося ребенка. Это Ритка. Носиков получил ее снимок месяц назад, когда фронт был еще далеко. Он очень любил свою дочку. Жена, родив Ритку, умерла. И Ритка жила теперь у бабушки.

Носиков стоит около меня очень бледный, с оторванным рукавом гимнастерки, с поцарапанной худой шеей.

— Я повторяй еще раз! Кто скажет на батарее всего только три слова: на НП спокойно! Офицер вынимает сигарету, щелкает зажигалкой.

— Я ждать три минута. Потом все расстрелять!

Шмель, басовито гудя, все стучается о потолок. Чтобы отвлечься, я провожу грамматический разбор. «На» — предлог, «спокойно» — наречие. «НП»... Что такое НП? Это сочетание называется каким-то одним очень звонким словом. Я напрягаю память, но вспомнить никак не могу.

Непотушенная сигарета летит на топчан: три минуты истекли.

Вдруг Носиков пошевелился и сделал шаг вперед. Мы как по команде повернули головы. Глотнув пересошим горлом, он хрипло сказал:

— Я!

Дьяченко плюнул так, что кровавый спусток шлепнулся на Мишкину щеку. Герасимов скрипнул зубами, я переступил на левую ногу, чтобы правой ногой пнуть Носикова. Но немецкий автомат уперся мне в бок.

— О! Очень хорошо! — воскликнул немец. — Вы — жить, они — расстрелять! Говори...

Поймав трубку, Мишка Носиков подул в микрофон и срывающимся тонким голосом произнес:

— Алло! У телефона Носиков.

Шмель вылетел за окно, и в тишине слышалось из трубки журчание рассерженного голоса. Он определенно принадлежал Степанову. Лейтенант не давал сказать Мишке ни слова: ругался. Пролетела секунда, пять, девять...

— Есть, шесть нарядов вне очереди! — наконец сказал Носиков. — Есть, позвать Герасимова... Товарищ лейтенант, вы меня хорошо слышите? Слушайте!

Голубые глаза Мишки стали огромными, лицо помертвело:

— На НП немцы!

Через несколько секунд, медленно вытягиваясь, Носиков лежал у наших ног: горбоносый разрядил в него весь вальтер. Трубка, вылетевшая из рук Мишки, опять качалась: туда-сюда, туда-сюда, но голос больше уже не журчал в ней.

Мы застыли, как в почетном карауле...

Когда нас троих гнали в густой толпе пленных на запад, Дьяченко спросил:

— Хлопцы, кто знает адрес ляльки нашего Мишки?

— Энск, Набережная, 9, — сказал Герасимов.

— Энск, Набережная, 9, — повторил я, чтобы запомнить.

...Слепящим июньским днем я спустился на деревянный железнодорожный перрон незнакомого городка. В калитке покосившегося домика столкнулся с босой девчонкой, тащившей за бечевку упирающегося козленка.

Она вскинула на меня Мишкины глаза и уверенно заключила:

— Папка!

Я поскорей поднял ее на руки и, уткнув лицо в ее хрупкое детское плечо, долго стоял, закрыл глаза. В синеве плыли облака, шумел тополь, где-то стонали голуби. А я видел землянку, качающуюся трубку, я видел обелиск на могиле Дьяченко, где был когда-то фашистский концлагерь, я видел гранитную скульптуру солдата с такой же маленькой девочкой на руках в большом нерусском городе, где лежал сержант Герасимов...

Встреча в тайге

Мне приходилось много ездить верхом по приисковым тропам енисейской тайги — от палаточных лагерей геологов до экспедиционных баз, от шурфа до шурфа по свежепрорубленным просекам. Я привык к своему несовершенному виду транспорта, полюбил лошадей, и умные животные, как мне казалось, отвечали тем же.

Однажды я задержался в очередном маршруте и не успел к вечеру доехать к прииску Аяхта в верховьях реки Пит. Пришлось подыскивать место для ночлега. А было это в безлюдной кедрово-лиственничной тайге, среди настоящего медвежьего царства.

Изыскатели-поисковики сплошь да рядом встречаются с топыгинными, в особенности топографы, которые работают без шума. Геологи набредают на медведей реже. Я же за много лет не столкнулся с ними ни разу.

Близились сумерки. Лошадь мотала головой, отгоняя комарные стаи; я согнулся в седле, чтобы не налететь лбом на сучья, следил за затесами на деревьях.

Неожиданно в тишине леса, как выстрел, хрустнула ветка, и на тропу вышел большой бурый медведь! Мгновенно взметнулась на дыбы лошадь, намереваясь убраться прочь от извечного врага. Мне удалось тотчас же успокоить ее. И тогда я пошел в наступление.

— Эй ты, Михаил Иванович, разбойник! — заорал я. — Уступи дорогу работягам! Да поживей, скотина!..

Медведь подался назад. Когда же я несколько раз стукнул геологическим молотком по сухой лиственнице, грозный хозяин тайги со всех ног побежал прочь по

той самой просеке, куда ехали мы. Лошадь продолжала нервно вздрагивать. Я погладил ее горячую шею, нагнувшись, сунул в мягкие губы кусок рафинада. Потом, шевельнув уздечкой, заставил двинуться по таежной тропе вслед за убежавшим медведем.

Вскоре мы остановились на песчаной полянке. Расседлав лошадь, я собрал валежник для ночного костра. Потом поужинал, поделившись со своим четвероногим другом куском черствого хлеба, такого вкусного в вечернем аромате хвойной тайги, и улегся на седло. Костер догорел, только уголья еще вспыхивали в наступившей темноте летней ночи. Дым рассеялся, и снова прилетели комары.

Ну, а лошадь? Ведь она знала, что где-то вокруг бродит в темноте так напугавший ее медведь. Она подошла к лежащему у потухшего костра человеку, подогнув ноги, опустилась на траву и робко положила голову мне на колени! Совсем так, как это делает собака. Я понял, что лошадь доверилась мне, и теперь ей не были страшны никакие медведи.

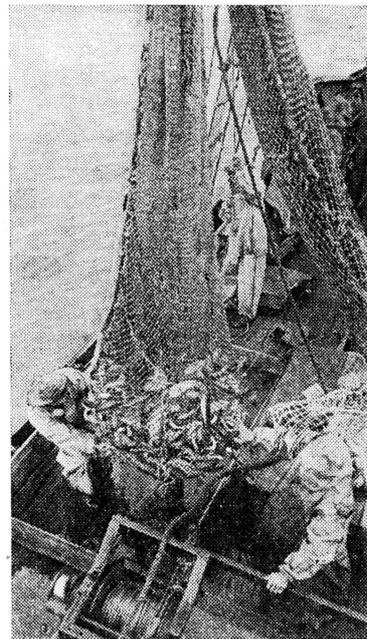
К. ФЛУГ, геолог

Рыбаки Ямала ведут свой трудный поиск. Десятки тысяч центнеров осетра, нельмы, суна, пыжьяна они добыли в пугину последнего года семилетки.

Эти снимки сделаны за 68 параллелью. В отряде сейнеров Салехардской базы морского промысла лидирует экипаж судна «Гремящий».

Командует судном орденосеи капитан Василий Петрович Злыгостев. Экипаж «Гремящего» еще в 1963 году выполнил свой семилетний план.

Семейная реликвия

Вахтеры завода подозрительно осматривали пожилого человека с мешком в руках. Эта подозрительность удесятирилась, когда незнакомец спросил, где можно купить... самолет. Странного покупателя задержали и отвели к начальнику охраны. Но человек и здесь повторил свой вопрос. Потом он достал бумагу, в которой говорилось, что правление колхоза «Ударник второй пятилетки» просит «оказать содействие С. Е. Кужману в приобретении боевого самолета на личные трудовые сбережения».

Начальник охраны позвонил директору завода. Гостя проводили к нему. Заводские кассиры целый час считали деньги, высыпанные из мешка. Директор, военпред, инженеры, рабочие горячо благодарили колхозника. Тогда же один из кассиров наскоро написал документ, удостоверявший, что от Сергея Евдокимовича Кужмана «в

кассу завода принято наличными деньгами за покупку самолета руб. 100.000 (сто тысяч рублей)». И подпись: Гришков. Поставили печать месткома.

Вскоре Сергею Евдокимовичу показали истребитель ЯК-6 — грозную боевую машину. На борту самолета заводской художник аккуратно вывел: «От колхозника С. Е. Кужмана». По просьбе колхозника истребитель направили в 13-ю гвардейскую дивизию, которой

командовал оренбуржец генерал Александр Ильич Родимцев. Из осажденного фашистами города на Волге, где дрались насмерть гвардейцы, получил Сергей Евдокимович благодарственное письмо от генерала-героя.

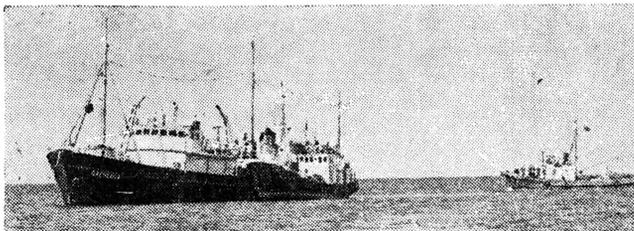
Об этой покупке в январе 1943 года рассказала областная газета, и у Кужмана появились последователи. Спустя месяц, купил истребитель колхозник сельхозартели «Свободная жизнь» И. Ф. Болотин. Потом внесли по 100—150 тысяч рублей на покупку боевых самолетов колхозник сельхозартели «12-й год Октября» И. П. Халин, тракторист Бугурусланской МТС Хаким Хамитов и другие.

Самолеты оренбуржцев один за другим шли на запад громить фашистов.

...У Сергея Евдокимовича Кужмана до сих пор, как драгоценная семейная реликвия, хранится пожелтевший от времени листок бумаги — документ военных лет.

В. ГРИГОРЬЕВ

*Росниски
Дене кассовая росписка, тов. Кужман
Сергей Евдокимович Кужман, р-н Челябинский
Областной колхоз "Свободная жизнь" в количестве в
месеу 3-го 11-го февраля наличными деньгами
за покупку самолета руб 100000
1. Илья Гришков*

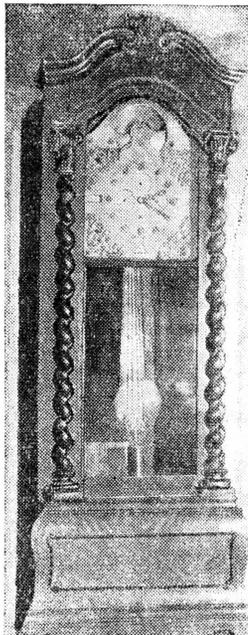
Днем и ночью к рыбозерильному судну «Оленовод» в Обской губе подходят с уловами сейнеры.

После замата на борту тральщика.

Причал Салехардского рыбоконсервного комбината. Осетров в цех разделки отправляет мастер Мария Штоль.

И. САПОЖКОВ

В одном из служебных кабинетов Центрального военно-морского музея стоят массивные, высотой с платяной шкаф, стенные часы. Уже более ста лет деловито и четко они постукивают маятником и ведут непрерывный счет времени.

Впрочем, едва ли будет верным сказать «счет времени»: часы столь хитроумно сконструированы, что по ним наши деды могли узнавать различные астрономические данные и не только в пределах суток!

Вглядитесь внимательно в фотографию. Кроме часовой, минутной и секундной, на циферблате есть и другие стрелки, а пониже — прорезы с цифровыми индексами. Они показывают дни недели, месяцы года, долготу дня и ночи, прибавление дня в минутах и секундах, время восхода и захода солнца и даже в каком году мы живем — простым или високосном.

В верхней части циферблата — месяцеобразный вырез. В нем — диск, изображающий солнце. Утром диск «солнца» всходит, а вечером, в определенное время, заходит. Внутри корпуса часов помещен музыкальный

ящик, куранты которого два раза в сутки выбивают мелодию хорошо известной русской песни:

Где ж ты, мой
друг милый,
Черно-о-окий?

Любопытна история часов. Их создал в Ярославле механик-самоучка Лев Сидорович Нечаев. Семнадцать лет, с 1837 по 1854 год, трудился он над своим изобретением, истратил на это все свои сбережения. Просьбы оказать помощь, обращенные к «высокому начальству», успеха не имели. Но когда в конце концов часы заработали, об этом быстро узнали и в Санкт-Петербурге.

По велению Николая I астрономические часы Нечаева приобрела казна, а изобретателю, кроме вознаграждения, выдали золотую памятную медаль. С этой «царской милостью» Л. С. Нечаев и умер в неизвестности в Ярославле.

Часы «Регулятор» долгое время хранились в Эрмитаже, потом их перенесли в Морской кадетский корпус; во время революционных событий 1917 года они оказались в особняке одного из бывших великих князей.

Почти двадцать лет часы бездействовали. В конце тридцатых годов они поселились в Центральном военно-морском музее. И тут оказалось, что в этом же музее работает механиком внук изобретателя Нечаева Д. А. Кудрявцев. Он разобрал механизм, вычистил и исправил его, и теперь «Регулятор» работает так же, как сто лет назад.

К. ГРИЦИНСКИЙ

ОРЛЯТА	1
ТАМ, ГДЕ БУДЕТ ПАМЯТНИК. К. Момат	2
ПАРНИШКИ СО СТЕКОЛЬНОГО. М. Голубых	3
ЕЩЕ НЕ СОВСЕМ ЛАДНО СИДИТ ГИМНАСТЕРКА. В. Вохмин	5
ПАКЕТ ЧАПАЕВУ. В. Кашниц	6
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	8
НА ВЫСШИХ ОБОРОТАХ. Т. Ефимова	10
БИОГРАФИЯ ОТКРЫТИЯ. Евгений Ананьев	10
ДСРОГИ. ШОФЕР. ИНАЧЕ НЕЛЬЗЯ. Юрий Богатырев. Стихотворения	14
МАГНИТОГОРЕЦ НАВЕЧНО. Е. Ткаченко	16
ДЕЛО. Ю. Хазанович. Документальная повесть. Продолжение	18
ЗВЕРИНЫЕ ФАКСИМИЛЕ. А. Лесняк, кандидат биологических наук	40
ЗАОЧНЫЙ ФОРУМ «СЛЕДОПЫТА»	43
ПЕРВОЕ ИМЯ СВЕРДЛОВСКА. С. З.	43
«ЖЕЛЕЗНЫЙ ДЖОН» УЧИТСЯ. Н. Загоруйко, кандидат технических наук. Об одном научном поиске	44
ФАРСАНЫ. С. Слепынин. Фантастическая повесть. Продолжение	49
СЛЕДОПЫТСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП	69
ЗАВЕЩАНИЕ. Т. Дмитриев	70
ПОДВИГ НАЧИНАЛСЯ В МУСТАФИНО. В. Альтов. О бессмертных	71
СНАЙПЕР МЕДВЕДЕВ А. Иоголевич	74
ТРИ СЛОВА. Константин Максимов. Рассказ	76
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	78
КАК СТО ЛЕТ НАЗАД. К. Грицинский	80

Обложка В. Воловича.

Вторая страница обложки Ю. Григорьева.

Технический редактор
Э. Максимова

Рукописи
не возвращаются.

Корректор
В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87.
Телефоны Д1-22-40, Д1-26-01, редактора, Д8-04-49, производ. отдел.
Средне-Уральское Книжное Издательство

Подписано к печати 20/1 1966 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,61 печ. л. Уч.-изд. л. 11,87.
НС 20009. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ № 994.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

Г О Р О Д А У Р А Л А

Свердловск

Проспект В. И. Ленина. Плотина городского пруда. На этом месте в начале XVIII века был заложен город.

Дворец пионеров. Здание построено в первой четверти XIX века. Принадлежало династии уральских заводчиков. Кстати, об этом здании рассказал Д. Н. Мамин-Сибиряк в своем романе „Приваловские миллионы“.

30 коп.

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ

Редколлегия: А. АСС, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Ю. ХАЗАНОВИЧ.